

Наталья Тазгле

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ УРАЛА

Книга 2

**Памяти жертв
политических
репрессий
30-х – 40-х годов**

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ УРАЛА

Наталья Паэгле

За колючей проволокой Урала

*Посвящается
жертвам политических репрессий 30 - 40-х годов*

Книга 2

2006

Книга представляет собой сборник очерков, в которых прослеживается судьба людей, пострадавших от политических репрессий 30 - 40-х годов XX века, высланных на Северный Урал, заключенных в зоны Богословлага. Воспоминания очевидцев сопровождаются архивными документами и фотоматериалами.

Историко-публицистическое издание, основанное на краеведческом материале, адресовано широкому кругу читателей

Верстка Малашенко Ж.Е.
Дизайн обложки Успенская М.В.
Корректурa Аликина Н.А.
Фото Суворин В.В.
ISBN 5-94166-064-2

Вместо предисловия

В марте 2004 года в городе Краснотурьинске Свердловской области при содействии руководства Богословской ТЭЦ, филиала ОАО «Свердлов-энерго», вышла моя первая книга «За колючей проволокой Урала», посвященная жертвам политических репрессий 30-40-х годов. Это сборник очерков, документов и фотоматериалов, объединенных темой политических репрессий 30-40-х годов, последствия которых я постаралась проследить в судьбах жителей Северного Урала.

Книга вышла очень маленьким тиражом – 150 экземпляров, что позволяет говорить о попытке ее издания. Но даже издавая сборник в таком количестве, я не была уверена в том, что он будет востребован. Я не могу сказать, что читателями книги спрашивали люди, исходя не из праздного любопытства, а с позиции того, что написано здесь про меня, про моих родных, знакомых, про мой народ, про нас всех, живущих на этой земле, в этой стране. Вот, например, что написал в своем письме из Оренбургской области бывший житель Краснотурьинска Николай Максимович Смолевский:

«Огромное спасибо за книгу! Я остаюсь вашим должником на всю оставшуюся жизнь. Вы меня вернули на 70 лет назад, к тем воспоминаниям, которые с трудом забывались, глубоко хранясь все эти годы в сердцах, нашего поколения. Огромное спасибо автору книги за ее титанический труд по описанию истории нашего государства и его многострадального народа. Она увековечила добрую память об Анатолии Павловиче Анфалове и других, незаконно оскорбленных людях нашего государства.»

Прочитал книгу, и в памяти проснулись воспоминания пятилетнего ребенка. Как будто это написано про наш Рязанский, Тамбовский, Пензенский, Карельский, Мордовский эшелон, который прибыл в г.Сатка на отведенный нам клочок земли. Один соломенный барак на 400 человек по 10 сантиметров на каждого. Через три месяца все дети до 3-х лет покинули этот мир, умерли от дифтерии. И мы похоронили двухлетнего братика. Вот такая память в нас увековечена на всю жизнь. Свое прошлое приходилось держать в памяти и в секрете, выполняя честно свой гражданский долг, с кровью переданный по наследству нашими родителями.»

Еще раз спасибо за книгу, которую мы будем хранить в семье от поколения к поколению».

Для меня, как автора, оказалось полной неожиданностью то, что, попытка описать судьбу местного населения вызовет такой резонанс. Это подтвердила и презентация книги, прошедшая в Карпинском краеведческом музее, и ее представление в городе Красногурьевске, в библиотеке профкома БАЗа, и средствах массовой информации.

«...Мне трудно судить-рядить, что в книге лучше, что менее интересно – тут все пришлось «ко двору» и в равной мере. А исповедальные тетради Анфалова должны быть изданы отдельно, в подарочном варианте, чтобы положить на любой номенклатурный стол в память и в назидание о минувшем человеконенавистническом веке, хвост которого перетащили и в XXI век».

*Олег Николаевич Лузянинов
г.Нижний Тагил*

Все 150 книг разошлись в течение первого месяца, а люди до сих пор звонят и умоляют продать им экземпляр. Сборник вышел в свет, но тема осталась неисчерпанной. В первую книгу вошли только материалы, собранные с 1998 по 2000 год. Надо сказать, что очерки первой книги как раз обозначили тему, новую для меня в момент написания. За последующие годы состоялись новые встречи по всему Северному Уралу. Более подробно разрабатывалась тема немецкого наро-

да, высланного в Сибирь и на Урал в начале 40-х годов. Идея издания второй книги обсуждалась в обществе, а средств на это не было. Мне приходили письма от читателей и героев моих очерков.

«...Я уже несколько раз прочитал в местной газете материал о книге «За колючей проволокой Урала». Я все больше убеждаюсь в том, что мне нужна эта книга. Но таких охотников не я один, а десятки тысяч. Для издания второй части нужны финансы. Конечно, я бы мог выделить из своего бюджета где-то 0,5 тысяч рублей, но ведь это капля в море».

*Иван Иванович Рудольф, пенсионер
п.Рудничный*

И вот, вторая книга «За колючей проволокой Урала» перед вами. Она состоит из трех частей. Первая называется «Кулаки», вторая - «Богословлаг», третья – «Зона общего оцепления». Названия глав повторяют первую книгу, что вполне закономерно, так как продолжают начатую тему.

В первой главе собраны очерки о раскулаченных и высланных на Северный Урал крестьянах. География встреч простирается от поселков Новолялинского района до населенных пунктов, расположенных вблизи Североуральска.

Встречи, свидетельства, воспоминания, фото и документы моих героев позволяют, категорически не согласиться с мнением о том, что разорение и спецпереселение крестьян в 30-х годах XX века носило фрагментарный характер, а не было преднамеренной государственной политикой, направленной на истребление одного класса для формирования другого. Понятно, что уничтожалось крестьянство, в дальнейшем используемое как рабсила на стройках индустриализации, курс на развитие которой был задан именно на уровне государства.

Как правило, воспоминания, которыми делились со мной очевидцы, не только обнародованы впервые, люди вообще впервые рассказывали кому-то о трагедии своей жизни. Представьте, прожить 80 лет и только теперь рассказать и оплакать то, что мучило тебя все эти годы!..

Во вторую часть «Богословлаг» вошла история строительства Богословского алюминиевого завода и ТЭЦ, составленная из воспоминаний очевидцев, в том числе немцев-трудармейцев, пострадавших по национальному признаку.

Приехав в Москву, в просветительский центр А.Д.Сахарова, я с удивлением стояла у карты, представляющей схему переселения народов в годы Великой Отечественной войны. Вся территория СССР была опутана паутиной направлений выселения по национальному признаку. Все увиденное не поддавалось никакой логике. С запада на восток, с востока на запад, с севера на юг, с юга на север. Даже у нас, на Северном Урале, высылали, например, с Гаринского района в поселок

Черный Яр Ново-Лялинского. Здесь же мне пришлось встретить высланных по национальному признаку в годы войны греков, а в Серовском районе – прибалтов.

Несомненно, что все народности выпили свою чашу страданий до дна. Но неопровержимо и то, что особое политическое проклятие было наложено на немецкий народ, в котором, несмотря на его российское происхождение, видели потенциального врага.

Количество немцев-тудармейцев исчисляется тысячами, смертность в связи с голодом, болезнями и тяжелым трудом была очень высокой. Поэтому на смену сотням умерших каждый день поставлялись новые эшелоны рабсилы.

Воспоминания очевидцев свидетельствуют о том, что одинаковому преследованию подвергались простые, почти безграмотные крестьяне из Поволжских немецких деревень и специалисты, получившие образование в самых в то время престижных вузах страны. В одинаковых условиях содержались они и в зоне, хотя надо отметить, что наивысшей смертность была среди простого люда. Это объясняется тем, что немецкие крестьяне в большинстве своем не знали русского языка, они труднее адаптировались в местных условиях, чаще погибали на «черных» работах. Тудармейцы, умеющие читать, писать и считать нередко использовались на работах, связанных со счетоводством и нормированием, что, несомненно, помогало им выжить. Врачей, инженеров, конструкторов задействовали по специальностям, что стало для них тоже реальным шансом для выживания.

Разговаривая с моими собеседниками, я часто слышала фразу «я выжил, потому что мне повезло». При этом отмечались какие-либо люди или обстоятельства, благоприятствующие выживанию. Никто и никогда не сказал мне о том, что выжил благодаря условиям, созданным для сохранения людей. Наоборот, все было направлено на их вымирание. Проявлялась политика геноцида целого народа.

С победой Советского Союза в Великой Отечественной войне не сбылись надежды немцев на освобождение. Где-то в 1946 году колючая проволока была снята, зона открыта. Но немцы от этого свободнее не стали. В 1947 году вышел Указ Верховного Совета СССР о вечном поселении немецкого народа, что пожизненно лишало его свободы. Это сегодня можно констатировать как исторический факт, тогда же каждый конкретный немец, находившийся на поселении, воспринял это сообщение, как личную трагедию. А как иначе можно было принять известие, навсегда лишившее тебя будущего в стране обязательного проживания?

Указ был отменен только после смерти Сталина, тогда, когда большинство немцев пустило корни на Северном Урале. На мой вопрос «Почему вы не верну-

лись на родину?», как правило, ответ был один: «Родины больше нет. Там мы по-прежнему враги. Здесь росли наши дети, мы старались жить здесь». О том, как они старались жить здесь, рассказывают герои новых очерков, бывших трудармейцев Богословлага.

В процессе сбора материала появлялись очерки, которые по теме не входили ни в первую, ни во вторую часть, и тогда я решила объединить их в третью главу, оставив название, опять же взятое из первой книги «Зона общего оцепления», чем и представляется мне Северный Урал середины XX века. Ее герои – изгнанники по политическим мотивам, заброшенные в самые дальние уголки Северного Урала.

Занявшись темой политических репрессий, я поняла, что дальше жить, как прежде, не смогу. Как бы тяжело ни переживалось, но это то, что прирастает к сердцу навсегда. Сегодня сбор материала осуществляется по двум направлениям. Первое – это, как и раньше, мои личные встречи с героями. Второе – организация Карпинского центра по сбору устной истории, грант на создание которого был получен от Благотворительного Фонда гражданских инициатив «Точка опоры»

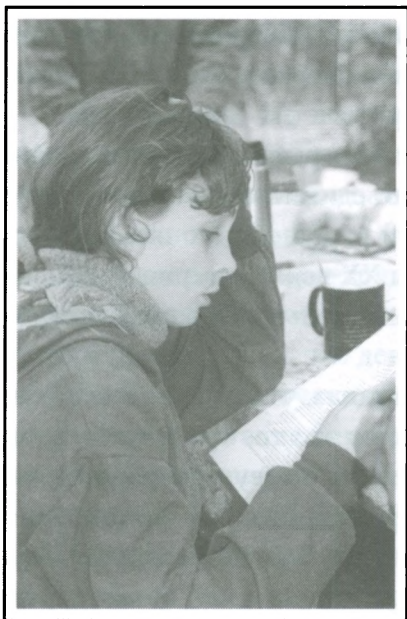
(г.Москва) при содействии Екатеринбургского общества «Мемориал». Здесь объединены мои единомышленники, проживающие не только в Карпинске, но и в Краснотурьинске, и Волчанске. В большинстве своем это педагоги, которые неравнодушны к истории своего края. В летних школьных экспедициях по местам бывших спецпоселений мы собираем материал теперь уже

вместе со школьниками. Считаю очень важным тот факт, что уже наши дети пишут подлинную историю своего родного края. Слушая свидетелей ушедшего XX века, они умеют чувствовать и сопереживать, думать, анализировать и писать.

А писать еще нам с ними предстоит много. Сколько тысяч людей прошло через бывшие лагеря Северного

го Урала!.. Вот, например, что пишет из Нижнего Тагила в своем письме ко мне бывший трудармеец Карпинской зоны, известный художник - Михаил Васильевич Дистергефт:

«Уважаемая, глубоко уважаемая Наталья Михайловна! Редкостный Вы человек, достойный глубоко уважения за все ваши труды, мысли, желания, идеи... в деле сохранения истории – подлинной, а не удобной-удобной лишь «определенной» части общества.

Почему, правда приходит всегда после, потом, спустя годы?..

Наша Карпинская эпопея не забудется никогда. В Краснотурьинских лагерях и Карпинске сидели многие достойные люди. Например, кинорежиссер Правов, автор фильма «Бабы рязанские», Петр Вельяминов, очень известный кино-

актер, народный артист. Я был знаком и дружил с художниками лагерного театра Брониславом Перко, Александром Дельва, Вениамином Гартунгом, который потом оказался главным художником Нижнетагильского драматического театра. Или вот еще очень трогательная фигура - Владимир Александрович Леонгардт – заведующий литературной частью Большого театра СССР, которому добавили срок уже в зоне за одно слово правды. Мне было бы дорого, если это имя как-то, где-то сохранилось бы. Ведь сам он исчез навсегда!

Назову еще одно имя. Рукк Николай Николаевич – генерал, заместитель командующего Уральским военным округом по капитальному строительству. В Карпинске был счетоводом на кирпичном заводе».

Письма, телефонные звонки, личные встречи свидетельствуют о том, что тема политических репрессий, отразившихся в судьбах узников Северного Урала, остается по-прежнему не изученной. Вряд ли удастся узнать все, но то, что можно, мы узнать должны.

Н. Паэгле
2005 год

За колючей проволокой Урала

Часть 1

До сих пор существующее утверждение о том, что раскулачивание и ссылка крестьян в конце 20-х и в 30-х годах имели только эпизодический характер, не имеет под собой никакого основания. Это страшное явление было целенаправленно разработано партией большевиков, которая в период с 1922 по 1928 годы, активно проводя политику лишения гражданских прав, совместно с государственными органами готовила законодательную базу для проведения массовых репрессий конца 1920 - 30-х годов. Так в 1926 году был принят и с начала 1927 года введен в действие новый Уголовный Кодекс с печально известной 58-й статьей, имеющей 18 подпунктов, направленных против врагов советской власти. В двенадцати случаях за контрреволюционные преступления грозила высшая мера наказания, всего же в кодексе содержалось 46 расстрельных статей. Уголовный кодекс 1926 года довел возраст наказуемых до 12-ти лет.

В июне 1927 года постановлением ВЦИК и СНК в УК 1926 года была включена глава 1, предполагающая тюремное заключение сроком до шести месяцев «за недоносительство о готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении», что резко увеличило численность арестов. Так граждан одной страны приучали «стучать» друг на друга.

Статья 58 была направлена против «контрреволюционеров», а 59-я – против других государственных преступников, «подрывающих основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР». Она и применялась при подавлении крестьянских бунтов, возникающих в знак протеста при раскулачивании и ссылке. Административная высылка была узаконена еще в 1922 году Декретом ВЦИК от 10 августа.

Созданная законодательная база стала основанием для проведения массового раскулачивания и выселения крестьян. Вскоре она была подкреплена Постановлением СНК СССР от 18 августа 1930 года «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области». Переселением занималось ОГПУ.

Урал стал одним из главных районов спецссылки, перед которой ставилась специфическая задача – колонизация Северного Урала и Тобольского Севера. В 1930 – 1931 годах по всему Советскому Союзу было отправлено на спецпоселение 381 026 семей, общей численностью 1 803 392 человека. На Урал выселили 128 233 семьи с числом 571 355 человек, разместив их преимущественно в северных районах области. Основная масса спецпереселенцев была закреплена за леспромхозами, другая, значительная часть, - за промышленными предприятиями. Так в условиях автоматизации труда была решена проблема массовой заготовки древесины, разработки полезных ископаемых и строительства многих промышленных объектов Северного Урала.

По данным на 20 апреля 1930 года только на территории Свердловской области находилось 54 537 спецпереселенцев, в том числе, в Надеждинском районе – 31 795 человек, в Гаринском – 10 164 человека, в Сосьвинском – 4 360 человек, в Ивдельском – 5 102 человека, в Кытлымском – 3 116 человек.

*По материалам книги «Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920 - 1980»
автор-составитель В.М. Кириллов,
доктор исторических наук, профессор*

Один из эшелона

После выхода в печати моей первой книги «За колючей проволокой Урала», где были опубликованы воспоминания Анатолия Павловича Анфалова, поступило много откликов. За книгу благодарили его бывшие коллеги, ученики, жители Краснотурьинска, знавшие Анатолия Павло-

Воспоминания об эшелоне высланных кулаков нарисовали в моем воображении образ стареющего мужчины, с болью переживающего свое прошлое. каково же было мое удивление, когда я воочию увидела Николая Максимовича. Он позвонил неожиданно, представился:

Семья Смолевских, 1978 г., Николай Максимович слева

вича. А потом пришло письмо из Оренбурга от Николая Максимовича Смолевского, младшего брата Марии Максимовны Анфаловой.

- Я в Краснотурьинске, не могли бы мы с вами встретиться?

Он даст фору любому юноше. В костюме и при галстукe, энергичный, под-

тянутый, он совсем не выглядит на свои 78 лет. Мы говорим и говорим. Много о семье Анфаловых. Николай Максимович не только благодарен старшей сестре за то, что ее семья когда-то приняла его в Краснотурьинске, где он нашел свою судьбу. Он глубоко признателен ей за то, что она подарила ему возможность встретить в жизни такого человека, как Анатолий Павлович.

– Толя был удивительный человек! Он знал все! С ним интересно было говорить! Он знал языки, математику, физику! Вы же знаете, он рассчитал траекторию движения первого искусственного спутника земли и указал то время, когда он должен был появиться над Краснотурьинском. Об этом сообщили в газете, и сотни людей вышли в этот момент на улицы города, смотрели в небо, видели там светящуюся точку и радовались! Он переводил с китайского, японского и немецкого. Он так бы много мог сделать для науки... Ему своим счастьем обязана наша семья.

Семья Смолевских была большой. Братья и сестры жили дружно. И, вспоминая то одного, то другого Николай Максимович представлял мне удивительных людей, корни которых уходят в Рязанскую землю, в центр России, к есенинской деревне. А поэтому разговор надо вести от Смолевских старших, двух братьев Максимов и не двоюродных, а самых что ни на есть родных.

– Мой отец, Максим Васильевич, родился в семье первым, в 1892 году, – рассказывает Николай Максимович. –

Но был он маленьким и слабым, надежды, что выживет – никакой. И когда родился второй сын у моих бабушки с де-

1936 год. Семья Смолевских

душкой, то его тоже называли Максимом. Так и жили в одном доме два брата – Максим-старший и Максим-младший. Обзавелись семьями, и все под одной крышей жили. Да какая там крыша – машет рукой Николай Максимович, – солома одна. Изба была тесной, крыта соломой, пол – глинобитный. Печь топили тоже соломой. Леса в нашем районе не было совсем. На ночь на пол бросали опять же солому, под голову – длинные подушки – на всю ребятню, и одно на всех семейное одеяло. Ут-

ром солому сворачивали в рулон и топили ей печь. Вот и все наше богатство было, - вспоминает Николай Максимович.

Мама его, Екатерина Кузьминична, 1894 года рождения, замуж вышла рано. Да и то, ведь перестаркой в деревне можно остаться, где женихи нарасхват. В шестнадцать лет Катя уже первую дочь родила.

Жили два Максима со своими семьями в селе Желобово тогда Московской, а теперь Рязанской области. Корову, лошадь имели, а как иначе семьи кормить? Кроме избы с соломенной крышей, было у братьев десять десятин купчей пахотной земли, а из всего сельхозинвентаря – только веялка. Работников никогда не держали, собственными силами управлялись.

В Первую мировую войну старшего Максима, имевшего уже двоих детей, в армию призвали. Да на фронте ему долго быть не пришлось. Был ранен, к немцам в плен угодил, а там – на работу к хозяину.

– Фермер лично приезжал в лагерь, для себя работников отбирать. Разглядел он в отце жилку крестьянскую, мужика работающего, - рассказывает Николай Максимович, - а потому на него и указал. Работал на немца отец до 1921 года. Здесь еще больше к порядку и немецкой педантичности приучился. Потом часто вспоминал распорядок, заведенный в немецком хозяйстве, где не только работа вовремя начиналась, но и к обеду строго в одно время собирали, о чем всех работающих колокол извещал.

С этой страстью к работе и порядку в 21 году (кто бы мог подумать?) в Желобово снова Максим вернулся. Да, нелегко оказалось в родной деревне немецкие методы хозяйствования внедрять – нищета душила. Да и с ней бы справились, когда б не продрозверста.

Все, что трудом нажили, вырастили, все отдай сборщикам налогов, - горько восклицает Николай Максимович. – Лозунг такой был: «Село должно город накормить», а как деревне самой выжить? Нас в семье потом уже шестеро детей было. Всех накормить, одеть надо было. Носили мы все домотканое, спали на дерюгах и ими укрывались.

Солома и дерюги – самые яркие впечатления раннего детства. А еще – антоновские яблоки, распетые Буниным. Никаких заборов и ворот у их избы не было, только яблони росли вокруг. В сентябре 1931 года антоновка еще не поспела, сорт поздний, к холодам только набирали яблоки сок и до самой зимы хранили аромат осеннего солнца. Но не дожидаться нынешней осенью ребяташкам Смолевских спелой антоновки. Впопыхах срывали зеленые яблоки, полное корыто с собой в эшелон потащили.

– Мужчин высылали отдельно, - рассказывает Николай Максимович, - раньше, чем женщин и детей. Отдельно от нас их и везли. А потом нас. На деревню вагон полагался. Из Желобово в тот момент 18 семей высылали, помню всех по фамилиям: Коптеловы, Мичурины, Шатиловы, Свирины... Мы помогали тащить маме корыто с ябло-

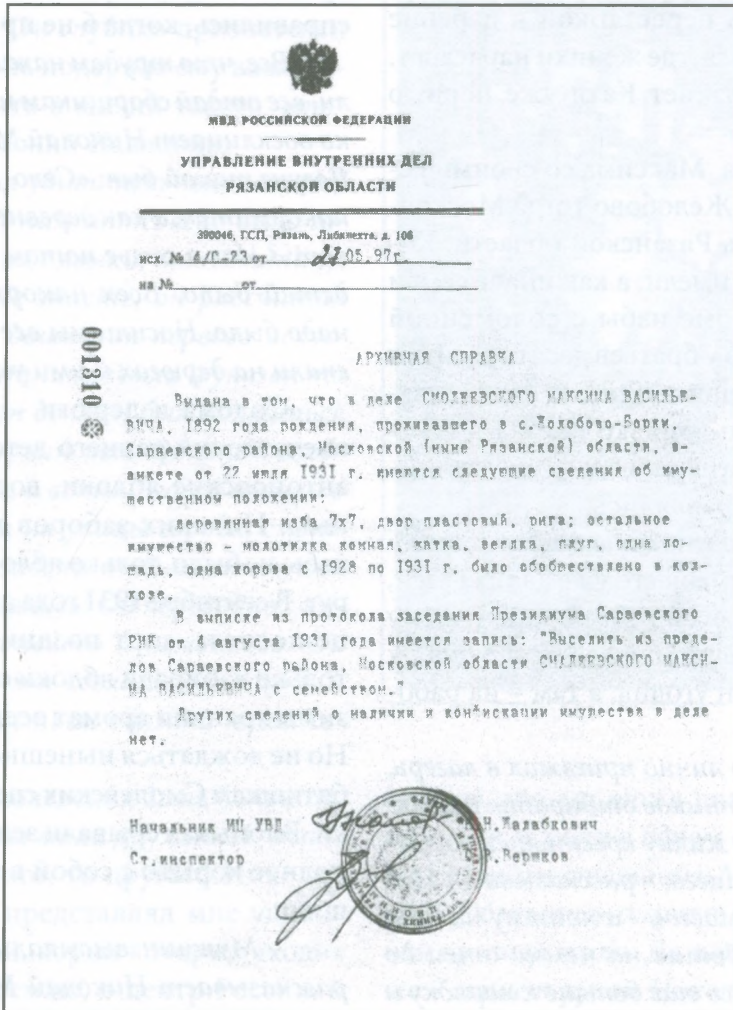

ками, длинные семейные подушки, дерюги, сундук кованный и самовар с медалями, вот и все фамильные ценности.

Вагон битком набит. Духота невыносимая. Грудных детей подносили к

лаченных крестьян из Центрального района, Мордовии, Карелии и Твери.

Город Сатка Челябинской области, словно в насмешку, расположен на южном Урале. Встретил он прибывший

единственному окну – подышать. Ехали очень медленно. Вагон часто перецепляли, загоняли в тупик, где он стоял сутками. Потом ехали дальше. Так формировали ссыльный эшелон раску-

эшелон холодными дождями, промозглостью и сильным ветром.

– Нас перевезли на остров, расположенный между двумя рукавами реки Сатка. Удобно. Охранять не надо. Все

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

№ 21 августа 1992 г. Гор. Рязань

Гр. Смолевский Максим Васильевич
 Год и место рождения: 1892 г., с. Колобово-Борки, Сараевского уезда, Рязанской области.
 Место жительства до применения репрессии: с. Колобово-Борки, Сараевского района, Рязанской области.

Когда и каким органом репрессирован: Решением общего собрания колхозников колхоза им. 9 января, заседанием И. Нарского сельского Совета, утвержденным Президиумом Сараевского райисполкома от 4.06.31г.

Основание ликвидации репрессий по политическим мотивам в административном порядке: Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Постановление ЦК ВКП(б) от 8.01.30 г.

На основании пункта "а" ст.3 Закона России от 18 октября 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий" гр-н(ки) Смолевский Максим Васильевич и члены его семьи: Смолевская Екатерина Кузьмична, Смолевская Мария Максимовна, Смолевский Александр Максимович, Смолевский Николай Максимович, Смолевский Иван Исайевич, Смолевский Георгий

реабилитированы)

Зам. Начальник УВД Рязанской области Г.М. Ведотов

Иск. № 4/С-119

Министерство связи СССР

ТАЛОН

к почтовому переводу

№ 3339 руб. 60 коп

От кого: Знаменский Иосиф Иванович
Сараевского района
Рязань

Адрес: 391570
Рязанский аэровокзал
п.п. Сидорова
ул. Докучаева 747

Уполномоченный в приеме платежей

ПРЕДА

Для письменного сообщения

Смолевский Максим Васильевич
вышел из колхоза
политически репрессирован
своей семьей
в семье - 3339-60 коп
или можете пойти
на работу в сельхоз
предприятие
или в колхоз
Смолевский Иосиф
Иванович
получил письмо

УСР 1-101

Справка о реабилитации

№ 21 августа 1992 г. г. Рязань

Гр. Смолевский Николай Максимович
 Год и место рождения: 1927 г.г.

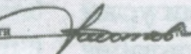
Место жительства до применения репрессии: с. Колобово-Борки Сараевского района Рязанской области

Когда и каким органом репрессирован: Решением собрания колхозников, заседанием И. Нарского сельского Совета, утвержденным Президиумом Сараевского РИКа 4 августа 1931 года в составе семьи отца - кулака выслан в Челябинскую область, где по постановлению ЦК ВКП(б) от 8.01.30 г. был ликвидирован как кулак.

Основание применения репрессий по политическим мотивам в административном порядке: Постановление ЦК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. о сплошной коллективизации и борьбе с кулачеством.

На основании пункта «б» ст. 3 закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гражданин (гражданки) Смолевский Николай Максимович

Реабилитирован (а).

Начальник УВД Рязанской области П.П. Галченко

Иск. № 4/С-119

Тел. ХОЗО УВД Рязанской области 242226. 1400. Тираж 5000, 05 п.

равно никуда не убежишь. Сначала даже не было барачков, только комендатура – как мы выжили? – спрашивает сам себя Николай Максимович. И тут же отвечает: так ведь выжили не все. В Сатке нас ждали наши отцы, привезенные сюда раньше. Холодная осень вынуждала рыть землянки, брать в руки топор и пилу. Сначала построили один сплошной барак. Семьи разделялись занавесками. Жили в такой тесноте, что на каждого человека приходилось ровно десять сантиметров. Как? Не знаю, – горько констатирует мой собеседник. – Неудивительно, что начались эпидемии тифа и скарлатины. По бараку пошел мор. За год умерли все дети до 5 лет. В нашей семье умер двухлетний брат Ваня.

Чем жили эти люди? Не как, а чем? Ведь каждому человеку необходимо черпать силы в любви, привязанности к семье, в строительстве своего дома, в обработке своей земли, в созидании будущего для своих детей. Их лишили всего. Им запретили любить и не позволяли ненавидеть. Женщины превращались в старух, не испытав счастья стать женой и матерью, хозяйкой и просто женщиной. Мужчины умирали от непосильного труда и безысходности, не имея возможности быть кормильцами и защитниками семьи.

Завод «Магnezит», на котором работали Максим и Екатерина Смоленские, отличался особо тяжелыми условиями труда. Магnezитовая пыль забивала легкие, те, кто здесь работал, долго не жили. А их, ссыльных кре-

стьян, никто и не считал, никто и не жалел. Советская держава взяла курс на индустриализацию страны, вождь всех народов не сомневался в правильности выбранного пути. Ну стоит ли при этом считать миллионы уничтоженных под корень крестьянских семей? Впереди – строительство огромной системы ГУЛАГа, а тут какой-то завод «Магnezит»?

– Отец проработал на заводе с 1931 по 1943 год. Потом тяжело заболел и умер в возрасте 53 лет, – продолжает Николай Максимович. Но это была не единственная беда, постучавшая в наш дом.

Дом – это сказано громко. На самом деле был барак, только теперь разделенный для нескольких семей по 2,5 метра на каждую. Дерюжные занавески заменили дощатые перегородки. То, что творилось за ними в одном конце барака, все слышали в другом. Младшие дети по-прежнему спали на полу, а играли в общем коридоре. Вот запретить играть товарищ Сталин им не мог, даже в ссылке они оставались детьми.

Начальная школа находилась тут же, на острове, дети ссыльных учились обособленно от местных. Быть может, к лучшему. Души целее остались.

– А уж когда нас в общую среднюю школу перевели, там нам досталось, – с горечью говорит Николай Максимович. – Нас, детей врагов народа, люто ненавидели. Мы дрались за свою честь. И даже иногда побеждали.

Их с детства принуждали выживать. Чем провинились их родители перед народом, они не понимали, но всем своим маленьким существом старались защитить себя, свое имя и честь.

Их не жалел никто. Девочек-девятиклассниц отправляли на подсочку деревьев. Младшая из детей Смоленских, Шура, тоже работала на подсочке. Работе этой взрослые мужики не рады были, а потому и не стремились на лесной промысел местный люд. Другое дело – дети спецпереселенцев, им все равно не жить. Острым резцом, распарывающим кору деревьев, девчонки нередко резали руки, залечивали сосновой смолой и горькими своими слезами. А сколько было комара и мошки! Гнус залеплял глаза и нос, лез в уши, кровяными укусами изводил девчонок! Как объяснить тот факт, что в этих условиях они не только выживали, но и учились, проявляли свои способности, сохраняли сущность человеческую? Еще одна сестра Николая Маша, будущая Мария Максимовна Анфалова, в то время только окончила 10 класс. Училась она отлично и без труда поступила в Казанский университет на химический факультет. Только учиться ей долго не пришлось. Началась Великая Отечественная война.

– Мы по-прежнему, жили в Сатке, – продолжает свой рассказ Николай Максимович. – С началом войны весь наш класс ушел работать в столярную мастерскую, мальчики делали ящики под патроны, девочки – деревянные ложки для армии, потребность в кото-

рых была велика. Работали по 12 часов, недоедая, порой засыная прямо у рабочих мест, обрезая себе пальцы на строгальных станках, плача от боли, но, продолжая работать. Никто из них тогда не думал о том, что они дети врагов народа, униженных государством, попавшим сегодня в беду, никто никому не выставял счетов. Они старались только ради того, чтобы быстрее закончилась война. Они так старались во имя Победы!

В годы войны Маше учиться стало сложно. Семья не имела возможности помогать ей, а на стипендию, она, дочь раскулаченных родителей, несмотря на отличные оценки, рассчитывать не могла. Пришлось оставить университет и пойти работать на фабрику, откуда и попала Маша на рытье заградительных сооружений в районе озера Селигер.

Шел 1941 год, немецкая армия наступала смело, уверенно, дерзко. Над девчонками, копающими рвы, кружили немецкие самолеты и не стреляли, а разбрасывали листовки с ехидными стишками:

Не копайте, советские дамочки,
Все равно здесь пройдут наши
панночки!

...Поздней осенью Маша вернулась к родителям в Сатку. И как это часто бывает в деревне, вечером все сходятся в дом, куда возвращаются знакомые издали, собрались и Машины подружки. Слушали ее рассказы об университете и войне, о том, как копали они рвы, как летали над ними вражеские самолеты... А потом отправилась

Маша на работу в дальний леспромхоз, в лесную деляну, повару помогать. Надо было кормиться самой и свою долю в семейный котел приносить.

– Приезжала домой она редко, но регулярно, – вспоминает Николай Максимович, – а тут пропала. Мама волнуется, отец ждет, а сестры нет. Я встал на лыжи – и в лес! Прибегаю в леспромхоз, повар говорит, что Машу арестовали. Как? За что? Где она? Никто не знает. Нашел я ее в одном месте, держали их там до суда за большим забором. Я стал кричать сестру. Охранники ее позвали, даже арестованная Маша вела себя так, что вызывала уважение к себе окружающих. Помню, как после суда, приговорившего сестру к пяти годам лишения свободы по 58 статье, ее увозили. На станции перед вагонами им приказали стать на колени, прямо в снег, опустить головы... Я все это видел, – Николай Максимович замолкает, пытаюсь справиться с охватившим его волнением.

Тот, кто знал Марию Максимовну Анфалову, отмечают особую красоту этой женщины. Она была привлекательна внешне, в ней было благородство и стать, а еще природная доброта и внутренняя сила духа. И представить эту женщину на коленях, с низко опущенной головой, с темной косой, свесившейся до самого снега, с горьким взглядом ясных, лучистых глаз... Это надо было пережить физически и не сломаться морально. Надо было остаться человеком и женщиной. Мария смогла подняться с холодного, белого снега

и возвыситься над теми, кто бросил ее на колени.

– Ну, про Богословлаг, где сестра отбывала срок, вы знаете, – продолжает Николай Максимович, – в лагере Маша встретилась с Анатолием Павловичем.

История их любви была трагической и романтической одновременно. Светлое чувство, пронзившее их в лагерном бараке, где они вместе работали нормировщиками, они вынуждены были скрывать до самого момента освобождения. Уже гораздо позже, после смерти жены, Анатолий Павлович в минуту откровенности произнесет: «Судьба забрала у меня все, подарив взамен только Машу».

– За что осудили сестру? – продолжает Николай Максимович, – за антисоветскую пропаганду. Помните о том, что она рассказывала подружкам о немецких самолетах, о листовках. Вот это и было пропагандой. Донесла на нее одна из присутствующих девушек, она тоже была нашей, из ссыльных, но, как, оказалось «подрабатывала» стукачом. Во время моего армейского отпуска, когда Маша отбывала уже в лагере срок, я решил посмотреть в глаза этой «подружке». Я долго стучал в дверь барака, где она жила с матерью, знал, что они дома, что слышат меня, но боятся открывать. Я бы ее не ударил, я только хотел понять, как можно жить – есть, спать, ходить по земле после такого гнусного доноса...

Как удалось Марии Максимовне Анфаловой пройти по жизни с двумя

клеймами НКВД – сначала «дочь кулака», потом «58-ая статья» – знает только она одна. Счастливой оказалась для нее встреча с Анатолием Анфаловым.

Любовь, достойный муж, дети – казалось бы, все у нее состоялось. Но ведь было в ее жизни и другое: навсегда униженные своим положением родители, Казанский университет и несбывшаяся мечта учиться в нем, арест на далеком лесопункте и она, коленопреклоненная, на белом снегу. Был рядом удивительно талантливый муж и... протянувшийся за ними обоими через всю жизнь «хвост» 58-й статьи. Кому, к счастью, не пришлось, хоть раз в своей жизни пройти по коридорам НКВД и КГБ, этого не почувствовать. Не понять.

Анфаловы не распространялись о своем прошлом, впрочем, как сотни других людей, живущих рядом с ними, и оказавшихся на Северном Урале, по той же самой причине. Эстонцу Тойве Ыунапу трудно было скрыть свое происхождение, он с трудом говорил по-русски, хоть и был женат на русской женщине.

– Тойва стал мужем нашей самой младшей сестры Шуры, – рассказывает Николай Максимович. – С началом Великой Отечественной войны в Прибалтике стали организовываться батальоны, так называемые «лесные братья», которые воевали и против Красной Армии, и против немцев, защищая свою собственную землю. «Лесные братья» запрещали местным жителям воевать

на чьей-либо стороне. Вот и Тойва работал в школе учителем физкультуры, когда в его родной город Вильянди, пришли немцы. Они вывели его на школьный двор и приказали играть в футбол с немецкими солдатами, при этом поставив, условие что если он у них выигрывает, то они его расстреляют. Разве был у него выбор? Когда в Вильянди пришла Красная Армия, на Тойву донесли, что он играл в футбол с немцами. Так он оказался здесь, – в который раз взды-

хает Николай Максимович. – Тойва Юганович Ыунап строил в Краснотурьинске плотину и дома. А больше всего на свете любил спорт. С 1936 года и до самого ареста он был чемпионом Эстонии по пятиборью, его имя было за-

несено в «Книгу рекордов мира». Позже он работал преподавателем в Краснотурьинском техникуме, был директором детской спортивной школы. Являлся постоянным участником Всесоюзных соревнований, защищая честь области и республики по легкой атлетике.

Родители Тойвы Ыунапа были не бедными. Отец значился домовладельцем, и как только предоставилась возможность, Тойва Юганович отправился на родину. Николай Максимович вспоминает, что Тойва показывал им олимпийскую медаль, полученную им на одних из игр. Он был веселым и незлобным человеком, дружил с родственниками жены, хоть и плохо говорил по-русски, не пропускал ни одни спортивные соревнования, проходившие в городе.

– После смерти Шуры, – говорит Николай Максимович, – Тойва все же уехал в Эстонию. Нам к праздникам присылал открытки, иногда звонил. Но вот уже несколько лет от него нет вестей. Жив ли? Не знаю.

...После демобилизации из армии Николай Смоленский приехал в Крас-

нотурьинск, сестра Маша забрала к себе после смерти отца осиротевшую мать и младшего брата. В Сатке Николая никто больше не ждал. Казалось, что навсегда он простился с этими местами, пропитанными солью слез и горечью потерь его семьи.

В Краснотурьинске он встретил свою судьбу. Надя стала его женой, единственной на всю жизнь. Сорок три года отработал Николай Максимович на Богословском алюминиевом заводе, где имя его, честного труженика, помнят до сих пор. Надежда Владимировна трудилась на ТЭЦ. И кто бы мог подумать, что случится им, уже не молодым, менять место жительства? Старшая дочь Елена после окончания УПИ рапределилась в Сатку на место ссылки отца, туда, где похоронен ее дед Максим.

Николай Максимович поддерживает связь со сверстниками, навещая их, когда приезжает к дочери в Сатку, где прошли его трудные годы детства и отрочества. Эта земля вновь приняла их. С детьми и внуками. Словно воздавая за все, чего лишила раньше.

2005 год

Ивушка неплакучая

Тетя Лида Вахтер – это особый случай. Знаю я ее давно. И сколько я ее знаю, не перестаю удивляться. И надо сказать, не я одна. Помню энергичной и веселой во все времена. Где бы она ни появлялась, большая, шумная заполняла собой все пространство. Приходила ли в редакцию городской газеты с благодарностью или жалобой или в бухгалтерию лесокомбината с очередным отчетом, всегда и везде становилась центром внимания. Возмущалась непорядками громко, но, надо сказать, всегда справедливо. А, выполнив одну миссию, тут же переходила к другой:

–А-а, девчата, давайте, лучше я вам частушки спою.

И пела. Свои и чужие. Благоприятные и не очень. И всегда уверяла, что смех и песня жизнь продлевают. И в самом деле, находясь рядом с ней, невозможно было не улыбаться. Сейчас тетя Лида поет реже. Говорит, что смерть мужа ее сильно подкосила. Так оно и есть. Болеть стала тетя Лида. Как будто даже ростом ниже сделалась. Вот и сейчас погоревала о враз навалившейся старости, а потом предложила:

–А давайте я вам сыграю, - и стала доставать с шифоньера запылившуюся, но в футляре, гармонь. Заботливо смах-

Лидия Ивановна и Петр Семенович Вахтер

нула пыль, погладила свою «Ивушку» неплакучую, с сожалением сказала:

- Давно не играла, и запела, вся, сразу преобразившись, даже морщины на лице разгладились.

Деревенька моя,

Деревянная, дальняя...

Той деревеньки, где родилась в 1937 году Лидия Ивановна, уже и в помине нет. Остались покосившиеся кресты на земельных холмах, затянутые зеленой травой. А была ведь Галка не просто деревней. Большим поселком, отстроенным спецпереселенцами. Чистокровными кубанскими казаками были родители Лиды, высланные с родного Ставропольского края. Понятно, за что. За пару коров и ездовых лошадей, без которых не мыслили своей жизни казаки. За то, что трудились в поле и на своем подворье с утра до вечера. Что почитали семью и уважали родителей. Лидия Ивановна не раз повторяла, что всегда и во всем слушалась отца с матерью. Замуж вышла рано, а слово родительское по-прежнему для нее законом было.

- Восемь детей родила моя мама, - рассказывает тетя Лида, - а выжили только двое - я и сестра Полина. Остальные умерли в начале 30-х годов. Тогда все дети на Галке умирали от голода и болезней. Дедушка мой был Пантелеймон Каплун, бабушка - Евдокия Каплун.

- Так это и есть ваши дедушка с бабушкой? - удивляюсь я, не раз, слышавшая от бывших галкинцев историю о деде Каплуне, высланном вместе со все-

ми в начале 30-х и вновь «востребованном» властями в 37-м. Но дед к тому времени был уже стар. На допрос вызвали его детей: сына Ивана и дочь Полину. Как рассказывал потом Иван Пантелеймонович, ему предъявили обвинение в том, что он родственник эсерки Каплан, стрелявшей в 1918 году в Ленина. Следователь орал:

- Ты что же, сволочь, фамилию меняешь?! Скрываешься?! Ты - родственник террористки Каплан! Признавайся!

Иван отвечал:

- Таких родственников у меня нет. Я своих родственников хорошо знаю. Казаки они, кубанские. А кто там в Ленина стрелял, что за человек, я не знаю.

Ивана отпустили. Но, несмотря на очевидную вздорность обвинения, почти полтора года в тюрьме провела его сестра Полина.

Дед Пантелеймон Каплун после смерти своей жены Евдокии решил бежать на родную Кубань.

- Дед говорил, - вспоминает Лидия Ивановна, - что хочет, чтобы его кости бросили в теплую кубанскую землю. Шесть месяцев шел он пешком на Родину. Дошел. У него еще там две дочери оставались. Одна из них партийной была, не приняла ссыльного отца. У второй остановился. На Кубани своей и умер.

Родилась на поселенье,

Пострадала за «именье»,

С малых лет начала трудиться,

Стала хорошо учиться,

Спортом тоже занималась
На лыжах хорошо каталась.

Это стихи тети Лиды. С «именьем» ее все ясно. Никогда никакого имения и в глаза она не видела, кроме галкинских барачков, да белых украинских изб, которые строили ссыльные по образу и подобию отеческих. А вот трудиться и учиться, это она умела. Причем, в детстве больше выпало первого.

– Тяжелую я жизнь прожила, чего скрывать... Господи, как тяжело-то было дрова из леса возить! Сколько годков-то мне было? С измальства надорвалась. Я из-за дров-то и за Семеныча замуж вышла. Он дров нам привез. Семеныч мой с Тоты был. Семью его, бабу, мать глухонемую и его, ребенка, из Эстонии выслали, как убийц Кирова. Все думали, что Вахтер – это фамилия немецкая, а на самом деле эстонская.

Насчет дров, это, конечно, тетя Лида шутит. Сама тут же говорит, что влюбилась она в Петю своего без памяти и побежала замуж в 18 годков.

– Так он ведь еще обещал мне аккордеон купить. Думала, отец не смог, так хоть муж купит. А-а, ни черта не купил, – машет рукой тетя Лида, только поманил аккордеоном.

А уж как ей хотелось, аккордеон! Гармонь-то у нее была, а потому первым человеком Лида была на деревне. Ссыльные ведь тоже не век плакали, жизнь брала свое. И свадьбы стали на Галке играть, и праздники отмечать, и клуб построили, и на танцы парни и девчата бегать стали. Там-то Лида и растягивала меха своей гармонии, моло-

дежь танцевала, сбрасываясь по рублику, по копеечке. Вот и заработок Лида домой несла.

– Мама радовалась, говорила: «Вот, доца, неделю живем!» Отец в то время из семьи ушел, жить нам приходилось тяжело. Но мной он всегда гордился. Сейчас спою его любимую песню. И тетя Лида затянула грустную лирическую песню о любви:

Ты за любовь меня прости,
Я не могу иначе...

– Это он, когда от мамы уходил, плакал и пел.

Слух ей достался от отца, который был музыкальным человеком. Играл на гармонии, баяне и аккордеоне. Дочь специально не учил. Но радовался, что она на слух подбирает любую песню. А уж, как она любила петь!

– Вечером выйдешь из дома, – вспоминает Лидия Ивановна, – тишина стоит. Темно только очень. Как растянешь гармонь, как запоешь! Песня так льется вниз по Какве-реке, слышно далеко, и на другом берегу. Наша Галка ведь и располагалась по двум берегам Каквы. Мы жили на левом. А пели так, что нам подпевали с правого.

Пела Лида всегда. Сколько себя помнит. Пела, чувствуя музыку не только ухом, но и сердцем, душой своей. И сегодня не устает повторять:

– Тяжело может быть человеку. И болезнь, и горе его давит, а вот песня, она всегда остается живой. Только она и остается в человеке.

С Семенычем своим приехала она в другой лесной поселок – Антипинс-

кий. Семеныч всю жизнь в лесу проработал. Что такое лесоповал знает только тот, кто сам его прошел. О каком уж там здоровье, говорить? Силой воли собственной мужики держались. Да еще, чего греха таить, самогоном. И пили хорошо, и в снегу непролазном по пояс работали. А Лидия Ивановна приняла детский сад поселковый. Заведовала им до самого его закрытия и, конечно же, сама вела у детей музыкальные занятия.

– Вот тут мне пришлось поучиться, – поглаживает гармонь тетя Лида, – образования семь классов у меня было. Но для заведующей этого оказалось мало. Пошла в 10 класс вечерней школы, а заодно стала и в музыкальной учиться. Трудно было, конечно. Переучиваться приходилось. Техники у меня не было такой, как надо, да и грамотешки музыкальной маловато. Ну, на троечки тянулась.

Представила я себе большущую тетю Лиду в музыкальной школе, как жмет она кнопки баяна и постигает отнюдь не легкую музыкальную грамоту, как успевает ходить за хозяйством, совсем немалым, только корова чего стоила! Как стирает, косит траву на сено, топит печь тяжеленными березовыми дровами, наставляет уму разуму своих сыновей и торопитя в город по делам поселковым. Старостой Антипки она была много лет. Да и до сих пор этой должности ее никто не лишил. Пусть и дворов-то осталось здесь всего-ничего, а люди ведь живые. И бьется она за их

существование, не боясь никого, ни пред кем не стесняясь.

– Магазин хотели закрыть, – негодует она, а у нас магазин – и почта, и медпункт, собралась я в Карпинск к начальству. Что сказать, я знаю. Куда пойти, тоже. Я и перед камерой на телестудии привет городским властям за тот магазин передала. А кого мне бояться? Нас здесь пять калек осталось. Больных, парализованных, всю жизнь в лесу отработавших. На кого ишачили? На государство! Господи, прости меня, душу грешную, так и хочется слово крепкое сказать. Я во гневе страшная.

Страшная она, когда дело несправедливости касается. За Антипку свою всегда горой стояла. Потому люди уважали ее безмерно. Слово и совет Лидии Ивановны для них законом были. Она и сегодня рада молодежи добрый совет дать. Да вот, говорит, молодежь-то уже живет по другим законам. А она все равно переживает их неудачи, семейный разлад и пьянство. Сердце болит у нее за чужих детей, лишенных по этой причине родительского тепла и заботы.

И вспоминаются времена другие. Нет, не легкие. Легкими они для нее никогда не были. Лучшими тоже вряд ли назовешь. Просто другими, когда она почти не расставалась со своим баяном. Баян она купила сама. Всего три штуки поступило их в городской магазин «Культтовары». Лидия Ивановна в кассу взаимопомощи вступила, взяла деньги в долг, и по тем временам немалые, но мечту свою осуществила. Сейчас

баян племяннику подарила – пусть себе учится играть.

– А раньше с ним на демонстрацию в колонне леспромхоза всегда ходила, – улыбается она. – Возьму баян, и пою, кто-то вместе со мной песню подхватит, а потом уж и все поют. Как-то парторг спрашивает меня: «Лидия Ивановна, ты че, пьяная, что ли? Нет, – отвечаю, – просто я сроду дурная».

Дурной она как раз никогда не была – душу свою кровоточащую песней лечила. Трагическую смерть мужа и сына пережила, но себе не изменила.

– Господа Бога благодарю, что я в своей жизни не спилась, что была всегда в почете и в уважении людей, – говорит она серьезно.

Два события жизни бережет и лелеет ее память. В 1989 году собирались на месте, где стояла Галка, дети быв-

ших кулаков-переселенцев. Съехались они сюда со всех концов страны, тогда необъятной. Вспоминали свое детство, плакали и пели. Плакала и пела тети Лидина гармонь, тульская, выполненная по заказу, рыдала она о горькой доле Кубанской казачки, смеялась и пускалась в пляс, рассказывала о ее судьбе. Ведь вся жизнь тети Лидина – смех и слезы пополам.

А второе событие... Без слез не может говорить тетя Лида о Геннадии Заволокине. Какое счастье выпало ей в жизни играть вместе с первым гармонистом России! В 1990 году приезжал он со своей «Играй, гармонь» в город Карпинск. И играл от души, от всего своего богатого сердца. Трибуны стадиона были полны, карпинчане ликовали! Эх, задор заволокинский, другого такого по стране не сыскать! Лучшие

1989 год. На месте, где стояла Галка

гармонисты города выстроились со своими гармониями, чтобы стать рядом с Геннадием. Накануне собиралась в город тетя Лида, сомневалась, волновалась. Антипинцы не верили, что ее к самому Заволокину допустят. Хоть и важный человек Лидия Ивановна, так ведь и то сказать, на самого Заволокина «замахнулась». Семеныч благословил:

– Езжай, раз ненормальная.

Ночь не спала кубанская казачка, но отступить не посмела. А Геннадий Дмитриевич ее отметил. Вместе они играли и пели частушки.

– *Помните, дождь тогда еще пошел, а мы все равно играли. Светлой души был человек, широкой, доброй! Господи, упокой его душу! Царство ему небесное, – крестится тетя Лида. – И как играл, как играл! С собой меня приглашал, бросай, говорит все, поехали, будешь с концертами выступать! Так я*

ж, куда от своего Семеныча? Теперь вот нет ни того, ни другого. Вот судьба какая.

В том же году встречались в Антипинском земляки, разъехавшиеся с родной земли. Собрались все вместе из Магадана и Сочи, из Свердловска и Москвы. Небольшой домик Вахтеров стал, кажется, еще меньше, от заполнивших его людей. Тетя Лида накрыла стол. Долго сидели. Торопиться им было некуда. Родная земля. Покосы, речушка. Темные ели сразу у дороги. Теплый свет в знакомых до боли домах. Переливы гармонии и голоса:

Деревенька моя,
Деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я,
Прикрывшись рукой.

Тетя Лида часто в разговоре поминает Бога. Но к нему пока не торопится. Есть у нее дела еще на земле. Да и песни еще не все спеты.

2001 год.

Тетя Тася

Октябрь заснежил рано. Зима наступала колючим снегом, осень сопротивлялась холодным ветром. Деревья, уже погруженные в зимний сон, успевали махнуть последним

жестью машины уходят глубоко под воду. И дальше так до самой Каквы. Поверишь тут, что еще лет двадцать назад по такой дороге от одного населенного пункта к другому добирались сут-

Тася Ивановна Константинова

желтым листом. Мы ехали в направлении поселка Каква, который сегодня представляет собой, единственный дом, расположенный у самого моста, построенного через Какву. Дорогу хорошей не назовешь. А перед огромной лужей, затянутой льдом, она и вовсе заканчивается. Лед обманчив. Разламывается на острые крупные куски, которые под тя-

ками. Тетя Тася Константинова знакома всей округе. Да и как иначе: дорога эта единственная через Какву, и мост единственный в этом месте. Кто бы ни ехал на другой берег – все мимо тети Таси. Когда жив был хозяин дома Алексей Иванович, водители останавливались чаще. Мужик с мужиком всегда найдет, о чем слово перемолвить, но вот

уже пять лет, как нет Алексея Ивановича, а тетю Тасю проводят только свои, знакомые.

Она рада каждому. Оно и понятно: скучает ведь.

– Да вообще скучать некогда, – поправляет она. – День незаметно проходит, а ночь – то больно долгой кажется. Вроде сначала задремлешь, уснешь, а среди ночи проснешься, спать больше

лицо, думает, что матери. Ее подбросили в большой деревянный дом, что стоял на углу улиц Советской и Вокзальной в старом Богословске. В то время ей было пять лет, и свое имя она сама назвала приемным родителям. Ими стали Иван Михайлович и Екатерина Никитична Налимовы.

Тася была далеко не единственным ребенком-подкидышем. Спецпересе-

Старый поселок Каква

не хочется, а делать что? Вот и лежишь думаешь... Всю жизнь передумаешь.

Тетя Тася родилась в 1926 году в семье, которая была раскулачена и выслана на Урал. Родины своей Таисия не помнит, родителей тоже. Очень смутно иногда представляла она какое-то

ленцы, сотнями умирающие от голода, подкидывая своих детей в местные бездетные семьи, пытались так спасти их от смерти. И спасали. Хуже было тем, кто попадал в детский приют, отличающийся жестокими отношениями к детям врагов народа. Тася же выросла в семье, которую считает своей, где любили ее, и она любила мать и отца.

Поселок Каква изначально не был большим. Когда Налимовы переехали сюда из Богословска, вместе с ними там было четыре семьи. Жили здесь отдельными домами братья Савиновы, Иван и Павел, зырянин Михей Шелепанов с семьей, и теперь они, Налимовы. Позже отделяться своей семьей Константиновы – Алексей и Таисия. Здесь вырастут четверо их сыновей, здесь Таисия, последний и единственный житель, будет ухаживать за могилами тех, кого она любила, с кем рядом росла. Кладбище небольшое. Могилы пересчитать можно, как и бывших жителей Каквы.

Посмотрела на часы, о-хо-хо, всего-то два часа ночи. Электричества давно уже у нее нет, так бы хоть телевизор смотрела или газету читала. А то вот опять лежи, да думы передумывай.

В 1940 году Налимовы повезли приемную дочку в город Серов на комиссию. Ребят на комиссии было много. Не помнит тетя Тася теперь, что это за комиссия была такая, но дети были на ней только детдомовские и сироты спецпереселенцев. На комиссии определяли им и возраст. Тасю юридически оформили как Налимову. В том же 40-м году прислала письмо с Кубани ее родная мать. Посчастливилось, значит, ей на родину вернуться. Вернулась и стала искать свою оставленную в тяжелую минуту дочь. Помнит тетя Тася, в письме том написано было, что родного ее отца зовут Александр, что хотят они приехать за Тасей и забрать ее обратно к себе. Но Налимовы не отдали. У них, бездетных, Тася была един-

ственной радостью, для которой ничего не жалели. Написали обратное письмо на Кубань, дескать, что ребенка напрасно дергать, ей здесь хорошо, и в школе ведь уже учится. И отступились мать и отец родные, может ради счастья дочери своей, может приехать сложно было. Да что теперь гадать о том? Вырастили ее Налимовы, и жизнь ее здесь состоялась, у этой холодной реки, которая и по сей день в город ее не отпускает.

Училась Тася сначала в школе на Галке, самом большом поселке спецпереселенцев, расположенном в 7 километрах от Каквы, где была школа-семилетка, клуб, библиотека и контора лесозаготовителей. На Галку ходили пешком. А в город уж в школу их потом возили. Вместе с ровесником Веней Савиновым забирались они в короб, закрывались овчинным полушубком, и... «но!» – побежала лошадка. Выучили родители Таисию, но она от них никуда ехать не захотела. Так и осталась в поселке. Но внезапно судьба осиротила ее еще раз. Один за другим ушли из жизни ее приемные родители, оставив Тасю совсем одну. Так и жила она, пока не встретил ее приехавший погостить к родственникам, прошедший всю войну и только что вернувшийся из армии, танкист Алексей Константинов. В новый, 1946 год, сыграли свадьбу и зажили молодые своим домом. Стоял он напротив того, где теперь живет тетя Тася. Этот они уж сами с Алексеем Ивановичем поставили. Чуть ниже этого, прямо у самой реки стоял еще один дом,

называли его Филимоновским. Еще с восемнадцатого века, когда Верхотурский тракт, по сторонам которого и находились дома поселка, был единственной связующей дорогой между Походяшинскими заводами, расположенными в Богословском округе и уездным городом Верхотурье, Филимоновский дом был постоянным двором. Назван он так по фамилии хозяина. К дому примыкал большой крытый двор, куда и заходили на ночь груженные подводы. Разбирали тот дом, когда хозяина и его жены, удивительной портнихи, давно уже в живых не было, сруб, как бесхозный, в город перевезли. Случилось это уже в 50-х годах прошлого столетия, так вот, разломав хоромы постоянного двора, нашли мужики клад, не клад, но, видимо, на черный день припасенный горшок, полный денег, еще царскими купюрами. Что толку теперь от них? Бросили те деньги на потеху деревенским ребятишкам, долго они потом в «настоящий» магазин играли. И Галя Савинова играла тоже. Галя – ровесница ее сыновьям, внучка Павла Савинова, единственная из всех прежних жителей поселка, которая навещает ее по сей день. Почти родная, росла рядом, с ее мальчишками в казаков-разбойников играла. И в доме у Константиновых они играть любили, дяди Лешин танкистский шлем наденут – настоящие герои! Только не позволялось детям в одну комнату заходить, которая была супружеской, где кровать всегда ровно была застелена, на полу – чистые домотканые половики, на

окнах – свежие шторы и цветы, на стенах – фотографии в рамках. С Галей они и на кладбище сходят, как только она приедет.

Вот, кажется, и вставать пора. Солнца ждать теперь долго приходится, а кукушка в часах кукует шесть раз. Торопиться ей некуда, но привычка вставать рано с молодости осталась. Всегда хозяйство было большим. Коров летом в пять часов доили и выгоняли. Овец, свиней, кур накормить надо. Завтрак семье приготовить.

Тетя Тася зажигает керосиновую лампу, поджигает в печке дрова, приготовленные с вечера, и ставит чайник. Сыновья привезли из города газовую плиту. Но она ее боится. Пока ждет чайник, слушает утренние известия по приемнику. Наводит пойло корове. Печь разгорается, чайник кипит. И пьет она его в одиночестве. А выйдя во двор, опять забывает о времени. Только корове сколько воды надо из колодца поднять. Почистить и сена закинуть в ясли. Овец и кур накормить. Вот уж и рассвело совсем. Машина какая-то, урча, к мосту подъезжает. Эта проедет мимо. Совсем редко теперь машины у дома Константиновых останавливаются.

Все сама умеет делать тетя Тася. И сено косить, и метать стога, и дров наколет, и петли на зайца поставит. А когда-то пришлось даже с вицей на медведя ходить. Вица – это тонкая жердь. Потерялись как-то сразу несколько коров в поселке. Вот и пошли их искать. Тетя Тася с Галей Савиновой рядом шли. В

руках – вицы. А в кустах – медведь. Задрал он тогда телочку Савиновых, а другие коровы со страху разбежались. А они не успели испугаться, медведь кустами ушел. Не было и нет и у тети Таси страха перед лесом. И теперь она спо-

мнит тетя Тася, как шел сплав по реке.

Брошенные в 30-х годах в эти края спецпереселенцы, расселены были по берегам северной реки, с тем чтобы за-

Тетя Тася с детьми и внуками

койно живет рядом с лесом и рекой. Дети в город Карпинск зовут, ругаются, что не едет, сетуют, ведь телефона даже нет, Гале жалуются, что с ней делать? А тетя Тася только плечами пожимает: «Да как я в городе? Не смогу ведь. Что делать там буду? Боюсь я его».

Берег реки знаком до мелочей, каждый камушек Каквы знает она с детства. Дует пронизывающий ветер. Наледь у самых берегов, а Каква еще не стала. Серая студеная вода, перемешанная со снегом, почти не отражает свинцовые тучи.

готовливать и сплавливать лес. Труд тяжелый, почти рабский. Ведь платили за него копейки, едва на хлеб хватало. Но упорно поднимались с колен крестьяне, мозолями своими жизнь новую создавали.

А с каким нетерпением ждали в поселках приход харчевых! Харчевые – это домики на плотках, которые шли вслед за сплавом леса. Нет, это было целое хозяйство с магазином, баней и обязательно гармонью. Ох, как же пели сплавщики, как пели! Казалось, чем горше их доля, тем песни красивее. Отра-

ботав день, разбирая заторы, харчевые к вечеру причаливали к берегу. Местные жители спешили к плавающему магазину, ребятя, радуясь и любопытствуя, крутилась рядом. Каквинские мужики тоже работали на лесоучастке поселка Тота, женщины – в подсобном хозяйстве Галки. Нет уже ни Тоты, ни Галки, одна она на Какве доживает.

дом работали, вместе отдыхали. У Савиновых единственных патефон был. И пластинки тоже были. Пластинки специально к ним ходили слушать, да и сами пели не хуже того. Работали много, но праздники церковные соблюдали строго. 2 августа праздновали Ильин день. Если не было срочной гребли на сенокосе, то в этот день собирали

Вместе с Алексеем Ивановичем 15 лет назад

А ведь помнит, как ясно помнит Таисия Ивановна, что вот здесь жили Савиновы, Павел и Иван. Вот здесь зырянин Михай. Жили-то дружно как! Ря-

ягоды черемухи. 21-22 июля на Казанскую ходили в лес по морошку. По воскресеньям стряпали в каждом доме: пекли пирожки с черемухой, шаньги с

брусникой, которую заготавливали в больших количествах. На праздники пили бражку, но не до пьяна, а так, чтобы только в легком хмеле запеть «По лугу, по лужку...» или «Во кузнице..».

трудом возделываемая. Здесь теперь ее покос. Ниже Каква. Река им и горя немало принесла.

Наводнения повторялись несколько раз. Коров от воды на повети прята-

Сидели у Савиновых, потом шли провожать соседей домой, потом снова возвращались вместе, и так до утра могли провожаться и петь песни. Дома у всех добротные были, с мебелью не менее стоящей – комоды, диваны, буфеты. Домотканые половики, вышитые рушники, салфетки и скатерти служили украшением.

Не думалось, не верилось, что и кладбище им придется здесь самим открывать. Тетя Тася смотрит в сторону, вон там была Савиновская пашня. Земля хозяйски ухоженная, с любовью и

ли, на лодках плавали, чтобы доить их. Но самое страшное было последнее, в 1993 году. Корову вывести успели, а поросенка нет. Двое суток сами спасались на высоком противоположном берегу. Дом же под самую крышу вода тогда залила, когда спала, Константиновы не узнали жилища своего. В доме все испорчено, строения разрушены, теплицы унесло, с огорода весь плодородный слой земли смыло. Камень на камне. В прямом смысле.. От всего увиденного руки опустились, да, как известно, горю слезами не поможешь. В который раз

засучили рукава Константиновы. Алексей Иванович жив был, сыновья взрослые. Застучали топоры, завизжали пилы. Тетя Тася сушила на солнце перины да подушки, выносила из дома сушить всякую утварь. И опять возродились не из пепла, так пережив потоп.

Вот уже и день к закату клонится. За хлопотами по хозяйству и мыслями своими не заметила она, как день прошел. Уже вечерние новости по приемнику читают. Дышит теплом прогоревшая печь, мурлычет свою песенку кот. Она одна вечерает у лампы. Завтра суббота. Приедут на выходные из города, сами уж седые, сыновья Володя и Юра. Помогут по хозяйству, в который раз, убеждая ее перебраться в Карпинск.

-Ну, что я буду там делать? - возразит она, готовя им обед на газовой плите. С сыновьями она ее не боится.

К обеду подъедем и мы с Галиной Константиновной Шляевой, той самой Галей, внучкой Павла Савинова. И дол-

го будем чаевничать с городскими гостинцами и лимоном, выращенным у тети Таси на окне. Она же с удовольствием угощает топленным молоком и говорит, говорит... Рассказчица она изумительная!

Слушая тетю Тасю, я вспоминаю, как 15 лет назад сидела за этим столом, записывая рассказы Алексея Ивановича о войне для городской газеты ко Дню Победы. Тикали ходики, крупные, спелые лимоны росли на окне. Много с тех пор воды в Какве утекло. Поустали ходики. Пустует место хозяина за столом. Только по-прежнему – вот же чудо! – растут лимоны на окне, и суетится с чаем тетя Тася.

Только и это будет завтра, а пока...
Черная ночь за окном.

- Вот эту зиму еще поживу, а потом и в город поеду, думает она, укладываясь в постель. А утром, увидев в окно вековой кедр, засомневается: - А может быть, еще останусь?...

2002 год

Я бы всю Тоту руками обняла

В солнечный осенний день наша экспедиция двинулась в сторону бывшего поселка спецпереселенцев со странным названием Тота. Впрочем, поселок получил его по реке, на берегах которой он расположился. А

стерли с лица земли последнее упоминание о жизни здесь – поселковое кладбище.

К месту бывшего поселка со стороны Верхотурского тракта ведет дорога. А вот последние полтора километра

вот значение реки в переводе с вогульского остается загадкой. Поселка нет давно. Среди обширных зеленых покровов темнеют черные квадраты на месте, где стояли раньше дома, клуб, магазин и школа. Сама природа стала памятником этому месту, которое люди не только не смогли увековечить, но и

пройти можно только пешком. Нас тем более волнует этот факт, что на место бывшего поселка идет с нами восьмидесятилетняя Ольга Васильевна Михайлова, которая сегодня живет на Веселовке, поселке Карпинского района, которая некогда имела самое непосредственное отношение к Тоте.

Артистка Лелька

Спецпереселенкой, на ее счастье, она не была. Выросла в Серове, в семье, где всегда имелся достаток. Мама была неграмотной, но детей своих воспитывала в любви к грамоте и чтению. Отец был ярым коммунистом. В роли уполномоченного разъезжал по всему Богословскому горному округу, дома же в его рассказах о спецпереселенцах звучало сочувствие к ним. А еще позже, когда кто-нибудь из ссыльных по какому-то делу приезжал в Серов, останавливался у Михайловых. Только четырнадцатилетней Ольге, которую все ласково называли Лелька, тогда не было особого дела до ссыльных. Мама работала, а ей приходилось не только хозяйничать по дому, но и нянчить младших детей. Заметив ее пристрастие к воспитанию, совсем еще юной Ольге предложили поступить на курсы, где готовили воспитателей для только что открывающихся в Надеждинске (Серове) детских садов. Она согласилась.

Но была у нее еще и другая страсть. Любила она очень духовой оркестр. И решила непременно в нем играть. Но к этому времени оркестр уже занимался месяца два при клубе железнодорожников, Лельку же это не смутило. Сама научилась играть она по нотам на альте и гармонично влилась в коллектив музыкантов. Но еще больше оркестра любила она драмтеатр, где не только смотрела пьесы, но и была задействована в постановках.

– Как я любила театр! – восторженно говорит Ольга Васильевна. – Мне так удавались роли! Представьте себе, мы ставили Островского, я играла в пьесе «Без вины виноватые» главную роль. И у меня получалось. Я была такая юная, стройная. Так была одержима игрой и самим спектаклем, что обо мне стали говорить. Меня узнавали на улицах. Называли «Лелькой-артисткой и Чижиком». Я с вдохновением бежала на репетиции, еще с большим вдохновением играла! – глаза Ольги Васильевны увлажняются, а в речи столько патетики, что выведи ее сейчас на сцену – она начнет читать свою роль.

– Если бы не война, я бы ни за что не рассталась с театром, и, возможно, из меня бы что-нибудь получилось.

Но еще за год до войны после окончания курсов ее посылают на работу в поселок Ликино Надеждинского района, где только что открыли новый детский сад.

– Детский сад был красивый, на 75 мест, по тем временам очень большой! – вспоминает Ольга Васильевна. – Детей кормили хорошо. Вволю было всех продуктов. Помню, что мы заставляли, малышей есть шоколад, а они, уже наевшись его досыта, отказывались. На прогулке забавно играли с ними в магазин, выкладывали на лавочку перья зеленого лука, кусочки хлеба и выставляли соль. И ух же с каким удовольствием дети все это уминали!

В Ликино спецпереселенцев было много. Но Лелька не выделяла их из

общей массы и относилась к ним также доброжелательно, как и ко всем. Через поселок вели этапы врагов народа.

– Рассказывали, что среди них было много эстонцев и латышей, – вспоминает Ольга Васильевна. – Гнали этапы в зону, где отбывали большие сроки. Сколько людей погибло только по пути в зону, сколько умерло там! Рассказывали, что в пути кормили заключенных только соленой рыбой, а пить не давали, не все смогли выжить с таким рационом питания.

С началом войны, в 1941 году, Ольгу перевели в поселок Галку нынешнего Карпинского района, где нужно было открыть первый детский сад. Ей было девятнадцать лет, а она была уже заведующей.

Галка располагалась по обе стороны Каквы, беленые на украинский лад избы ровно выстроились в улицы.

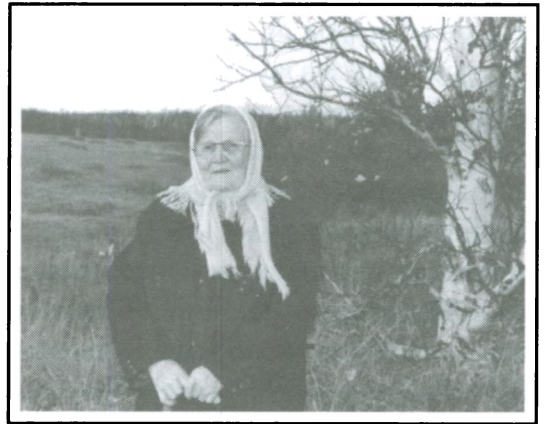
– Перед войной Галка был большим поселком. Там была школа-семилетка, клуб, подсобное хозяйство, сельсовет, контора леспромхоза. Мне там очень понравилось! – рассказывает Ольга Васильевна. – Ко мне просто по-отечески отнесся начальник леспромхоза Григорий Иванович Рыбалко. До сих пор с благодарностью вспоминаю его. Поселок был спецпереселенческий, но к началу 40-х годов жизнь здесь уже налаживалась. Но детский сад открыть мы не смогли. Началась война, и в помещении, построенном под детский сад, разместили высланных сюда трудармейцев. Мне предложили перебраться на Тоту,

где тоже нужно было открыть детский сад. Я согласилась. Мне показали дорогу, и я отправилась туда пешком.

Дорога

Нет, на Тоту шла она не этой, а другой лесной дорогой. Та, которая пролегла по берегу Каквы. А сейчас мы идем, держась за руку с Ольгой Васильевной, со стороны Верхотурского тракта. Это ее 81 осень, но ум ее по-прежнему светел, памяти позавидует любой, а речь красива и богата. Светлая-светлая осень! Дорога нелегка, но Ольга Васильевна поспевает за нами и не скрывает волнения:

– Разве могла я мечтать о том, что перед смертью, еще Тоту увижу?!

Сколько раз ходила она по этим лесным дорогам? Счету тому нет! Шла, ступая след в след широкой медвежьей лапе и замирала от страха перед пнем,

в котором ей чудилась поднявшаяся на задние лапы медведица. Спокойнее было ходить зимой, когда спят в берлогах медведи, и беглый люд не ищет приюта в тайге. Однажды, возвращаясь ночью из города, увидела светящиеся среди заснеженных елей зеленые огни. Не сразу осознала, что это волки. А когда поняла, испугалась так, что буквально замерла от ужаса, и до сих пор не знает, куда они делись.

А первый раз шла она на Тоту без всякого страха. Поселок, живописно раскинувшийся по обоим берегам реки, соединял бревенчатый мост. Избы были здесь отличные от белых галкинских и представляли собой рубленные на уральский манер дома. Правда, очень маленькие и низкие. А еще Ольга долго не могла понять, что за мода здесь такая интересная: все потолки в домах были сделаны из тонких жердей. Невдомек было молодой воспитательнице, что высланным в уральскую тайгу крестьянам совсем не до моды было в начале 30-х годов. Быстрее бы крышу над головой поставить, из жердей было сподручнее всего.

– На квартиру меня определили к Соне Шевчук, – рассказывает Ольга Васильевна. До чего же хорошая женщина была! Умирать буду, а ее не забуду. Сами ведь голодали высланные, а каждому путнику, вошедшему в ее дом, непременно чашку супу нальет. Добрая, щедрая, бескорыстная женщина была. И знаете, красивая. Наташе Дворниковой она прабабушка.

Одиннадцатилетняя Наташа Дворникова – участница нашей экспедиции, унаследовавшая, видимо, от своих украинских предков черные кудри и живой характер, Тоту считает своей до сих пор. Легко ориентируясь, забегает вперед и предупреждает нас о неожиданных колеях и лужах на дороге.

– Так вот жила я у Сони на квартире, – продолжает Ольга Васильевна, – никем никогда не обиженная.

Мужа ее, Арсентия, арестовали в 1937 году за то, что Библию у них в доме нашли. Я читала ту Библию немного, но после того, как стал за мной ухаживать следователь, приехавший как-то

на Тоту, Библию от меня спрятали. Боялись, наверное, что могу донести. Эти люди всех боялись, сколько страданий им вынести пришлось! Только Соню все равно я любила и добром вспоминаю, дурного она мне ничего не сделала.

Как-то ночью проснулась я от детского шепота. Дочка Сониная, Оля, молитву перед иконой читала. И так истово, так искренне шептала: «Господи милостивый, прости меня и маму, и бабушку, и...» дальше она перечисляла всех своих родных и двоюродных братьев и сестер, а потом вдруг спросила у Сони: «А как зовут эту тетеньку?», она ей сказала, и девочка снова продолжала «...и Ольгу Васильевну тоже, прости, Господи». Самой-то девочке тогда было годика три всего, а я лежала, замерев от удивленья. В нашей семье никогда не молились, икон у нас не было.

Как же нужно было трехлетнему ребенку чувствовать себя виноватой, чтобы просить прощения перед Богом за всю свою родню!

Долго Соня не знала, где находится ее муж. А как-то от Арсентия пришло письмо, в котором он сообщал, что лежит в тюремной больнице, и слезно молил жену выслать хоть кусочек хлеба, хоть сухарик. Соня не раз собирала посылку с продуктами, ходила с ней, упрашивала и уговаривала всех, кого надо, чтобы ей разрешили отправить ее мужу. Но так и не позволили: «Не позволено. И все». Как она страдала от этого, как мучилась...!

Золотистая листва шелестит под ногами. Осень в этом году заблудилась

в наших краях, щедро растеряв лучи солнца, серебристые нити паутины, свежесть, чистоту и сухую листву самых разнообразных цветов и оттенков. Нет-нет то сбоку, то прямо перед нами появится из-под листвы огромная шляпа груздя или состарившегося на дороге рыжика. Места эти, мало исхоженные людьми, а потому и вольготно здесь грибам. Голоса ребят слышатся далеко впереди. Эта дорога или вернее то, что от нее осталось, приведет нас прямо к месту бывшего поселка. Ольга Васильевна выбирает путь палочкой, опираясь на нее, ступает шаг за шагом.

– Слава Богу, хожу до сих пор сама, – утешает она себя и нас, – медленно вот только, но сама. А потом добавляет:

– Скоро уже придем.

Тогда, в 41-м, дорога от Галки привела ее к Тоте, где она задержалась на целых десять лет. Здесь вместе с жителями поселка она пережила войну, здесь встретила Победу, здесь спасала от голода чужих детей и заботилась о них.

Лес расступился неожиданно. Широкие покосы с темнеющими на них квадратами раскинулись по двум берегам спрятанной где-то внизу речки, вот и все, что осталось от поселка.

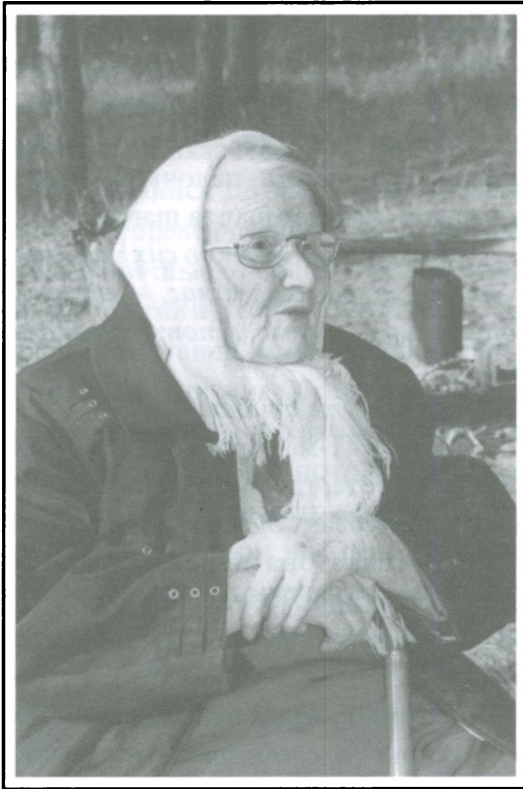
– Господи! Вот я и пришла сюда! – взволновано восклицает Ольга Васильевна.

Кланяюсь вашему праху.

– Вон там было кладбище, – показывает на противоположную сторону Ольга Васильевна. – Рядом с поселком.

Как же могли его уничтожить?! Грех, ведь это великий! Как же можно такое сотворить было! – с дрожью в голосе говорит она.

Кладбища у всех бывших поселков спепереселенцев располагались рядом. Сразу за каким-нибудь домом. Объяс-

нение тому простое. В начале 30-х годов люди десятками умирали от голода и холода, у оставшихся в живых не было сил носить покойников далеко, поэтому хоронили их поблизости. Тотинское кладбище снесли трактором в начале 90-х годов, перепахав оставшиеся кресты и могилы. Зачем? Говорят, что в

пору зарождения предпринимательства некий новоявленный фермер любовал это место под поля. Не знаю, получилось ли что у него с фермерством, но место бывшего кладбища открыто сухой травой. Явно, что здесь никогда ничего не росло. А бывшие тотинцы, и сегодня содержащие здесь покосы, окашивают это место стороной, по причине вполне понятной нормальному человеку.

Устроились, все вместе на высоком берегу, Ольга Васильевна говорит, а мы слушаем.

– В войну на Тоте, как и везде, жить было тяжело. Я работала заведующей детским садом. Нормы на питание были крошечными. Представьте себе: на одного ребенка полагалось всего 150 граммов масла в месяц, столько же сахара, столько же хлеба в день. Дети недоедали. Нас в детском саду работало четверо. При этом двое каждый день должны были трудиться в лесу. Лес был стратегическим сырьем. Как-то я заметила, что у одного мальчика по имени Саша, появился на щеках специфический пушок. Страшная вещь, ребенок как будто мхом покрывается. Это первые признаки водянки, наступающей от голода. Мы сразу же попробовали Сашу подкормить, отчего у него открылся понос. Но мы все равно помаленьку увеличивали ему порцию, несколько дней он мучился поносом, а мы старались его выводить. Пока выхаживали одного, у других ребят появился пушок на щеках. Что делать? Я собралась и пошла в Карпинск,

в горно. Кстати, была конференция, на которой я стала убеждать, что необходимо повысить нормы детского питания. Повысили. Стали больше получать продуктов для детского сада и, слава Богу, от голода никто у нас не умер.

В первые годы войны ссыльных, как врагов народа, на фронт не забирали, а когда ситуация изменилась к худшему, стали призывать.. И какие же они подвиги совершали на фронте! Вот тебе и «враги»! А сколь они фронту помогали в тылу! День и ночь в лесу работали, еще шили и вязали, целые горы навязывали носков и варежек, чтобы отправить на фронт. Полушубки новые приносили для этого же, семья, может быть, не один год на этот полушубок работала, на какой-то святой день его берегли. А отдали на фронт. Все отдавали.

Ольга Васильевна перевела дыхание. А потом, показав опять же на другой берег, с особой нежностью в голосе сказала: «Вот здесь моя мама жила. Курей сколько у нее было! Как выпустит их, они по всему берегу рассыплются»

Жизнь и судьба человеческая во все времена непредсказуема. Разве думал Василий Михайлов, коммунист, уполномоченный и агитатор, что семья его в Советском государстве от голода пухнуть станет?

В пору Великой Отечественной войны в Серове разразился страшный голод. Дошло ведь до людоедства и трупоедства. Отец Ольгин воевал на фронте, а мать, чтобы спасти младших детей от голода, подалась на заработки в Баш-

кирию, наговорили, будто там сытнее живется. Да откуда тому быть? Горько плакала Ольга, читая письмо от братьев, что ходят они, милостыню по домам собирают. Казалось ей это недопустимым и страшным. Тотинцы сочувствовали доброй воспитательнице: «Не воруют ведь, а просят. Ты здесь кому-то добро сделаешь, твоим там помогут». Добро она и без того делала, а о родных душа болела. Решила хлопотать о том, чтобы забрать их к себе. Да не так-то это просто было сделать в военное время. И все же выхлопотала, выбегала справки и разрешения, спасибо опять же Г.И. Рыбалко за помощь, и привезла семью на Тоту. В спецпереселенцах врагов Михайловы никогда не видели, а потому зажили с ними в дружбе и согласии.

– О Победе я узнала в городе, – рассказывает дальше Ольга Васильевна. – Рано утром вышла из дома и 26 километров до Карпинска прошла пешком. Пока сдала отчеты и решила другие дела, устала смертельно, чтобы в ночь не возвращаться, решила переночевать у знакомых. Кстати, знакомая, у которой я остановилась, тоже из высланных была. Дом, где она жила, находился в Богословске, недалеко от собора. История этой женщины интересна. Гадала она хорошо. И в гадании однажды предсказала день начала Великой Отечественной войны. Ее за это осудили и выслали, а когда и правда в этот день началась война, ее освободили. Так вот сплю я у нее дома, и вдруг рано утром будят меня парни, жившие у нее на

квартире: «Лелька, вставай, война закончилась!» Я от них отмахиваюсь, дескать, дайте поспать, скоро обратно 26 километров топать. А они свое: «Да просыпайся же! Война закончилась!» Я вскочила. Посмотрела в окно, а там и правда все кричат, смеются, плачут. Песни поют! Я собралась и быстрее на Тоту. А там меня уже муж встречает: «Где ты ходишь? Война закончилась!» В поселковой столовой в честь Победы кормили каждого жителя обедом, наливали горячий борщ, сто граммов водки, давали второе и кусок пирога. Пирог был испечен из картошки вместо теста, а в качестве начинки – ягоды брусники. Ох, и вкусно же было! – вспоминает Ольга Васильевна.

ждет еще обратная дорога. Ольга Васильевна взволнованно смотрит на тот берег, где располагалась большая часть поселка.

– Не думала я, что перед смертью навещу вас, – обращается она к тем, кто дорог остался ей навсегда, – кланяюсь праху вашему, дорогие мои, пусть покой ваш никто не тревожит... Хорошо мне было на этой земле, всех добром вспоминаю. Всю бы Тоту руками обняла.

И, покидая место бывшего поселка, Ольга Васильевна еще раз остановилась.

– Здесь мы всегда встречались перед тем, как идти в клуб с Веней Савиновым и Гришей Ольховским, который

Она говорит с удовольствием. Речь ее льется, словно песня о юности, встрече с которой она безмерно рада. Но нас

тоже из высланных был. Веня в поселке Каква жил, звонил нам с Гришей по телефону, что уже из дома выходит, мы

встречались здесь и шли в клуб. Веня на гармошке играл хорошо, Гриша на мандолине, нас так и называли «три товарища». Знаете, как пели спецпереселенцы! Как заведут украинские песни, стекла аж в окнах, дрожат! Хором в клубе руководил Дмитриенко, а главный певец был Павел Савицкий. Ох и голоса были у этих хохлов, заслушаешься! Помню, что в клубе клавесин стоял, это хору в награду на каком-то смотре подарили.

Один из моих товарищей Веня Савинов, на фронте погиб, а Гриша, говорят, до сих пор в городе живет. Дай Бог! Дай Бог!

Всю обратную дорогу тоже говорим.

– Вот, кстати, про Савицких помню. Был у Павла Захаровича сын Леонид. Арестовали его в 37-м или 38-м году. А он мальчишка совсем. Лет 15-16 ему. Следователь настаивал, чтобы он признал себя виноватым в том, что готовил диверсию на железной дороге под Хабаровском. Леонид сопротивлялся: «Какой Хабаровск? Я на Тоте вырос, железную дорогу в глаза не видел». Сколько его ни держали в Надежденске, теперь городе Серове, он все равно ничего не подписал. Видимо, слишком абсурдны были обвинения – выпустили Леню.

А вот случай другой. В Карпинске жил бывший галкинский паренек по фамилии Сова. Его тоже совсем молодым арестовали. Так того обвинили в поджоге паркетного цеха, который, якобы, был на Галке. Показания давал и пред-

седатель галкинского подсобного хозяйства Павел Мищенко. Пытался следователю объяснить, что на Галке с момента ее основания живет и знает, что никакого паркетного цеха там никогда не было. Но версия с этим цехом показалась следователю вполне убедительной. Засудили ведь парня! На 25 лет осудили! Отсидел он их от звонка до звонка. Вышел, хлопотал о реабилитации. А иначе, как дальше жить?

Дорога обратно показалась короче. Да и за разговором с Ольгой Васильевой время прошло незаметно. Еще по дороге на Тоту остановились мы у дома

Константиновых, где живет теперь одна Тетя Тася, у моста через Какву, на месте бывшего поселка с одноименным названием. Трогательной была встреча двух пожилых женщин, хорошо знавших в молодости друг друга и так долго не встречавшихся. Одна из них – дочь переселенцев, другая – прожившая с ними рядом много лет.

– Счастливая я, – говорит опять Ольга Васильевна, – перед смертью смогла я на Марс посмотреть, говорят, один раз в 2000 с лишним лет он так близко к Земле приближается. Три ночи я эту планету наблюдала. А тут еще удалось на Тоте побывать. Вот же счастье какое!

2003 год

Я знала, что ты вернешься

Опубликовав рассказ Ольги Васильевны в городской газете «Карпинский рабочий», я даже не предполагала, какое продолжение он получит.

В рассказе прозвучали имена двух ее лучших друзей – Вениамина Савинова и Григория Овсянникова, которые вместе добровольцами ушли на фронт. Веня с войны не вернулся, а Григорий сразу после фронта пришел на Тоту. Они встретились с Ольгой. А потом жизнь у нее и Григория сложилась поразному. И уже много лет они ничего не знали друг о друге. Даже того, жили друг ее юности, Ольга Васильевна не знала.

Встреча

Оказалось, что жив. Правда, болен. Какими же порой непреодолимыми кажутся всего десяток километров в масштабах одного города и прилегающего к нему поселка! Ольга Васильевна живет на Веселовке, Григорий Филиппович – в Карпинске. А если возраст уже за 80, а если ноги отказываются ходить?.. Это ведь только в 18 кажется, что старость никогда не наступит. Но в восемнадцать Григорий с Веней уже ушли на фронт. А до этого бегали

они, два товарища, с Ольгой - три товарища, в Тотинский клуб, где лучше других играли на музыкальных инструментах, пели и танцевали. А теперь, едва поднявшись с дивана, дрожащими руками обнимает Григорий Филиппович плачущую Ольгу Васильевну, а она только твердит:

- Гриша, Гриша, какой же ты был сильный и мужественный! Где же наши 17 лет?!. Впрочем, не скрываем слез и мы, свидетели этой сцены, и жена Григория Филипповича – Эльза Ивановна. Дочь, Вера Григорьевна, хлопочет, накрывая на стол, Эльза Ивановна протягивает нам фотографии, где среди прочих – снимок Григория Филипповича, сразу после возвращения с фронта. Широкоплечий казак, в солдатской гимнастерке, с медалями и орденами на груди, конечно, такой вызовет зависть у сверстников, а у девчат чувства и вовсе романтические.

– Помнишь, Гриша, как ты с фронта вернулся, а дочке моей Вале уже три года было, ты ее под самый потолок кидал, а она смеялась, так нравилось ей!

– вытирает глаза Ольга Васильевна. – А ведь сколько наших, тотинских, с фронта не вернулось, сколько погибло! – горестно восклицает она.

– Очень много, – скупо, по-мужски констатирует Григорий Филиппович. – Я ведь тоже, Оля, думал, что не вернусь, такую мясорубку, ее ведь пройти надо было. Не думал, что выживу, не думал.

– Нет, а я всегда знала, что ты вернешься. Ты такой сильный, такой шустрый был, не мог ты погибнуть. Видишь, до Берлина дошел... Разве думала

я, что еще увижу тебя перед смертью? Давай, Гриша, теперь до ста лет жить.

Эльза Ивановна рассказывает о том, как увидела материал в «Карпинском рабочем», мужу сказала: «Там про твою Тоту пишут», да, он не отреагировал. Тота... – это ведь в другой жизни было. Что ворошить былое? телесной боли душевную добавлять. А на следу-

ющее утро дочка Вера прибежала: «Папка, там про тебя в газете написали». Вот тогда и стали читать они с Эльзой Ивановной материал про Тоту, от волнения душа разрывалась, да не знали они, куда звонить, где искать Ольгу Васильевну. А увидеться так захотелось Григорию Филипповичу с той, что была истинным другом юности, товарищем дорогим. И как бы ни были непреодолимы годы и расстояния, встрече этой суждено было быть.

Детдомовец

– Как поднимаешься от железнодорожного вокзала к улице Советской, справа дом деревянный двухэтажный стоит. Детский дом там был. Два верхних окна справа видели? Там кровать моя стояла, – вспоминает Григорий Филиппович.

А вообще, в силу того, что малолетним был в детдоме, помнит он из того времени немного. Да и дома того уже нет, пустырь на том месте.

Родился Григорий Филиппович в 1924 году на Кубани. В начале 30-х семьей раскулачили и выслали на Северный Урал.

– Когда родителей выслали, – рассказывает он, – меня дома не было. Я у бабушки в деревне был. Поэтому меня не включили в состав семьи, но мама не захотела ехать без меня. И меня забрали с собой, но репрессированным я не считался, а значит, и паек мне не был

положен. После ссылки мы оказались на Валенторке (поселок в Карпинском районе). Было голодно. Как-то комендант распорядился выдать пуд муки бабке, у которой я жил. Где были родители, и почему впоследствии меня одна сердобольная женщина отвела в Богословск, я не знаю.

– Там ты будешь, хотя бы попросишайничать, – говорила она, ведя меня по старой Валенторской дороге через гору Теплую. Вскоре мы дошли до Красного Поселка (часть старого Богословска), и женщина отправилась по своим делам, а я остался один. Ночевал в сараях, в часовне, которая была перед выездом из города (ныне ул. Огородникова). Там и приглядела меня одна старушка, ей с малолетним больше подадут. Так с ней и ходили. Потом стал бывать в столовой (теперь на этом месте магазин № 1 на ул. Советской), что-то перепадало со столов. Здесь меня высмотрела одна партийная женщина и привела к коменданту. Он спросил мою фамилию. Я ответил: «Овсянник». А он записал – Овсянников, с тем чтобы определить меня в детский дом. Ведь моя настоящая фамилия выдавала во мне спецпереселенца с Украины, а детям спецпереселенцев везде жилось нелегко. Но, попав в детский дом, я обнаружил, что таких, как я, с измененными фамилиями, там было много. Жизнь в детском доме помню плохо. Как-то все шло самотеком. Дадут тебе кусок хлеба – хорошо, но тут же может кто-нибудь из старших треснуть тебе подзатыльник и выхватить хлеб.

Из Богословского детского дома я попал в детский дом Верхней Салды, потом в Тагильский детский дом. Почему? Не знаю, наверное, здесь, в Богословске, места всем не хватало. После Тагильского детского дома отправили меня в совхоз, где я работал. Обслуживал движок, который крутил динамо-машину. Здесь меня и нашло письмо от родителей, которые звали меня домой на Тоту.

В январе 1940 года я поездом приехал в Богословск. Вечер. Страшно-ва-то. Где эта Тота? Как до нее добрат-ся? Пояснили мне, что дорога туда мимо часовни идет. А часовню я помню. Пошел по тракту. На попутной под-воде доехал до поселка Каква, зашел ночевать в дом к дяде Паше Савинову, с племянником которого, Веней, стал после неразлучным другом, оказалось, что дядя Паша родителей моих знает, потому как на Тоту продукты возит. Встретили меня приветливо, спать на печь уложили. А утром, чуть свет, рас-спросив о дороге, побежал к родным.

Иду, думаю: где же эта Тота? И вдруг – поляна, а впереди дымок вьется. Пришел! Навстречу женщина идет, спрашиваю, где Овсянниковы живут? Показала. Подхожу к дому, волнуясь. За-шел... Родные все вокруг, узнали сразу.

Но почему я оказался в детском доме? Где в это время был брат Коля? Осталось для меня загадкой. И родители никогда после об этом ничего не го-ворили.

На Тоте Григорий стал работать. Сначала на заготовке дров, потом все

тот же дядя Паша Савинов предложил вместо него продукты возить.

Здесь, на Тоте встретился Григорий с заведующей детским садом, совсем юной Ольгой Михайловой. Вместе с ней и с Веней, который приходил к ним из поселка Каква, торопился он в местный клуб. Ольга пела и играла на гитаре, Веня – на гармошке, в игре на мандолине не было равных Григорию. Три товарища, звали их. А в 1942-м исполнилось им с Веней по 18, и ушли они добровольцами на фронт.

Гвардеец

С Веней они вместе были в Еланских лагерях. Веня – пулеметчик, Гриша – минометчик. Позже их военные дороги разошлись. Погиб Вениамин Савинов, навсегда оставшись в памяти своих товарищей 18-летним.

Григорий отделался ранением. Дважды.

– Нogu мне осколком рвало.

– Вот и болит теперь, – сочувствует Ольга Васильевна.

Почему только теперь, столько лет спустя, рассказывает он ей о фронте? Виделись ведь и сразу после его возвращения. Не пристало, наверное, ему тогда, орденноносному гвардейцу о подвигах своих рассказывать, когда сверстники его так и остались лежать вдоль военных дорог до самого Берлина.

– Это было в битве за Дон, – рассказывает Григорий Филиппович. – В

атаку мы шли, за высоту дрались, а против нас – танки. Как сейчас помню десять немецких танков – прямо на нас. А мы все бегом, бегом! Со мной рядом бежит один из солдат, старше меня был, знал уже, что такое война, говорит: «Старайся бежать вперед! Быстрее! Быстрее! Танк бьет дальним прицелом и в самую гущу, старайся уйти вперед!» Бежим изо всех сил, стреляем из автоматов по танкам, вдруг вместе с ним проваливаемся, как оказалось потом, в припорошенный снегом окоп, а танк прошел над нами.

– Это бог тебя спас! – облегченно вздыхает Ольга Васильевна, как будто именно сейчас решалось, жить или не жить Григорию Филипповичу.

– После этого вскоре и ранило меня. Слышу щелчок пули о каску, и товарищ рядом со мной замертво упал. А потом снаряд неподалеку разорвался, чувствую: ни царапины, а нога чужая. Так что же я кричать буду? Убедился, что нога на месте, не оторвало, и то хорошо. Попросил санитаря перетянуть. А потом уж гораздо позже в госпиталь меня переправили.

Мы молчим за столом, не смея прервать рассказ Григория Филипповича, только Эльза Ивановна вздыхает. Не раз уж она все это слышала, болью все давно отболело. Предлагаем тост за фронтовика, в рюмочках налито по капельке, Григорию Филипповичу пить нельзя.

– Ну, уж капельку, ради случая такого, – разрешает жена.

Григорий Филиппович и сегодня широк в плечах, от фигуры его исходит бывшее мужество и сила. В доме, построенном своими руками, хозяином был, и сегодня нет-нет, да и вставит свое веское, непререкаемое слово:

– Порядок, должен быть во всем.

Вера Григорьевна послушно кивает головой. Старается отцу не перечить.

– А это было еще в лагерях под Еланью, старшина перед строем спрашивает: «Кто на задание? Шаг вперед!» Я всегда соглашался. Дело не в том, что храбрым хотел казаться, просто каждому на войне свое достанется. Не выйдешь сам, так старшина подойдет, по плечу похлопает: «Ты, ты и ты. Выходи из строя». В этот раз отправили нас на Урал, приехали на Уралмаш. Сами, не подозревая, за чем. Оказалось, сопровождать зенитные установки в город Баку. Среди них были даже комплексы морских установок. За что и паек нам перепал морской. Это был настоящий паек! Даже с лавровым листом. А то ведь с продуктами было очень тяжело, пшеницу сырую есть приходилось. Из Баку добирались самостоятельно, с нашим братом-солдатом никто не церемонился. Сказали: «Военные, не про-

падете». Про войну по порядку рассказывать надо, – вздыхает Григорий Филиппович. – И в этом его желании тоже скрытая страсть к порядку и последовательности. Да только про войну по порядку не получается. Особенно сегодня. От волнения путаются мысли. На память приходит то событие одно, то совсем другое. На войне, оно ведь было, как в жизни. Героическое рядом с трагическим, а нередко и со смешным.

Раненая нога болела. Ее резали потом еще не раз. Но прямо из госпиталя Григория забрали в танковую часть. «Хочешь быть танкистом?» – спросил его приехавший набирать с фронта подкрепление капитан. Кто же не хотел быть танкистом? Так Григорий Овсянников попал в Уральский добровольческий гвардейский танковый полк. Сначала изучали они американские и английские танки, потом воевали на русской машине Т-140 и, конечно, героической Т-34.

– Экипаж у нас был взаимозаменяемый, – вспоминает с блеском в глазах Григорий Филиппович. – Стрелок в экипаже был отличный, стрелял без промаха, командиром экипажа был лейтенант. Однажды, когда шли мы уже по Польше, в одном селении нашли бочки со спиртом. Ну как же мы можем проехать мимо? А куда бочку деть? Лейтенант говорит: «А, ребята, давай бочку с горючим сбросим, а вместо нее спирт возьмем». Так и сделали. Только проехали немного, танк стал, горючее кончилось. Стоим. Что делать? А тут командующий едет: «Почему стоите?». Лейтенант отвечает: «Горючее закон-

чилось». Командующий по бочке стучит – она полная. Пришлось сознаться. Все, что положено в таких случаях, командующий нам сказал, а потом бочку открыл, и спирт на землю полился. Так вот и течет: «Буль, буль, буль...». Мы смотрим то на спирт, то на командующего: «Когда же ты уедешь?» В земле трещины с ладонь, и спирт в них льется.

Григорий Филиппович так естественно переживал ситуацию многолетней давности, что мы оживились за столом, комментируя, и смеясь, только Ольга Васильевна удивлялась:

– Гриша, ты же совсем не пил до войны.

А нам стало интересно, чем же все закончилось.

– Пригоршнями ведь собирали. Но ничего, у нас еще три фляжки с собой в запасе было. А командующий хоть и отругал нас, а заправку прислал.

Боевые награды мужа демонстрирует Эльза Ивановна, надев на себя его парадный пиджак. Два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали «За взятие Берлина», «За взятие Праги», «За отвагу», «Солдатская слава», «За победу над Германией», «Георгий Жуков», гвардейский знак и еще юбилейные.

Они уже дошли до Потсдама, когда Григорий по радию услышал приказ о вступлении в сражение с 30-тысячной немецкой армией, двинувшейся на защиту Берлина.

– Это были последние и самые свежие силы гитлеровской армии, и первое время всего три наших танка удержи-

вали натиск этой армии. Это было страшное сражение! А после него нам приказали вернуться обратно в Чехословакию, где другие немецкие войска пытались захватить Прагу. 8 мая я первый из нашего экипажа услышал по радию о капитуляции Германии, но для нас война по-прежнему продолжалась. Наш танк стоял у моста, имеющего стратегическое значение и бил в противоположную сторону с той целью, чтобы мост не был захвачен. Вдруг видим, по мосту бежит девушка, люк у нас был открытый, и она прямо к нам. Оказалось, что это местная партизанка, и она указала нам цель, по которой надо бить, чтобы мост не смогли заминировать. Потом, после сражения, когда радостные жители Праги встречали нас, эта девушка нашла наш танк и пригласила к себе домой весь экипаж на отдых.

– Деда можно слушать до утра, – ворчит по-доброму Эльза Ивановна.

– А раньше вообще ничего не рассказывал, – говорит Вера Григорьевна. – Ни о своей семье, ни о фронте.

– А вы знали бабушку и дедушку Овсянниковых? – спрашиваю ее.

– Да, конечно. Они вернулись на Кубань, и мы у них гостили. Дедушка с бабушкой остались Овсянник. А мы, в связи с тем, что папе комендант изменил фамилию, – Овсянниковы.

Не смотря, на то, что Григорий Филиппович по документам как репрессированный не проходил, на фронте особый отдел за ним бдил. Первое время его каждый день вызывали в от-

Григорий Филиппович Овсянников

дел и спрашивали одно и то же: «Где родился? Где воспитывался? Откуда призывался на фронт?» И каждый день Григорий отвечал одно и то же: «Детдомовский я. Призывался на фронт из Надеждинска». Ошибиться было нельзя. Одна неверная фраза могла стоить ему жизни, отданной не за освобождение Родины, а вопреки тому. Особист, конечно, бдил. Но во время наступления отлучался по делам в тыл. А после сражения, у него снова была работа: выявлять трусов и предателей среди... оставшихся в живых.

А потом была жизнь после войны. Нелегкой. Непростой. Медаль «Ветеран труда» свидетельствует о том, что Овсянников сложил руки не сидел. Работал всегда. Дом построил. Сына с дочерью растил. Его жена, Эльза Ивановна, – из репрессированных немцев. О своем прошлом в своей стране они предпочитали молчать. В очередной раз родителей чуть не подвела Вера:

– Я тогда во втором классе училась, – рассказывает она. – Пошла в школу и завернула себе в газету мед, чтобы поест в школе. А в школе не съела. На-

шли его в парте, завернутый в газету с фотографией политбюро. Как меня ругали! Маме сообщили на работу. Мама мне со страхом дома твердила: «Не смей больше никогда ничего в газету заворачивать». А ведь год шел уже 1957-й!

Прощание

-Гриша, ты, что же совсем ничего не ешь? - переживает Ольга Васильевна. – Надо есть, чтобы силы были. Давай, еще поживем, - просит она.

– А я уже не хотел.

– Болел он сильно, – добавляет Эльза Ивановна, – я думала, что он уже не поднимется.

Григорий Филиппович с трудом встает с дивана, пытаясь проводить нас. И хоть шаги ему даются с трудом, во всем его облике виден бывший гвардеец.

Мы помогаем спуститься с крыльца Ольге Васильевне, благодарим за все Эльзу Ивановну. В освещенное окно я вижу Григория Филипповича. Он стоит посреди комнаты, опершись на стул. А за его плечом – как бы другой хлопек, юный Гриша Овсянников, у которого еще вся жизнь впереди...

2003 год

Трактористка Анна

Поиски бывших спецпереселенцев в поселке Кытлым привели нас к одной из старейших жительниц поселка – Анне Андреевне Лоптевой. Говорили мы с ней долго. Летний вечер на Северном Урале светлый. За беседой забыли о времени. Анна Андреевна тоже увлеклась, вспоминая юность и молодость.

ребрались в Кытлым. Я-то оказалась здесь еще раньше.

Выслали нас из Курганской области. Фамилия моя в девичестве была Соловьева. В семье нас шестеро детей было. Три взрослых брата, женатые, с детьми, жили вместе с нами в одном доме. В 1928 году братья отделились, а в 30-м всех выслали. Мне тогда было

А.А. Лоптева с участниками экспедиции

- В Кытлыме я оказалась, как переселенка. Здесь ведь раньше почти все высланные жили. Поселки были вдоль северных рек: Южный, Серебрянка, Катышер, туда и привозили раскулаченных. А после, когда поселки «умерли», все пе-

восемь лет, я 1922 года рождения, мы с родителями в поселок Иов угодили. Там сплавливали лес по реке Иов в Лобву.

Как приехали мы, всех с телег ссадили, поселили в бараке, разместились кое-как на нарах. Отец с матерью

умерли в 1933 году друг за другом от голода и болезней. Нас с братом какая-то женщина в Кытлым увезла. Брат был младший. Его в детский дом забрали. Куда? Не знаю. Пыталась искать. Не нашла. До сих пор чувствую за собой эту вину и боль.

Жили тяжело. До 1936 года была норма на хлеб и все остальные продукты. А с 36-го года нормы отменили. Спецпереселенцам стали выдавать 8 кг муки на месяц. Только жизнь стала налаживаться, как наступила Великая Отечественная война.

Ссылные, как и везде, занимались в нашем поселке лесозаготовками. Я трактористкой была во время войны. Заготовкой дров на Серебрянке занималась. Это тоже поселок был, в нем в то время даже школа-четырёхлетка была. Закрылся он в начале 50-х, оставшихся жителей в Кытлым переселили. Так вот, заготовливали мы дрова. По Лобве-то их не сплавливали, а вот с Верх-Катышера, да весной. Зимой рубили и с горы скатывали, а весной уже сплавливали.

Люди с разных мест высланы были. Во время войны привозили евреев, знаете, ведь есть еврейская поляна здесь, недалеко, потом российских немцев и даже болгар.

В 1941 году взяли меня учеником слесаря в мехцех, образования для другой работы не хватало. До января 1942 года работала в прииске Косья. Потом организовали курсы, и нас, шестеро девчонок, отправили учиться. Мужчин уже не хватало: на войну их призывали.

Мы поучились, курсы окончили, дипломы получили, привезли нас обратно – и на трактор посадили.

А трактора-то какие были! Об этом отдельно надо рассказывать. Газогенераторные, дровами топились, дрова использовались только березовые, метровые. Их сушили сначала в чурочной, потом пилили по 10 см. и кололи. Очень сложно было на этом тракторе работать. Если рабочий день начинался в 7 часов утра, я приходила к 5-ти. Все чистила, готовила трактор к работе. Надо ведь было убрать золу, сажу, мы ходили как трубочисты. Из трактористов всего один вернулся с фронта, Журин Иван Михайлович. А мы, девчонки, всю войну этот трактор на себе тянули. За сутки только 150 кубометров дров для силовой подстанции нужно было вывезти, а еще четыре драги работало, цех нужно было обслуживать.

Всю войну мы проработали вдвоем с Натальей Островских. Две девчонки скрылись, уехали из Кытлыма. А две другие через год заболели: у одной – руки, у другой – ноги от холода отказали. А работали мы по 12 часов, а то и сутками. То одно, то другое ломается – чиним...

Особенно трудно было везти трактор под гору. Зимой готовили к лету дрова. 40 000 кубометров на лето нужно было наготовить. По 2-3 тракторные тележки возили. Тяжело было лес спускать, вывозить на главную дорогу. А с продовольствием как было тяжело! На хлеб норма была! Голодно.

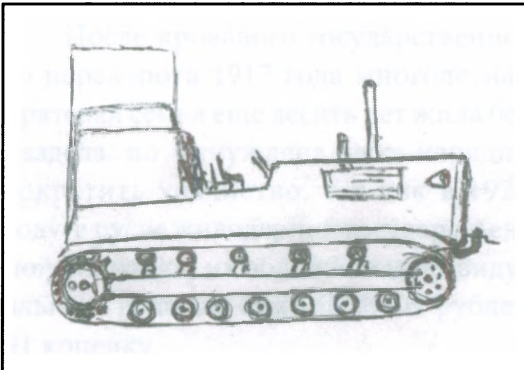
Иждивенцам только 400 граммов в день полагалось, рабочим – 600. А у драгеров и трактористов – «высшая карточка» по 1 кг.

Осенью совсем покоя не было, дорога плохая. Возили только по одним саням, а их рвет, тянет. Только успеешь доехать, а уже пора обратно.

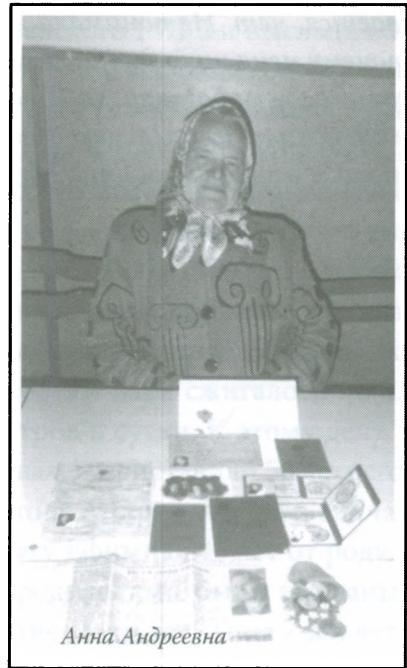
С 1942 по 1950 год работала я трактористом. В 1950 году рассчиталась, появились трактористы-мужчины. Сначала, как я вам уже говорила, тракторы были газогенераторными. Например, СТ-65, «Сталинец». Скорость трактора была совсем небольшой. Отдыхать нам приходилось мало.

В 1945 году пришли студебеккеры. А в 1948 - дизельные трактора, и я стала работать на таком. Трактор я знала до основания. Каждый винтик через мои руки прошел! Я и сегодня бы села на свой трактор и с закрытыми глазами поехала. А уж на современном, и тем более!

И Анна Андреевна стала рисовать нам свой трактор. И надо сказать у нее это здорово получилось.

Кытлым в ту пору большим был поселком. Свой продснаб имелся, школа, клуб, деревянные тротуары настланы, что совсем было редкостью. У поселка – свои поля. Драги работали. В среднем по 1 килограмму платины в месяц мыли. В 1946 одну драгу разобрали, вторую – в Якутию отправили.

А меня жизнь счастьем не баловала. Замуж я вышла за Алексея Лоптева, родила пятерых детей и воспитывала их одна. Муж рано погиб. Жила я со своими детишками в однокомнатной квартирке, выделенной мне в бараке. И не переходила в другую, потому что сараюшка рядом для коровы была. А у других домов сараев не было. А как мне без коровы детей своих прокормить было?

Трактористка Анна

Так и живу по сей день в этой комнатке. Дети выросли, разъехались.

Раньше, когда еще были пионеры, меня часто в школу приглашали выступать. Ведь одна я осталась здесь трактористка, которая во время войны работала. Вот и рассказывала я пионерам об этих годах. А как попросят они меня награды свои показать, мне неловко становится. Наград у меня никаких, оказывается, нет. Не понимала я сначала, почему меня никогда ничем не награждали, ведь работала на совесть. Позже объяснили: из ссыльных ведь я. И перестала я в школу ходить. Что де-

лать, если в понятии детей труд наградой измерялся? А мой и измерить было нечем.

Нам же Анна Андреевна показала удостоверение труженика тыла, выхлопотанное не так давно. И небольшую заметку о ней в городской газете «Карпинский рабочий», опубликованную тридцать лет назад. Вот и все награды. Обидно ли ей? Наверное. Но с нами говорила она, не тая ни на кого зла, не помня плохого, а радуясь новому общению и возможности откровенно рассказать о себе.

2003 год

Жили-были «Соловьи», не тужили...

Этот очерк также посвящен судьбе Анны Андреевны Лоптевой.

Его автор - Олег Николаевич Лузянинов

На утренней заре XX века в селе Калашном, Лебяжьего района Курганской области жила-была крестьянская семья Соловьевых – многодетная семья, где не было дармоедов, где и дети долго не засиживались «на дармовых харчах» – тут всем находилось дело, по здоровью, пожеланию скорей выйти в люди, обособиться.

В большом крестовом доме, то есть, разделенном крест-накрест, жили одним хозяйством три брата с семьями. Все у них было общее: надворные постройки для скота, инвентарь, корма.

Постоянно батраков не держали, а только весной нанимали подростка-погонщика на конное боронование, парнишку-борноволока, еще не годного в тяжелую крестьянскую работу.

И было у троих братьев с семьями 18 десятин надельной земли, 30 десятин они арендовали, и 40 десятин держали под посев зерновых. Лошадей было восемь, коров 15-18, овец 15-20 голов.

После кровавого государственно-переворота 1917 года многодетная братская семья еще десять лет жила без раздела, но вынуждена была изрядно сократить хозяйство, так как в 1928 году, в русле живодерной государственной политики, их обложили индивидуальным налогом суммой в 409 рублей 91 копейку.

Однако 25 июля 1930 года без каких-либо оснований семья одного из братьев, Андрея Афанасьевича Соловьева была раскулачена по решению Лебяжьевского РИКа и выслана в Исовской район Свердловской области. Местом поселения был назначен лесочасть Иов, в трех часах ходьбы от старательского поселка Кытлым, где строилась тогда электростанция с паровой турбиной, чтобы подавать электроэнергию на платинодобывающие плавающие снаряды-драги. Дров «метровника» для выработки пара сжигалось по 150 кубометров в сутки. К этому делу, на лесоповал, и приставили 56 летнего крестьянина Андрея Афанасьевича и его супругу Ефимию, 46 лет от роду. Вместе с родителями были высланы дети: Пелагея 15-ти лет, Анна 7-ми лет, Илья 4-х лет и Василий 19-ти лет. Старший сын Прокопий в это время служил в Красной Армии. С него взяли подписку о том, что он не будет иметь переписки с семьей. Дал подписку, а в награду его не уволили из армии и не выслали на Урал, в Кытлымский медвежий угол.

О том, как жили раскулаченные переселенцы в Свердловской области, можно рассказывать потрясающие истории, но красноречивее всего об этом

«рассказывает» докладная записка комендантского отдела Уральской области от 8 марта 1931 года «О расселении и использовании ссыльных кулаков в области»:

«На эти дни в области числилось спецссыльных семей 31851, численностью 134421 человек. Взрослых – 85930, детей до 16 лет – 48491 человек. В основном они размещались в северных районах области и строили себе жилища по типу «зырянская изба» в поселках на 80-100 дворов. На 10 февраля 1931 выстроено 115 поселков с 6213 изб. В них размещено 18639 семей, 74556 человек. Каждый спецпереселенец получил жилья по 0.91 квадратного метра.

У трудоспособного контингента нет одежды, обуви. Особо остро стоит вопрос о снабжении спецпереселенцев промтоварами, каковое положение усугубляется отсутствием в местах работ спецодежды. При работе в лесу одежда подвергается быстрому износу, замена же ее не производится и она не восстанавливается вследствие отсутствия починного материала, а главным образом ниток.

Дети, как правило, обуты в лапти собственного производства. Особенно страдают новорожденные и грудные дети. Они укутываются в ремки, почти не подвергающиеся мытью за отсутствием мыла и находятся в весьма низкой температуре оных изб»

Так начали строить «коммунизм» политические авантюристы и прохвосты. А люди не имели даже ниток и хозяйственного мыла...

Семья Соловьевых не стала исключением в погибельной таежной каторге, названной именем многострадального библейского Иова, некогда успешного земледельца и скотовода, оболганного Сатаной пред лицом господина Бога. Поверженный гневом господним, Иов погибал в струпьях болезни и в голоде.

Потомственные земледельцы Соловьевы не умели валить деревья, раздвигать их. Голодный паек отнимал последние силы.

5 мая 1933 года Андрея Афанасьевича ушибло падающим деревом. Похоронили его на другой день. На похороны отца приходила с соседнего лесучастка дочь Поля и сразу же была обязана вернуться к месту приписки. А 7 мая умерла и мама - Ефимия Федотовна: просто отрешилась от мира сего по причине неодолимого горя и крайнего истощения. Опять пришла Поля. Маму похоронили. Дочь, подобно каменному надгробью, стояла у глинистых свежих могил и откапывала в памяти слова библейского страдальца Иова: «Невиновен я, не хочу знать души моей, презираю, жизнь мою, поэтому я сказал, что Он (Бог) губит и непорочного и виновного. Земля отдана в руки нечестивых: лица судей Он закрывает, Если не Он, то кто же?..»

Поля ушла в свои каторжные пределы, а девочка Аннушка с братиком Ильей сели на завалинку опустевшей однокомнатной избушки и ревели в два неутешных голоса. Подошли две мало знакомые женщины-выселенки и увели детей в Кытлым, не спрашивая по-

зволения надзирающего коменданта. Девочку Аню нелегально приютил в семью начальник горного отдела прииска Михаил Гаврилович Шмаков и его супруга Александра, родом из села Павда, что в тридцати километрах от Кытлыма. Аня стала няней при девочке Руфе. А брат Илюша бродил по Кытлыму, перебивался на милостыне. Его приметил и опекал заведующий клубом Владимир Владимиров, а в 1933 году определил в детский дом. Аня больше его не видела.

С годами затерялись и могилы родителей. Аню поставили на учет к коменданту поселка выселенцев «Южный», а жить она перешла в семью Верхоланцевых, чтобы нянчить мальчиков, Славу и Володю, с 1936 по 1940 год.

В 1941 году началась война. Ане уже 19 лет, ее приняли учеником слесаря в механический цех. Но в январе 1942 года появилась острая необходимость готовить кадры трактористов взамен тех, кто уже убит или еще не убит на фронте. База подготовки – поселок старателей Косья, это у подножия горы Качканар. Получив необходимые знания и маломальский опыт мужской профессии, Анна Соловьева вернулась в Кытлым, где ее усадили на газогенераторный, без кабины, трактор, и стала она зимой и летом возить дрова из лесосеки к складу электростанции. Ее трактор был весьма прожорлив и потреблял вместо солярки один кубометр мелкой березовой чурочки на шесть часов работы двигателя.

В помощники дали Анне тракториста-новодела Алексея Лаптева. Он тоже из спецпереселенцев Кировской области – значит, вятский – парень хватский. Поженились. Родился сын. А в 1950 году родился второй сын – Анна ушла с трактора.

За десять лет супружеской жизни Анна и Алексей капитально подправили демографическую ситуацию в России, они родили троих сыновей и двух дочерей. Семье дали однокомнатную квартиру, построенную в Кытлыме, на средства французского концессионера Дюпарка еще в начале XX века. А жильцов-то в многодетной семье – семеро. В кухне – большая русская печь, соорудили около нее полати, где спали пятеро баских да крепеньких деток в тепле. В тесноте, да не в обиде! Старшему сыночку было тогда 9 лет. На дворе держали корову, и, кто знает, может, она спасла и вывела работающую семью в люди. Жить бы так да поживать вот эдак, только в 1957 году Алеша Лаптев по нечаянной оплошности попал под трактор своего коллеги и погиб...

Потянула Анна тяжелую лямку семьи, где «пятеро по лавкам» - едоков много, а робить пока некому, и до пенсии в 50 лет еще тянуть да тянуть, аж до 1972 года...

Вспоминает Анна недалекое послевоенное прошлое: не побывать ли на малой родине дедов и прадедов, землещев милостью Божией? А тогда как раз вернулась из поездки в ту деревню Наталья Савельевна Островских-Мочалова, тоже из выселенцев.

Вернувшись, рассказывала про что-то, но все время сбивалась на главное:

-Нюра! Какая там, в деревне, у нас капуста сладкая! Прямо – ой!

Собралась и Анна, благо была еще не засватана. Собрала фанерный чемоданишко, примотала к нему узеньким ремешком легонькое пальтишко про запас. С Богом! Нам собраться - только подпоясаться!

Добрались до Свердловска, но не вдрут, а сперва ехали на газогенераторном грузовике-самоваре до Старой Ляли, потом на узкоколейной «кукушечке» через Исовской прииск добрались до Большой Выи – весь этот путь запомнила с детства, когда гнали их на таежную каторжную погибель.

В Свердловске билетов не достать! Уцепилась на подножке в паре с одной теткой и парнем. Как только поезд начал набирать скорость – парень подрезал ремешок, и чемодан с пальтушкой – вместе с жуликом!.. Потом постепенно проводница сжалилась, впустила в тамбур. Нашлось место и в вагоне. Приехала на станцию назначения с намотанным на руку ремешком. Спросила у извозчика:

-Не довезете ли до села Калашного?

-А ты к кому там?

-К Соловьевым.

-Вот я и есть Соловьев. Прокопий, брат твоего отца, значит.

-Дядя Проня!?

-По дороге рассказал про отца Анны:

-Ни за что ведь сослали вас. Иму-

щество было меж нами разделено. Небось, привязались к тому, что его насильно увели в какую-то банду, это было ведь уж в 1921 году, но Андрей от них убер. Его судили за участие в банде, но по суду оправдали и сразу отпустили...

Пожила, погостила Анна у родни с неделю, затосковала и уехала – тут все неродное, не пахнет тут «родинкой». Вернулась на «чужеродину», в Кытлым.

Я уроженец Кытлыма. 1927 год. Иногда бываю в этом удивительно красивом горном крае.

С Анной Андреевной меня свела моя двоюродная сестра, кытлымчанка Людмила Федоровна. Это ее отец монтировал паровую турбину электростанции «на дровах». Он – главный механик прииска, Кузнецов Федор Порфирьевич.

Мы пришли в ту квартиру, где Анна обитала с семьей, в которой «Семеро по лавкам» или «пятеро на полятах». Удивила с порога чистота и порядок во всем. Живет Анна Андреевна одна, но всегда к ней приходит сын. Дочери с семьями живут в Тагиле.

Мы долго говорили, и когда в подробностях вырисовывалось время полувекковой давности, время моего военного детства в Кытлыме, я все-таки вспомнил, воскресил в умозрительной стереоскопической памяти образ женщины в гараже грузовых машин. Она была в кирзовых ботинках, в замасленном комбинезоне, с вечно не отмывающейся «благородной» грязью рук работы. У нее была почти мужская поход-

ка, жесткая хватка без претензии на эмансипацию, которую будто бы даровала простой женщине та самая революция. Но тогдашнего лица я так и не вспомнил. Да это и неважно: личность не потерялась во времени.

Анне Андреевне перевалило за семьдесят. Но вы посмотрите на ее осанку, да как ухожен и красив ее огород!

Постепенно разговор переходит естественным образом из сего дня в далекое былое, к семилетней девочке «в

ссылке по политическим мотивам». Интересною подробностями, фактами неотутюженной истории. На столе появляются бумаги, справки, удостоверения, фотокарточки, реабилитационная пустяковина оправдательных копий «документов» с подписями, печатями полуответственных и безответственных лиц. Одну копию мне хочется публично представить вам, читатели. Это опись имущества семьи Соловьева Андрея Афанасьевича:

**Опись
конфискованного имущества (1930 год)**

Наименование	Количество	Сумма	Наименование
Дом крестовой	1	300 руб.	Конфискован
Фургон	1	30 руб.	Конфискован
Сани	2	5 руб.	Конфискованы
Мука сеенка	37 кг	3 руб.	Конфискована
Ремень от машины	1	2 руб.	Конфискован
Комод	1	1 руб.	Конфискован
Самовяз	1/2	55 руб.	В коммуне
Буккер	1	30 руб.	В коммуне
Телега	1	5 руб.	Конфискована
Дуга	1	1 руб.	Конфискована
Седло	1	50 коп.	Конфисковано
Веревка	3 метра	75 коп.	Конфискована
Мясо свиное	30 кг	8 руб.	Конфисковано
Овчины деланные черные	5	20 руб.	Конфискованы
Облигации 3%-го займа		40 руб.	Конфискованы
Часы	1	15 руб.	Конфискованы
Тисы кузнечные	1	8 руб.	Конфискованы
Швейная машина	1/3	10 руб.	Конфискована
Шубы	4	40 руб.	не изъяты, оставить!
Бороны деревянные	3	5 руб.	В коммуне

Жили-были, «Соловьи», не тужили...

Фургон	1	50 руб.	В неделимый капитал
Ходик	1	35 руб.	В коммуне, в неделимый капитал
Кормуха	1	30 руб.	В коммуне
Хомуты	2	10 руб.	В коммуне
Сенокосилка	1/2	30 руб.	В коммуне
Грабли конные	1/2	15 руб.	В коммуне
Молотилка	1/2	150 руб.	В коммуне

Всего на сумму 899 р.25 коп.

В коммуне обобществлено на сумму 410 руб.

Отчислено в неделимый капитал коммуны 210 руб.

И над итоговой суммой легально-го грабежа опять возникает хронический вопрос: почему? за что? Да ни «за что», а просто так – «именем революции!»

Анна Андреевна не может забыть, казалось бы, ничтожно малой обиды: когда награждали медалями «За победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», ей не дали награды. Не положено. Выселенка, классово чуждый элемент.

– Спасибо, хоть не пожалели чернил и занесли фамилию в книгу почета прииска за 1944-45 гг. А что бабы в вой-

ну работали за мужиков, так позабыли. Что трое внуков моих нынче отслужили в армии – тоже не в счет?

На прощанье сфотографировал «Анну всея Руси». Она получилась спокойная, незлобивая, душевно-прибранная и по настроению какая-то подытоженная, когда человеку не в чем ни покаяться по большому счету, ни упрекнуть себя за небрежение к человеческому и гражданскому долгу – она исполнила все, что предначертано было судьбой русской Бабе – Матери семьи многодетной.

*Кытлым – Нижний Тагил,
Лето 2004 года.*

Килограмм колбасы за год отсидки

Кытлым окружен со всех сторон горами. Здесь в июле может пойти снег, облака проплывают над самыми крышами домов, а до окружающих вершин, кажется, можно дотянуться рукой. Издавна это поселок считался старательским, до сих пор ходят по реке Лобве драги, намывая платину – дорогой металл. Мало что изменилось в Кытлыме с прошлого века, жизнь течет степенно, неторопливо.

слушались, добиралась до ворот, опираясь на лыжные палки. Но в город перебраться не спешила, всем сердцем прикипев, к своему острогу. Раиса Сергеевна и теперь, в 90 лет, без таблеток обходится, только сил нет разогнуть наработавшуюся за жизнь спину. А кто в гости пришел, посмотреть интересно, вот и передвигается по квартире городской она, толкая впереди себя табуретку. Потом, со всеми наравне, сидит и

Семья Сергиенко

Пока жила здесь Раиса Сергеевна, сын с невесткой к ней часто приезжали, знакомые из Краснотурьинска заглядывали. И она крепилась, пока могла, когда уж ноги совсем плохо

слушает, только о прошлом уже не говорит, хотя нет-нет, да память за что-то и уцепится.

Сын ее, Михаил Георгиевич Сергиенко, в Кытлыме и родился, а жена

его, Виктория Яковлевна, родом из Алапаевского района, ссыльной не была, но долю мужа разделила. О реабилитации свекра и свекрови хлопотала, а потом и вовсе стали они в этом деле знатоками. Не раз прошения во все инстанции писали для земляков кытлымских, для немцев-трудармейцев, в Краснотурьинске проживающих. Кто бы за помощью ни обратился, никому не отказали. А наш разговор о них, о семье Сергиенко.

Рассказ Михаила Георгиевича

– Родители мои были донскими казаками. По воспоминаниям моей мамы, Октябрьская революция не сразу докатилась до донских степей, и казаки вплоть до гражданской войны жили хорошо. У них было много земли, до 10-11 десятин на человека. Сейчас нам сотка большой кажется, тяжело обрабатывать, а деды наши землю любили. Пахали землю на верблюдах. Отец с мамой жили в Ростовской области, там и поженились. Мама в приданое получила дойную корову и сундук, чудом сохранившийся до сих пор.

Донские казаки, в том числе, и дядька моего отца по имени Степан, возвращались с Первой мировой войны. Сохранился рассказ Степана о некотором казаке Думенко, который организовал Первую конную армию. Он был его другом, а Буденный, по их словам, был

как бы третий человек в армии, хотя из учебников истории мы знаем, что это он организовал Первую конную. А Думенко толковый, храбрый казак был. Отец помнил, что они с дядькой были у нас дома. Говорили о том, что Буденный сделал в армии, что-то вроде переворота. Штаб Думенко в Ростове арестовали. Первая конная подошла, чтобы его освободить, но ей это не удалось. Думенко увезли. Потом он 2-ю конную организовал. Правая рука у него была ранена, так он действовал левой.

Гражданская война принесла разорение. Детей прятали и от белых, и от красных. Чтобы выжить, дед матери взял ссуду и организовал кооператив. Это было в 1926 году. За два года семья рассчиталась за аренду. В колхоз он не пошел, рассуждал так: «Что делать рядом с бездельниками?» А у них в кооперативе запаса зерна было на два года. В 1930 году его стали раскулачивать.

Отца матери выслали еще раньше. Написали, что он – заводчик, торговец, хотя он таковым не был. Мама осталась с моим отцом. У них уже была дочь Шура, 1929 года рождения. Но добрались и до отца. Их выслали из станицы Зимовники Ростовской области, тогда Азово-Черноморского края, куда входили Ставропольский, Краснодарский край и Ростовская область. Выслали в Исовский район Пермской губернии в место слияния реки Серебрянки с верховьями реки Лобвы, в десяти километрах к востоку от прииска Кытлым. На месте было два барака, примерно 8 на 20 метров каждый, для лесозаготовки

телей. В них разместили семьи, человек по 100 в каждый барак. Семьи друг от друга отделялись занавесками.

До места назначения добирались ужасно. Всех погрузили в товарные вагоны по 20-30 семей. Для нужды – параша. На остановках охранники открывали двери вагона. Звучала команда: «Кому по нужде, выходи! Мужики, вправо, женщины, дети влево! Не разбегаться! Будем стрелять!»

У одной женщины в дороге умер ребенок. Так его вытащили на крышу, и где-то потом захоронили. Довели всех до станции Большая Выя Свердловской железной дороги, где перегрузили людей в вагоны узкоколейки КИЖД (Кытлымо-Исовская железная дорога) протяженностью 79 километров. Везли через поселок Ис, до станции Старая Ляля ехали целый день. В Старую Лялю был выслан брат знаменитого поэта Твардовского. Поезд шел медленно. Люди успевали соскочить и поестъ ягод.

Со Старой Ляли до прииска Кытлым - 70 километров. Здесь везли на лошадях. Дети и старики ехали на подводах, а взрослые шли пешком. Добирались два дня через поселок Павду. Когда приехали на Серебрянку, стали строить бараки. Валили лес, распиливали бревна на доски, все это делалось вручную после основной работы.

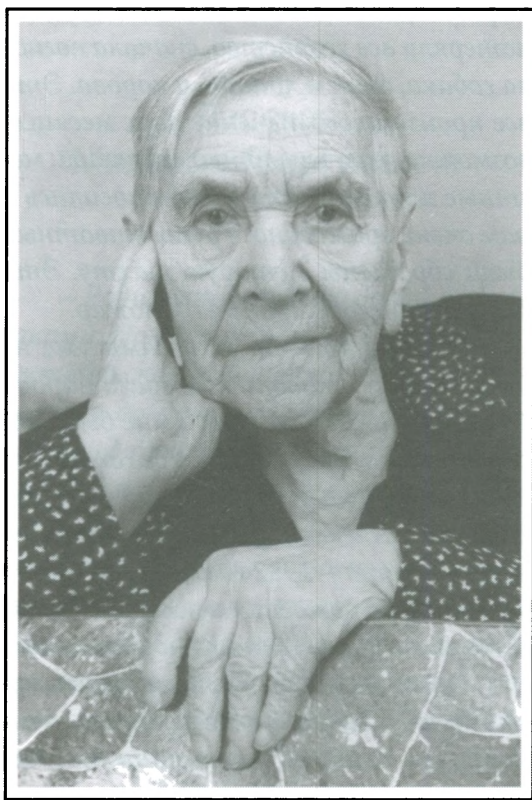
В 1933 году наша семья перебирается в Кытлым, где родители смогли завести корову и лошадь. Вроде стали обживаться на новом месте. Но вскоре нас постигло новое несчастье. Пожар. Дом сгорел. И мы вновь переезжаем, те-

перь в поселок Южный, что расположен в трех километрах от Кытлыма. Этот поселок был построен ссыльными. В нем находилось пять улиц из 25 домов на 50 семей. Была начальная школа, детский сад, ясли. Один из ссыльных на окраине поселка построил дегтярню. Дома были построены таким образом, чтобы окна выходили только на улицу, а не в огород для удобства наблюдения коменданта за ссыльными. Перед переездом в поселок Южный мы потеряли все хозяйство, сначала погибла собака, затем лошадь и корова. Это все произошло в течение двух месяцев, возможно, что животных отравили местные жители, которые относились к нам очень враждебно. Трупы животных были сброшены в старую шахту. Это было в 1940 году, а в 1941 – пожар.

Отца в это время с нами уже не было. Его арестовали как врага народа 13 января 1938 года, когда мне было восемь месяцев. Мы остались без отца, без хозяйства, а на руках матери – четверо детей: Александра, 1929 года рождения, Татьяна – 1932 года, Федор – 1934 я – 1937 года рождения и восьмидесятилетняя свекровь Анна Кондратьевна.

Отца забрали в 1938, а вернулся он в 1946 году. Забрали тогда многих, в основном – казаков. Брат отца Михаил ушел в лес, две недели там проходил, избежал ареста, ушел на фронт и там погиб. Мужиков арестовывали и держали в тюрьмах, хотя шла война. Врагами народа стали многие военачальники. Помню, как нас заставляли клеить в учебниках истории портрет маршала Блюхера.

Спецпереселенцы, оставшиеся в поселках, работали на самых тяжелых работах в шахтах, выполняли черную работу на драгах, заготавливали лес. Готовили дрова для электростанции, построенной иностранцами примерно в 1910 году. Мама зимой при лучине вставала в три часа ночи и вместе с другими женщинами уходила в любую погоду за 16 километров. Норма заго-

Раиса Сергеевна Сергиенко

товки составляла 3 кубометра дров, которые нужно было распилить по метру и сложить. С гор спускали лес по ледяным дорогам на санках. На такой операции погиб спецпереселенец Сухарев, из поселка Южный. Домой все воз-

вращались поздно, затемно. Мы, дети, оставались с бабушкой, а для того, чтобы отапливать жилье, ездили в лес на горельник, за четыре километра от Южного. Готовили дрова и везли их домой на санках. Благо, что дорога шла под уклон.

Сначала участок земли, который был нам выделен, был совершенно не пригоден для земледелия, чтобы его окультурить, мы вынуждены были таскать из леса муравейники, а осенью – листья. Таким образом делали грядки для посадки картофеля. Навоза не было, так как не было скотины. Корову мы купили, только когда вернулся отец, в 1947 году.

Помню, что всегда хотелось есть, а есть практически, было нечего. На иждивенца давали 400 граммов хлеба и все.

Что я сын врага народа, что мы высланные, кулаки, я почувствовал в школе. В школе местным детям давали обеды, а нам – нет. В Кытлыме много жило старателей. Особенно те семьи, у кого мужики были дома, зажиточно жили, как сыр в масле катались. Девяносто пять процентов мировой добычи платины давал тогда Кытлым. А мы голодали. Одна из моих сестер хотела учиться дальше, но комендант не разрешил: не положено дочери врага народа. Я не понимал, почему мы кулаки. Мама объясняла так, что кулаки всегда работали и спали часто не дома, а в поле без подушки, подложив под голову кулак.

Я помню тот день, когда вернулся мой отец – Георгий Федорович Сергиенко. О своем возвращении он предупредить не мог, сообщил нам об этом комендант. Мы не могли встретить отца даже в Кытлыме, так как он добирался от Старой Ляли на попутных машинах, которые ходили нерегулярно. Был декабрь 1946 года. Отец шел в шинели, что-то вез на санях. Прошло девять лет с тех пор, как мы его не видели, но я сразу понял, что это идет мой отец. Моему брату Федору, которому тогда шел тринадцатый год, он привез гармонь, а я был очень мал ростом и весил в одежде 21 килограмм. У меня не хватало сил растянуть гармонь, чтобы извлечь какие-либо звуки.

Гармонь была кустарной работы, восьмипланочная, с очень мелодичным звуком, такой гармошки не было во всей округе. И все же я освоил гармонь, растягивая ее не только руками, но и помогая ногами, стал играть на вечеринках, свадьбах и праздниках.

После возвращения домой отец стал сапожничать, шил чуни, которые состояли из галош и голенищ. Всем нашил обуви. Потом работал в шахте, которая находилась у поселка Юдинского, и называлась «Победа». Добывали платину. До сих пор столбы стоят на том месте, где шахта была.

В то время население Кытлыма было около десяти тысяч. Здесь был даже ресторан. Действовала золотоскупка. В ходу были специальные боны. В выходные дни старатели могли намыть платины, а потом сдать по льготным ценам.

С отцом нам стало жить легче, но где же он был почти девять лет?

До октября 1938 года он отбывал срок в Свердловской тюрьме. А потом в Кировской области на станции Лесной, где находились лагеря, которые в основном занимались лесозаготовками. В лагере круглосуточно работало четыре пилорамы. В то время было отцу 32 года. Это был сильный, здоровый человек, который мог выполнить несколько норм на лесозаготовках. За день он напиливал до 12 кубометров вручную лучковой пилой – и все за добавочную пайку хлеба. Работал зимой в рубашке, без всяких перекуров. У нас в роду ни дед, ни прадед, ни я, ни наши дети никогда не курили. Заключением, которые курили, не хватало табаку, и они меняли свою пайку хлеба на табак, еще больше истощая свой организм. А значит, не могли выполнить положенную норму, и им выдавали меньше хлеба, что вело к еще большему их истощению и смерти.

В лагере было много заключенных из Прибалтики, особенно эстонцев. Это были высокие, светловолосые, здоровые ребята. Отец называл их фамилии, но со временем я забыл. А жаль, может быть, где-то родственники их живы. Эстонцы не умели работать в лесу. Поэтому их много погибало из-за недостатка питания, плохой одежды, обуви. Ослабевшие, они подходили к костру, ложились и больше не могли встать. Костер догорал, а они оставались лежать... Была специальная похоронная команда, которая собирала таких обессиленных людей, снимала одеж-

ду, обувь и увозила на захоронение еще живых заключенных. Человек не стоил ничего и превращался в лагерную пыль.

Из рассказа отца о лагере помню, что сидел он вместе с профессором, которого обвинили по 58 статье в том, что он польский шпион. У отца образование – четыре класса, но он сапожник замечательный. Так вот, он попросит профессора письмо написать для него домой, а ему за это сапоги подожьет. В письмах отец о лагере ничего не писал. За лишнее слово мож-

ицал об отступлении нашей армии. Она открытку ту показывала.

У отца не было никаких документов, объяснявших, за что его арестовали. В 60-е годы я стал писать по этому поводу запросы. Его к тому времени уже реабилитировали. Полученные документы свидетельствовали о том, что мой отец был осужден судом «тройки» НКВД в 1938 году по статье 58 на пять лет. Освобожден должен быть 13 января 1943 года. Фактически он вернулся в конце 1946 года, почти на четыре года позже. Областная прокуратура по этому поводу никаких

Раиса Сергеевна со своим приданым

но было вновь пострадать. И помню, что такой случай у нас в Кытлыме был. Одна из жительниц поселка рассказывала, что ее отца на фронте расстреляли за то, что он прислал открытку, в которой сооб-

разъяснений не дала. Туманно намекнув, что, возможно, четыре года он провел в лагере добровольно. Когда в 1967 году я прочитал ответ прокуратуры отцу, то впервые в жизни увидел у него на глазах слезы.

Написал снова в НКВД Кировской области. Они переслали письмо туда, где отец сидел. В соответствии с Законом «О реабилитации жертв политических репрессий» отцу должны были заплатить за каждый год отсидки. Мы стали хлопотать. И выхлопотали сумму, равнозначную килограмму колбасы за каждый год, кроме тех четырех, которые нигде не значились.

После выхода в 1991 году закона «О реабилитации жертв политических репрессий» я стал обращаться в органы внутренних дел по поводу реабилитации моих родственников со стороны мамы. Но мне отвечали, что документов на эту семью в архивах нет. Наконец, из архива Ростовской области получил выписку собрания бедноты

о лишении избирательных прав ряда жителей станицы Зимовники, в том числе, и Гриценко. Это был мой дед по матери. Эта справка стала зацепкой. По свидетельским показаниям восстановили имеющуюся у семьи недвижимость, так как документов об этом тоже не сохранилось.

Таким образом, я впоследствии многим знакомым помог восстановить правду о своей семье.

Михаил Георгиевич окончил Тагильский горно-металлургический техникум, потом Свердловский горный институт и заочно – Ленинградский. С 1966 года работал в Краснотурьинске, в Богословском рудоуправлении, вместе со своей женой, Викторией Яковлевной. Сейчас оба на заслуженном отдыхе. Но

пенсия для них понятие относительное. Их энергии, деятельности и кругу знакомых можно только позавидовать. В очередной раз, подняв телефонную трубку, я слышу голос Виктории Яков-

левны, и не удивляюсь словам: «Мы вас можем познакомить с очень интересным человеком». И знакомит с новыми героями этой книги.

2003-2004 годы

Когда эта книга готовилась к печати, Михаил Георгиевич Сергиенко получил письмо из Твери от своего друга детства, Владимира Ивановича Новикова, семья которого в начале 30-х годов, была выслана в поселок Усть-Тылай, расположенный в окрестностях Кытлыма. Позже Михаил и Владимир встретились в поселке спецпереселенцев Южный, где жили по соседству в одном бараке. Владимир Иванович в своем письме делится воспоминаниями о детстве, которые сопровождает фотографиями более чем полувековой давности, на редкость хорошо сохранившимися, справкой о реабилитации, письмами своих родных.

Господи, как нам повезло! Другие сгнули совсем.

Родился я в лагерном бараке посёлка Усть-Тылай, а начались у мамы роды у проруби горной речки Косьвы в 19 ч 30 мин 23 января 1938 г., когда она поила лошадь. Отец, Новиков Иван Иванович, был в очередной раз арестован нашей доблестной НКВД по вымышленному обвинению в поджоге шахты и сидел в переполненных камерах Свердловской тюрьмы. Привожу цитату из письма моей старшей сестры Фаины от 13.01.98 г., написанное к моему 60 – летию.

«А мне 13.01.38 г все вспоминается, то, что случилось за 10 дней до твоего рождения. Давным-давно это было, а вижу и слышу все, как сейчас. Приехали мы с отцом из Усть-Тылая в Кытлым после зимних каникул, я тогда училась в 5-м классе и жила у Лепешкиных в Кытлыме. Там и школа была одна на 30 верст в округе. А тетя Нюша с плачем встречает нас: «Ванюшка, уезжай скорее!» А мы - усталые, холодные, голодные, более 30 верст в лютую зиму проехали. «Ивана (Лепешкина) арестовали, всех наших берут, везут всех с Серебрянки и тебя заберут». Ну что делать отцу? (А было ему тогда всего-то 32 годика). Повернулись мы, он опять меня с собой взял, и назад, в Тылай.

Лошадь устала, нам не до разговоров, и поехали по Нижней дороге, ниже

Южного – на Беляевск, это в 15 км. от Кытлыма. Там и зимой старатели в то время жили. Уже совсем темно, замерзли, лошадь еле шагает, доехали до Беляевска, и решил отец подождать, погреться. Там было общежитие теплое, светлое – так оно мне запомнилось. Сидим, ждем – нам надо время выиграть, а оно не ждет. А вдруг НКВДешники поедут этой же дорогой (основная дорога была верхняя, через посёлок Сосновку) – заберут отца, что будет со мной, с лошадью? Думал он, думал и решил ехать, т.к. было уже около 10 часов вечера. Зима, тайга. Приехали очень поздно, отец рассчитывал, что НКВДешники все уехали. Еще бы полчасика, и они действительно бы уехали все и через Сосновку, а там бы мы и не встретились. Но сосед тут же побежал и доложил, и не успели мы раздеться, как к нам ввалилось трое, и пошли все обыскивать. А что было? Стол, печка, да две табуретки. Плач стоит, крики НКВДешников. Не дали отцу даже поест – забрали и увезли. Я только помню свой «героизм»: отец сидит на снях, я кидаюсь к нему на шею, лошади шарахнулись, НКВДешник отталкивает меня, а я?

- «Иди к черту!» – вот так я защищала отца.

Дети все уехали в Кытлым учиться, я осталась с мамой - как ей одной? И все слезы и слезы, а через 10 дней появился и ты».

Лагерный поселок Усть-Тылай, с комендатурой, каталажкой и с правом коменданта и его десятников не платит ни копейки за каторжный труд в шахтах за малую провинность или неповиновение.

А что было до этого? Привезли нашу семью в марте 1931 г. в поселение Усть-Тылай, выгрузили прямо на снег. Разогревали землю, строили землянки, а уж позднее летом и бараки. Через полгода, в 60 лет, умер с голоду дедушка, Иван Иванович (я теперь старше его), умер мой старший брат, которого прежде меня звали Владимиром, в два с половиной года от роду, тоже с голода и от дизентерии. Мама заболела цингой и в 28 лет осталась без единого зуба. А вся вина семьи была в том, что занимались торговлей в Твери, где жила родня моей бабушки по отцу Ольги Борисовны, в районном центре Зубцово и в деревне. В деревне Поддубное у нас был большой дом, его потом под клуб забрали и увезли в другую деревню.

Отцовские сестры вместе с семьей вовремя уехали в Ленинград, готовился и отец. Для этого уже выбрали комнату на Старом Невском, но тут отца в 1930 году забрали в трудовую армию. А маму, дедушку, бабушку, старшую мою сестру Фаину, и старшего брата Володю в 1931 - выслали. Четверо иждивенцев - на одну трудоспособную маму. Позже отца из трудармии отправили в ссылку к родным.

Бабушка, Ольга Борисовна, из Усть-Тылая попыталась бежать вместе с мамой и 5-летней Фаиной. Отец работал в шахте, и в случае удачного побега, был бы подвержен пыткам. Слава ему, он пошел на этот шаг, а судьба «воспротивилась». Мама с Фаиной попали под ледоход на реке Косье, искупались, заболели воспалением легких, были выданы вогулами, задержаны и возвращены в лагерь. Могу только предположить, что досталось после этого родителям. А бабушке Ольге удалось все-таки бежать, устроиться как-то у дочерей в Ленинграде. А у всех были в то время там коммуналки - тоже для старухи жизнь не барская, но и лучше мало кто жил. В блокаду ей удалось уйти из Ленинграда, пришлось ходить по родным местам Зубцовского района, а пробиралась она к дочерям, в то время проживающим в Зубцове и Борисоглебске, Клавдии и Александре, и питаться милостыней. Много еще добрых людей было на Руси. В том числе, помог и тот, кто всю нашу семью отправил на эти муки, двоюродный брат отца, тоже Новиков. Кстати, бабушка Ольга увидела в его доме в иконостасе иконы из нашего «национализированного» дома. Видели и мы их с Олегом, моим зятем, и с Фаиной Болбот, моей двоюродной сестрой по матери, когда заехали к ним в 1995 году.

Папа после многодневных допросов в 1938 - 1939 г.г., а затем и длительной голодовки (по Солженицыну почти безнадёжное тогда дело) был все-таки «освобожден», вернее, возвращен в пре-

жний лагерь. Господи, как ему повезло, многие сгнули совсем!

Помню себя лет с 3-х, а Усть-Тылай не помню. И как переезжали из Усть-Тылая на Южный, не помню. Это 30 километров по горам, зимой, по сло-

Новиковы Иван Иванович, Владимир и Фаина
пос. Усть-Тылай, 1939 г.

вам Фаины, в зимние каникулы 1940 или 41 года в сторону Азии. Дорог зимой практически не было при толщине снега в два-три метра в иные годы. Смутно припоминается, как мы переезжали в «поселении» Южный из барака, где жили Лепешкины (они к тому времени тоже были переведены из Кытлыма в Южный) в «свой» барак на 2-ю линию. Сижу в телеге и держу в руках два чуче-

ла – белочку и белого филина (подарил какой-то сочувствующий нам вогул). В бараке метров 6-7 в комнате с отдельным входом все обозримое место занимает печка. Да и мудрено было прожить без такой «великаниши» при – температуре 40-50 градусов мороза зимой. Продуваемые тонкие стены барака ежегодно конопатились и обмазывались глиной, а с первым снегом закапывались вровень с крышами, которые тоже были до предела засыпаны снегом. Таким образом спаслись от замерзания, хотя не спасались от обморожения.

Мои первые друзья: соседи по бараку – Федор, 1934 года рождения, и Миша, 1937 года рождения, Сергиенко, их старшие сестры, Александра и Татьяна. Они жили без отца, он был арестован в

Поселок Южный, 1946 г.
Барак, в котором жили Новиковы и Сергиенко (окно слева)

1937 году, и одна тетя Рая, их мама, умудрялась кормить эту ораву.

В 1975 году, когда мы с сыном были в Кытлыме, в нашем бывшем поселке Южный все еще были живы, кроме Феди,

который сгорел в бензовозе. Дядя Георгий, отец ребят Сергиенко, вернулся из лагеря после войны. В 1975 году он был еще очень бодрый старик и прекрасно,

Поселок Южный, 1975 г.
Справа Г.Ф. Сергиенко и В.И. Новиков
у своего барака

просто превосходно играл на балалайке. Жили они к тому времени с тетей Раяй уже в Кытлыме, в своем доме и даже с телефоном. Кстати, дядя Георгий был по основной профессии сапожник. Замечательный сапожник! Я тоже, как мог в свои 7–9 лет, пытался освоить азы сапожного дела. Во всяком случае, позже никогда ни мы, ни наши дети валенки в чужие руки в ремонт не отдавали.

...И шла Великая Отечественная война. Всех более - менее молодых мужиков из спецпоселений забрали на

фронт в штрафбаты, «искупать свою вину». Не помню, чтобы вернулось хотя бы двое на наш острог. Одного помню, Калинин Виктора, забрали после 10 класса, окончил танковое, ускоренное училище – и на фронт. Как выяснилось позже, он воевал в одном подразделении с моим двоюродным братом, призванным из Ленинграда, Ушаковым Игорем, окончившим скороспелые командирские курсы в городе Горьком, а в 1944 году сгорел в танке под Вислой. Об этом писала мне его мама, моя тетя Катя, старшая сестра моего отца. До сих пор в ушах отчетливо стоит стон с «воем» бедных женщин, получавших похоронки на своих близких.

Из друзей хорошо помню Толю Губу (Анатолий Иванович) и Толю Бараночникова, парнишку с огненно-рыжей головой, его отца задавило деревом на лесоповале. С Толей Губой помню случай: повадился к нашим курам ходить петух с нижнего ряда. Мы, глупые – его гонять, а он не уходит. А тут тетя Рая Сергиенко идет и подсказывает: «Вы его телогреечкой накройте, головку осторожноенько под крылышко и унесите». Ну, мы его и унесли на шахты и опустили в одну из них. Летом добыча платины шла открытым способом, из разреза. Вода для промывки подавалась из ручья по деревянным желобам. А в конце лоток с сеткой, с суконными тряпками для «ловли» металла. За лотком время от времени набиралась приличная куча породы с металлом, и ее промывали заново. Это называлось «заци-

рать хвост» и, как правило, добывали с этого «хвоста» прилично. И вот отец с сыном, с верхнего ряда, фамилий не помню, решили втихаря «задрать хвост», естественно, ночью. И вот в полночь, в разгар их воровской работы, запел петух. Они чуть с ума не сошли. Народ был темный, суеверный. Прибежали на Южный ни живы, ни мертвы и покаялись в своих действиях. Покаялись и мы с Толей Губой, а петуха принесли чуть живого, но выходили.

Помню, как ходил в детский сад и в школу на Южном, учительницу, если не подводит память, звали Галина Фи-

Детский сад в поселке Южный.
В центре стоят А. Бараночников и В. Новиков

липповна. Было у нее двое ребят, муж погиб, а жили они при школе.

В начале августа все ходили в отмываемой смоле – жарили кедровые шишки молочно-восковой спелости.

В Кытлымской школе проучился один год, помню, что фамилия преподавателя по математике была не то Врангель, не то Юденич, короче, с такой фамилией только там и жить.

Старшая сестра Фаина решила поступать в мединститут, так у нее даже документы не приняли, дескать, не положено в такие вузы детям врагов народа поступать.

В мае 1950 года с отцом на лошади по кличке Чалка ездили в Усть-Тылай, поставил отец на могилке бабушки и Володи деревянный крест. А затем мы уехали в Тверь. Отец, бедный, неизлечимо заболел лейкемией и в 1956 году, в 49 лет умер. Мама получала по инвалидности за отца мизерную пенсию. У нас был огород, коза. Так и жили. Дом, правда, при жизни отца поставили, купили в деревне недорого, тогда из деревень все бежали. Собрали на выделенном участке, посадили яблони, кусты смородины, малины, картошку, огурцы и т. д. Жили не по-барски, но голода не знали.

Хочу привести еще строчки из письма моей тети Кати, старшей сестры отца. Десять лет назад в Киеве ей исполнилось 90 лет, и я поздравил ее с юбилеем. В ответ на мое поздравление она написала письмо:

«Здравствуй, дорогой Володя! Очень была рада такому неожиданному поздравлению, да еще из Твери, что напомнило мне мое детство. Как много при царской жизни у нас было родных в Твери! Моей матери, а твоей бабушки Оли, сестры и брат. Все они имели

магазины готового платья и другой одежды, а сами были хорошими мастерами скорняками. Всех разогнали, и все отняли, а у тети Матрены была гостиница, ее дом и в настоящее время стоит. А нас раскрестьянили, все отняли, что было трудом нажито. Вот теперь перестройка, а магазины – пустые, народ встревожен, все устали от такой жизни. В стране очень неспокойно.

Всех вас обнимаю, брату моему, пойдете на кладбище, и Верочке, вашей маме, земные поклоны от меня... Пенсию получаю 60 рублей за Сына, а ветеранский паек – за мужа. Они погибли за родину-мать, они в моем сердце всегда. Особенно жаль сына, без

четырех дней в 20 лет погиб, а в 18 закончил Танковое училище в Горьком и скоропалительно ушел на фронт. Погиб на реке Виола, в Польше, в 1944 году, из танка не вышел. Разве такое может мать забыть?

С 1917 года нам всем поломали жизнь. Потом гражданская война, коллективизация, ежовщина, Отечественная война, сталинщина, хрущевская и брежневская пора. Вот как всем нам досталось. Пишу и горько плачу за всех нас. За вас я рада, что вы – хорошие люди!»

Словно воочию вижу я незнакомую женщину преклонного возраста, горько оплакивающую судьбу всех поколений большой семьи. Кому и когда на Руси

Приложение № 2
к Инструкции

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ № Н-434-95

Гр. Новиков Владимир Иванович г. Тверь

Год и место рождения 1938г.р., п. Устье-Талай Исовского района Свердловской области

Место жительства до репрессии _____

Когда и каким органом репрессирован Новиков В.И. находился на опеншождении вместе с родителями, раскулаченными и высланными в административном порядке за пределы области 22.03.31 года на основании решения президиума Коробинского с/с Судовского района

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке Постановление ЦИК и СНК СССР от 1.02.30г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

На основании ст. I Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гр-н (ка) Новиков Владимир Иванович

реабилитирован (а) Значит

Начальник УВД Тверской области _____

Место гербовой печати
В. Ф. Гусаков
Тип. УВД. Зах. 878-96. Тир. 2 тыс.

Справка о реабилитации В.И. Новикова

*Вера Кузьмовна Новикова (Петрова)
в гимназии*

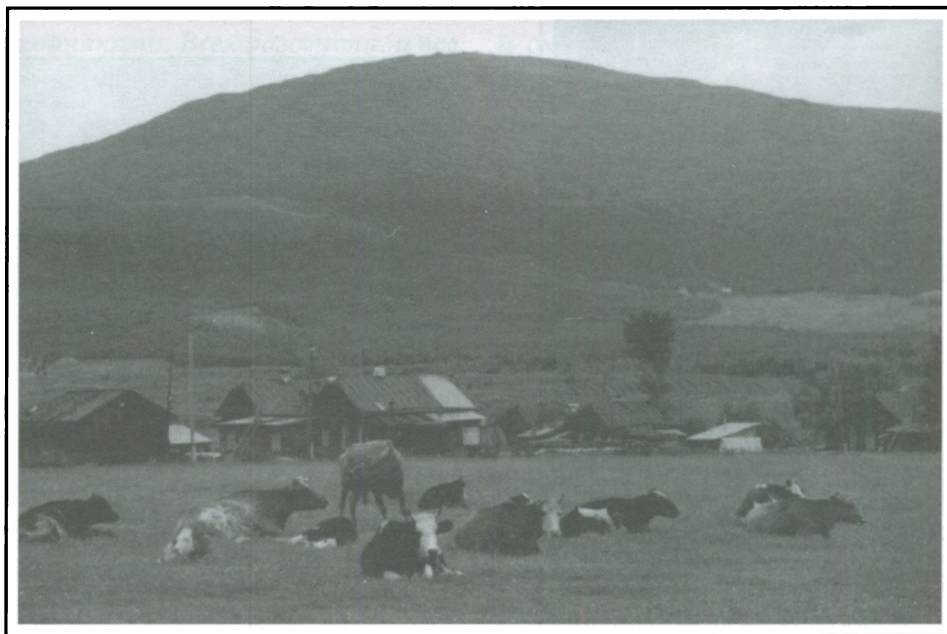
жило хорошо? В какой период истории Государства российского, его гражданин не был, подвержен страху? Ужасному чувству, унижающему все человеческое в человеке, давящему и гнетущему, сопровождающему физическую боль, страшные потери и полное безверие. И, к сожалению, не искорененное ни в перестройку, ни в пору наступления демократии, не надо обольщаться и на тот счет, что мы – поколение иное, лишённое страха... Мы – только на пути к избавлению.

*Шахта «Победа»,
1946 г.*

*Иван Иванович Новиков,
1946 г.*

В окрестностях пос. Кытым

2003 год

Рукопись в тетради

Надежда Романовна Злобина принесла к нам в редакцию тетрадь, исписанную крупным почерком, без единой точки и запятой на весь рукописный том.

– Так я ж ведь неграмотная, – объясняет она.

время, как судьбинушка ее была непростой.

Воспоминания о жизни в военные годы представляют собой не только исповедь, своего рода завещание, которое так и называется «Быль правнучке Вике», но и документ об одном из са-

Надежда Романовна Злобина справа

Чтобы расшифровать записи Надежды Романовны, пришлось просидеть с ней не один час. Но время, это не было потеряно, а стало наградой за общение с женщиной, спеть частушку готовой в любую минуту, в то

рых трагических периодов в истории русской деревни. Коллективизация. Великая Отечественная война. Вербовка на стройки индустриальных объектов.

– Сначала нас, молодых девчонок из Башкирского села отправили на

торфоразработки в Свердловскую область, а потом я попала на участок ремстройпутей, - вспоминает Надежда Романовна.

Всю Свердловскую область проехала она по железнодорожным путям в вагоне ремонтников, пока не добралась до станции Турьинские Рудники. Вернее, сначала до Медной Шахты. Здесь остановилась, потом вышла замуж и осталась навсегда.

Она всегда работала на путях. Сначала на станции Турьинские Рудники, а потом, в железнодорожном цехе Богословского алюминиевого завода.

Как ни странно, но стрелочниками работали в основном женщины. Было тяжело. Морозы в 40-50-х годах достигали 50 градусов. Одетые в телогрейки и валенки, замотанные в платки, они вручную не только передвигали замерзшие на морозе железнодорожные стрелки, но и чистили их из-под снега, выходили навстречу составу с горящими фонарями.

-Электричества тогда ведь еще не было, - вспоминает Надежда Романовна, - на станции – темнота. Вот и выходили мы с фонарями, в которых сами зажигали огонь.

А составы шли и шли. С оборудованием – на строящийся завод, с углем – на ТЭЦ. Стрелочницы попеременно дежурили на станции. И даже тогда, когда завод был построен, необходимость в услугах железнодорожного цеха не только не отпала, а наоборот, – возросла.

Вся юность ее поколения была самоотверженной, о чем они, впрочем, никогда не задумывались.

Только молодость прошла как-то незаметно, выросли дети. Помолодел и разросся город, достиг расцвета ее завод. И по-прежнему стучат и стучат по путям поезда в ее памяти.

Быль правнучке Вике

Жили-были в большой деревушке бабушка Мария, ее величали Алексеевной, ее дочь Евгения Петровна, а у Петровны было двое детей. Старшая дочь Наденька была и сынок Женька. Жили

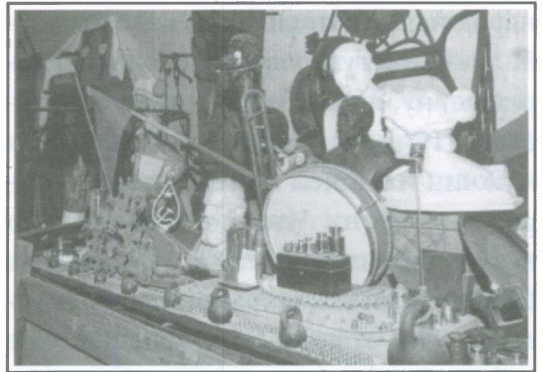

мирно, дружно. Хозяйство у них было: коровка комолая, это значит, что рогов у нее не было, и теленочек-бычок, Мишка его звали. Да одна овечка черная была, а ягненок родился сам черный, а на лбу белая звездочка у него. Только родился, а уже старается на ножки встать. Падает и опять встает, а дня три

пройдет и уже брыкается. А как он молочко у мамы сосет! Тычет ее под бочка, и его мама стоит, только коротеньким хвостиком повиливает. А вот теленочка Мишку уже и в сарай увели, поставили ему кормушку, чтобы водичку пить. Мишка подрос. Ему уже молочко пить недолго. Как пить захочет, так замычит. А коровка рядом почти стоит, а полизать и приласкать Мишку не может, их разделяет прясло. Это городьбу так зовут из жердей.

А в другом углу сарая курочки гуляют, и Петька-петушок с ними «ко-ко-ко», разговаривает. С курочками он рано просыпается и поет «ку-ка-ре-ку!» до самого утра покоя нет. Это он бабушку Марию Алексеевну будит и Евгению Петровну будит. Чтоб вставали они, печь топили, пироги пекли и внучку Наденьку в школу будили. А братишка Женька тоже поднимался рано. Наденьку в школу провожал и с кружкой на крылечко выходил, ждал бабушку Марию Алексеевну с подойничком, чтобы парного молочка налила. Женька любил парное молоко. А Евгения Петровна? Еще Петька-петушок не запел, а Евгения Петровна колхозных коровушек уходила доить. И так каждый день. А потом Женька с бабкой Марией Алексеевной коровушку комолую в табун выгоняли, а Мишку-бычка пастись выводили. Вбили колышек, и теленочка Мишку привязали за веревочку. А вечером теленочка Мишку бабушка Мария Алексеевна отвязывала и вела его в сарай. А там и мамка комолая его

с пастбища пришла, молочко принесла. Бабушка Мария Алексеевна идет доить коровушку комолую, а Женька уже стоит на крылечке с кружкой. Ждет молочко и плачет: «Сестренки Наденьки нет».

А Наденьку в школе в пионеры принимали и песни разучивали. Пришла Наденька со школы с красным галстуком. А Женька увидел, что у Наденьки галстук и заплакал: «Отдай мне, я тоже хочу быть пионером!» И пришлось красный платок порезать и надеть на Женьку. А платок тот давали Евгении Петровне в колхозе, как стахановке. Конечно, попало за этот красный платок и Наденьке, и бабушке Марии Алексеевне. А Женька так и не расставался со своим пионерским галстуком. И спал с ним. И пошел на другой год в школу, и в карман положил красный галстук.

Сколько было радости, что Женька в школу пошел! И бычок Мишка подрос. Только ему у нас не дали жить. Его у нас забрали. Налоги были большие. Мясо надо было отдать 40 кг за год. Да

еще 100 штук яиц, 200 литров молока, 3 килограмма масла.

Не успели на ноги подняться – война началась. Гитлер напал. Не объявил, что началась война. Утром проснулись Мария Алексеевна с Евгенией Петровной, плачут соседи. Прибежали, весь народ на ноги подняли, в колокола забили. Все бегут, режут. А сколько в деревню, ну, в колхоз, приехало начальства! Привезли повестки они и всех мужчин и парней из 10-х классов забрали на фронт. Что тут началось! Со всех работ их собрали и отправили в Бирск, где был наш районный военкомат, в 8 км от деревни. С заводов тоже забирала в армию, даже домой не давали зайти попрощаться с детьми и женами, и со стариками своими. Погнали сразу на фронт – германцев бить. И коней лучших сразу забрали, оставили только кляч, да в пожарке одну.

И кончилось сразу детство у Наденьки и братишки Женьки. Еще весной 1941 года пошли на колхозный огород садить капусту, помидоры, огурцы. В общем, все овощи. Потом поливали. Огородная бригада была на берегу озера. Озеро называлось Соломенное. Было глубокое. И все лето проработали. Овощи стали поспевать, заставляли собирать. Потом в саду колхозном стали поспевать малина, смородина. Начался покос. Кого куда перевели сено косить. А мы, подростки, остались в огородной бригаде работать. А там уже рожь поспела, стали ходить снопы вязать.

Бывало, женщины косят, а мы за ними снопы вяжем. А какие были урожаи! Бывало, лошадь по дороге идет, чуть дугу видно. А пшеница, какая была! Как золото на солнце переливалась.

У Наденьки с братцем кончилось детство. Женька так свой красный галстук в кармане и носил. А на груди не пришлось. Начал с мальчишками в ночное ходить, коней пасти, а утром на тех коней садились пахать, сеять зерно तोпились. Работали от зари до зари.

Так война шла. Дети выросли. У всех на глазах вдруг Наденьку стали звать Надеждой. Ее братишку Женьку стали называть Евгением. Они работали. А хлеба им за это не давали. Только ставили трудодни. Это палочку такую, что человек на работе был. Ладно, еще, если запишут трудодень. А то еще писали сотые. Люди изматывались. Стали голодать. Надо на работу ходить, и дома сколько работы было. Огороды нужно обработать. А как матушка-зима начнется, все выращенное поедали. Веяли зерно в амбарах, ходили на тока молотить. А которое зернышко в лапти попадет, да в носки насыплется, так бригады вытряхивали все, а сами возами воровали хлебушко. А люди с голода пухли. До весны, до марта дотянешь, а там уже начинает днем подтаивать. А ночью – заморозок. Утром встаем с детьми по насту – да за мерзлой картошкой. А поля – далеко. Пока выйдем с поля, снег уже начинает таять и проваливаться. Ноги в лаптях, да еще худых, а купить не на что. Стоили они 100

рублей. Так мы потом сами научились лапти плести.

Так и жили. Тянулись все. Работали. Стар и млад дрова возили на себе. А если у кого была коровушка, так отелится она, теленочка растили и на нем огороды пахали, дрова возили и сено с лугов. А у Надежды и Евгения комолая коровушка удавилась в тот год. Ведь в 1941 году мошкара одолевала, и загнала коровушку на конный двор. А на шее у нее колокольчик висел. Вот им она за штырь и зацепилась, и удавилась, шею сломала, и ее тут же конюхи зарезали.

Ничего не осталось. Последнюю овечку увезли за налог, задолженность была. Тогда приехали партийные люди, при них был военный, собрали колхозников, зачитали приказ, или что у них там было. В общем, кто, сколько и чего должен. Вот и все. Приказали улицу поперек перегородить. Сколько было слез! А ведь уже полдеревни на фронте поубивало. Уже похоронка за похоронной шли, а тут еще начальство эти семьи грабить начало. Поставили посередке улицы большие пребольшие весы, и стали гнать скот. Теленка, а то и

поросенка последнего забирали. А у Марии Алексеевны последнюю овечку увели. Остался только барашек черный, с белой звездочкой на лбу. Надежда и Евгений и с Евгенией Петровною, в общем, со своею мамой, забрали овечку. Все стоят, ревут громче коров и овечек. Все дети плачут. В общем, стар и млад – все в слезах. А Акулина Карповна, такая семья жила, сын да дочь были, сын уже с фронта без глаза вернулся. Да и руки у него не было, не помню какой. И вот привели они козу, и три козленочка в фартуке Акулина принесла. Коза в эту ночь только объягчилась, а утром козу-мать на весы поставили и в сторону отвели. А козлятки в фартуке брыкаются, блеют, хотят есть. И пошла Акулина домой со своими новорожденными козлятками. И дочь Валя сзади идет за ними, и солдатик-сынок, что с фронта пришел.

А у кого корову забирали, и окажется, что вес лишней, то козу на сдачу и дают. Вот одной Фросье и отдали козу Акулину. И пришлось Акулине козлятков отдать Фросье, чтобы они с голоду не подошли. И так жили козлятки, пока не окрепли, потом обратно Акулине их отдали.

Два дня мучился народ. Сдавали скот за мясо. Заготовку, как тогда называли. А скот ночь тут так голодный и стоял. Реву было! Скотина, она, как люди, чувствует смерть. Утром рано овечек отгрузили в арбы. Высокие такие, из жердей сделаны. И увезли овец, а коровушек-матушек своим ходом по-

гнали. А это восемь километров до района. Конечно, на мясокомбинат, для фронта говорили. Хорошо, если они туда попадут.

Утром вышел весь народ. Что делать? Надо на работу идти. А уже рожь поспела, только что косить начали. А ни у кого сил нет. Все полуголодные, хотя уже на лугах травка росла – щавель, чеснок, лук дикий. Вот ребятишки маленькие соберутся с какой-нибудь старушкой, да поведет она их всех на луг пастись. Рвать, значит, этот лук, щавель, чеснок, а больше с ними ходила Мария Алексеевна. Она в деревне старше всех была. А сколько уже своим ходом ушли, на тот свет, как говорится, восвояси, в мир иной.

Урожай был на славу. Уродился. Да, техники-то не было. Бычки колхозные были, вот на них и пахали, боронили и сеяли. Все на этой животине делали. Ох, он бык, этот бык! Как только солнце начнет палить, дотянет до лужи, ляжет в грязь, ты хоть его убей, будет лежать. Ходишь, его понужаешь. Соберемся детвора, кто чем и кто как и тянем его за вожжи в борону, вытянем потом быка, а солнце уже на убыль пошло. Глядим, бычок поднялся, пахать или боронить надо, а бычок уже за травкой тянется, есть хочет, голодный, как и мы. Корова, та хоть в борозду не падает, идет нога за ногу. А хуже с пахарем, под ростками, девчушками или пареньком. Идет с плугом в руках, пашет. А через минуту смотришь, уже кто-то там вдали упал. Бывало, сбежимся в поле со всех сторон, а пахарь уже готов. Сколь-

ко их умерло на поле?! А матери бегут с другого поля, сил уж нет. И так каждый год.

Хлеб вырастет, а на трудодни не дают. Все на фронт, все для фронта.

Как страда начиналась, народ оживает. Берем с собой с огорода огурцы, помидоры, отварим картошечки вместо хлебушка, закусим огурчиком или помидорчиком. С зорюшкой вставали, с зорюшкой спать ложились. Мало спали.

Придем домой, домашние дела надо делать. Полить, прополоть, а там смотришь, в обоз посылают. Хлебушко везти в заготзерно, мешки на телеги грузили. По пять человек и больше. Сил нет, едим ведь одну зелень.

Да еще всех вши заедали. В бане мылись каждую субботу, стирали. Мыла не было, а золой древесной стирали и голову ею же мыли. А вши на чистое тело, как будто дождь валятся, откуда, не знаю.

Вот едем в обозе друг за другом по дороге. Тепло. Кругом луга, озера, а цветов сколько! Каких, только не было! А тех, которые сейчас зовут ирис, а в деревне их у нас называли кузик, всяким цветом кругом цвели! Проезжаем озеро Соломенное. А купавок сколько! Сейчас их называют кувшинками, белые, желтые. А рыбы сколько! Круглый год водилась рыба. У кого были мальчишки 6-7 лет, смотришь, сидят рыбачат. А другие купаются или клубничку собирают. Много было ягод! И рыбы, особенно – весной. Озера начинают задышаться. Рыба гложет. А у нас рыбо-

ловные артели были, и они караулили, как только рыба начинала задыхаться, так проруби долбили. Вот уж было рыбы! Вся деревня сбегалась рыбачить. А рыбачили саками, а кто и мешковину какую-нибудь к саку привязывал, а у зажиточных людишек, конечно, были связаны зимой саки. Старики лапти плели и саки вязали. Сколько ночей помотришь, огни горят, – у них был керосин. А у нас, у бедных, и керосина-то не было. Около железной печки посидим, печенок испечем, капусткой закусим, и спать на палати ляжем. А палати такие были, что всей семьей спать можно было.

А утром опять – кто куда на работу. В амбары, на сеялку зерно веять. Евгения Петровна так и доила своих колхозных буренушек, а Надежда с братиком Евгением в лес шли с саночками, чтобы хворосту привезти, каменку топить, а если чурбачок вниз положить, да не дай бог на лесника нарвешься, топор отберет, да и пинка под зад даст.

Один раз пошли всей семьей Евгения Петровна со своими детками, с Надеждой и сыном Евгением, нарубили хворосту, сухую ольху срубили, да с дуба сучочек спилили. Братик Евгений лазил. Нарубили вязаночку, уложили на санки, а лесник как будто тут и ждал. Увидел, что дети не одни, а с Евгенией Петровной, а она как-никак была в колхозе стахановкой до войны. Таким колхозникам выделяли то мануфактуры три метра, то красный платочек. Тогда были в моде красные платки, вот и лесничок постеснялся, или что еще, да кто

его знает, а может быть, пожалел Евгению Петровну, в молодости ухлестывал за ней. Только она за него замуж не пошла, а с другой деревеньки парень приехал и ее украл прямо из церкви. Евгения Петровна певчей была тогда, девчонкой еще, 17 лет. Убежала замуж Евгения Петровна, жених увез. Бывало, вечерами сидим у печки, и Евгения Петровна рассказывает, как война гражданская была. Революцией она называлась. Как ведь воевали: отец с белыми ухо-

дил, сын – с красными. Долго воевали. Евгению Петровне 16 лет было. А потом после революции жизнь устраивали. Вспоминала Евгения Петровна, как первый трактор привели в колхоз, ма-

шину бортовую дали. На Первое Мая всех катали на машине, особенно детишек. Насажают в кузов, красные флаги дадут, песни пели.

У каждого свой был сад, а под окнами – палисадник. Сколько яблок на земле, на тропинке! Проходишь и внимания не обращаешь. А сорвать чужое яблоко – ни за что, даже с земли боялись подобрать. Потому что у каждого, у всех были свои яблоки. Росли и ранетки, это такие мелкие яблочки, а какие были вкусные! Компот не варили, а на зиму сушили на чердаке. Зимой с мороза насыпали, приносили, в русскую печку, в загнетку на лист насыпали и печеные ели их вместо хлеба. А паренки какие были вкусные! Ведерный чугунок был у бабушки Марии Алексеевны, вот наложит она туда репы, моркови, брюквы, сахарной свеклы, а вечером вытащит из печки бабка Мария Алексеевна, вот уж ели, объедались без хлеба. Хлеба не было. Война была тогда. А тыквы сколько осенью родилось! Бывало, с детворой соберемся и таскаем в чуланку, сколько накачаем. А в доме крылечко высокое, сил не было поднять одному. И так всем помогали. То к одному ходили, то к другому.

Бывало, Евгения Петровна придет зимой с фермы, вся обморозится. Чулки короткие вязали. Лапти быстро пронашивались. А где снова взять? Сто рублей стоят, а денег нет. Вот и давай учиться сами плести. Надежда с Евгением пойдут в лес за дровами и липы надерут. На русскую печку положат лыко, оно распарится, потом идем с лыком к

одному старичку, и он учил нас лапти плести.

Вот однажды пошли всей семьей в лес за дровами - Евгения Петровна и Надежда с Евгением. Пошли утром рано, до петухов. Страшно идти. Темно вокруг. Где сучок упадет, где ногой на сухой станешь. Себя боялись. Вот пришли. Светает. Стали хворост рубить, да ольха уже срублена лежала. Евгения Петровна разрубила и говорит: «Ребятишки, давайте побольше навяжем дров и в огород свезем. Хоть на соль да на керосин, да и спичек не было. Утром в окно смотришь: у кого печка задымилась? Идешь с ведерком к соседям за угольками, чтобы растопить железную печку. А там, глядишь, и к тебе кто-нибудь придет тоже за угольками. Так всю войну и прожили. А теперь далее, про дрова. Одну вязанку свезли домой. А Евгения Петровна осталась еще собирать, а Надежда с Евгением увезли дрова домой и обратно в лес. Наложили снова дрова на санки и поехали домой, а это где-то километра полтора, а то и два. Едем. Евгения Петровна с Надеждой тянут впереди санки, а Евгений сзади. И только на дорогу большую выезжать из леса, тут небольшой кустарник, тальник, да старая трава высокая, и нам навстречу выбегает волк. Бежит прямо на нас. Вот где было страху! Ладно, сзади верхом ехал объездчик с ружьем. Всегда ездил, и вот видит, что волк бежит на нас. Он выстрелил в воздух. И волк побежал в другую сторону.

Волков очень было много. Видимо, война и волков выгнала с западных рай-

онов. Только солнце на закат идет, а волки уже атакуют собак, а где у кого и овцой попользуются. А то и козу задерут. А собак, точно знаю, всех перетаскали. Вечером страшно было выходить. Летом-то не блудничал волк в деревне. Сытый был. Летом скот пасся, и где скотина подохнет, волк подберет. А то такие случаи были: в стадо волки прибегали и задирали овечек. А собак в первую очередь задирали. А пастухи ведь просто парнишки были. Что они сделают? Сами боятся, чтобы их волчок не задрал. Гляди, одну-две овечки волки задерут, а если овечку волк задрал, хозяйка у пастушка его овечку осенью заберет. А если нет, у пастуха овечки и козы, то, что заработал он за лето, ему не заплатят. Так что, не каждый пацан пойдет пасти.

А коров пасли другие подростки. И бывало так: соберутся пастухи за полдень, коровы и овечки уже наедятся и лягут отдыхать, а пасли около озера за поскотинной, дети купаются, залезут в воду и заиграются, а скот разбредется в разные стороны. Вот пастухи спохватятся – и бежать собирать табун, к вечеру, с горем пополам соберут. А солнце уже на закат, и табун пора гнать домой. Если есть кому дома скотину встретить, то встретят коровушку или овечек, а то и сами мальчишки-пастушки их во двор хозяйке загонят. Тем мальчишкам, которые пасли коров, утром хозяйки выносили бутылочку молока и какую-нибудь лепешку или вареную картошечку да свеколку, или пареночек. Вот и кормили понедельно па-

стушков, то один хозяин, то другой. А они пасут, пока снег не ляжет. А как только снег выпал, уже скотинушку в сарай закрывали или на свой огород выпускали ботву подъедать картофельную да свекольную. А как капустку вырубят, так скот в огороде и ходит, пока совсем все не подьест. А там закроют в

сарай, и так всю зиму коровушка до весны закрытая. Отдохнет зиму. А там опять придет весна-красна, и опять ее, бедную, запрягают огород пахать, дровишки возить, а то и на колхозное поле пошлют.

Полей было много, надо все вспахать, засеять. Лошадей хороших не было, всех на фронт забрали. Одни клячи остались, то старые, то надсаженные. На ноги упадет, ее тут же режут и потом этим мясом колхозников кормят. Как только полевые работы начинались, обязательно кололи свинью колхозную на общий обед или старую корову. Бульон сварится, овсяной мукой его заправят и каждому этой похлебки по пол-литра нальют. Сидим, пьем бульон, поплевываем шелухой. А уж если

гороховую муку засыплют, радости сколько у нас было!

Обед готовила стряпуха, выбранная всей бригадой. О, какая она была шустрая! Звали ее Марфа Шупярина. Всегда вовремя у нее обед был готов. А уж хлебушко не надо вспоминать было, матушкой-картошечкой между прочим закусывали. А те, которые хлебушко кушали, из торбочки кусочек отломят и едят. Они даже врозь садились обедать, а то вдруг увидят, что они хлебушко едят.

Бывало, отсеются, все поля засеют и Первое Мая празднуют. Много рыбы в озерах ведь было, рыболовные бригады из старичков состояли, на войну которых не брали. Вот они рыбки наловят, и созывают всех, чтобы делить ее на бригады. Да еще муки дадут граммов по двести на человека, а в этот месяц даже и по триста. Медовуха, заготовленная в зиму, заканчивалась, а уж водки и подавно не было. Вот все соберутся, сперва песни запоют, а потом в голос завоют. Мужиков уже всех почти перебили, ранены многие были, но домой вернулось мало. Смотришь, с полгода дома побудут, подлечатся, и снова их на фронт забирают. Бывало и с концом. А сколько в трудармию мужиков забрали! Ни один оттуда не вернулся. Бывало, их жены соберутся, насушат картошки, морковки да свеклы, и саночки пешком до Уфы везут.

Соберутся человек по восемь, и обоз готовый. Табачку нарубят по дорожке и продадут. Спичечная коробка стоила 100 рублей, а еще такие были

женщины отчаянные, в табачок корень подсолнуха нарубят, добавят и продадут. Еще какие-нибудь тряпки ребятишкам наменяют, привезут немного. Да и себе какую-нибудь юбчонку или кофтенку выменяют. С Уфы на своих двоих добираются. Ноги лаптями сотрут, они ведь и так все худые. Кто какой веревочкой смог перевязать. От сапоков отвязнут или выпросят у кого. По дороге просились по деревушкам ночевать. Если хозяева хорошие попадутся, чайком напоят и картошечки сварят. А идут до Уфы неделю и обратно столько же. А от Уфы до Челябинска добирались в теплушках или товарных поездах. А то и на подножках поезда. С одной подножки прогонят, побегут к другому вагону. А то и проводничку толк-

нут чего-нибудь, сухой картошечки или свеклы. Каждый жить хотел, у каждого были детишки. И рисковали, брали, сажали в вагон. Так и ездили каждую зиму. А некоторые письмецо ждут от родного, а его нет, соберутся, поедут, а человека уже нет, вперед ногами вынесли. Поплачут там и с тем домой приедут. С трудармии так никто в деревню и не вернулся.

Дети работали на заводах, делали оружие. Мучились, недосыпали, недоедали. А семьи их в деревне мучились, с голоду пухли, умирали. Тиф ходил. Сколько тогда люду перемерло! Голодные, холодные. Вша заедала. Откуда она только бралась? Из тела что ли? Организм ведь истощенный весь был. Как еще работали? Весь урожай убирали. Ни колоска на поле не оставалось. Учеников со школы гоняли собирать колоски. Бывало, весной поля вытают, вот и пойдут колос собирать. Людей много, особенно старушек с детьми. Собирают, а объездчик по полю на кляче ездит и кнутом всех гоняет. Кнут был длинный такой, с которым коров пасут. Вот этим кнутом и гонял. Бывало, не успеешь вовремя спуститься, а кнут обязательно тебя нагонит. Выжидали, когда объездчик уедет, чтобы опять выйти собирать колос, чтобы домой принести. В русской печке на листе высушат, а потом его руками обмолачивали. На жерновах смелют, если один раз пропустишь, мука будет, да еще кружечка у хозяйки около жернова стоит – ей надо насыпать за то, что она пустила смолоть. Хозяйка по праздникам шанежки

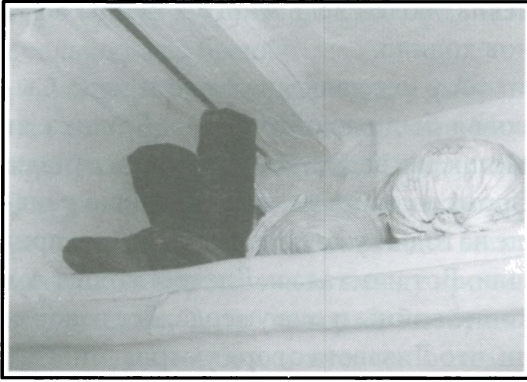
пекла, людей ведь много к ней на жернов ходило.

А у нее два сына было и муж. Сыновья были двойняшки – Гришка да Мишка их звали. Вместе в один день на фронт их забрали, а отца их еще раньше на год. И уже похоронки на них пришли. Вот и осталась Лизавета одна. А в конце войны и она умерла. Все говорили, что Лизавета с горя умерла. Видели, что она всегда зимой вокруг дома по ночам ходила, а летом вместе со всеми ходила на работу. А как отдыхать приходилось, садилась врозь ото всех. Она все отдельно сидела и плакала. Глаза не просыхали. Схоронили ее, в дом сестра ее с двумя ребятишками перешла. Дом

был справный. Ворота нарезные. Муж у Лизы был тогда хорошим плотником и сыновей учил. Бывало, придут из школы, он сам что-нибудь стружит и их обучает.

До войны зажиточно жили. Народ скота сколько держал. А у Лизы из загона волк овечку одну задавил, кровь выпил, а другую унес. Он, волк, как человек, на закорках носит добычу. А ко-

ровенка осталась, да три курочки с петушком у ее сестры остались.

Сестру Настей звали. Вот значит, Анастасия и жила в сестрином доме, а Лизавету похоронили, хорошо поминки справили. Был настоящий хлеб нарезан, даже рыбный пирог был, и блины макали в мед-не мед, а водичку медовую делали. Кисель калиновый был, и маленькие пирожки были напечены с начинкой из черемуховой муки. Вот детишки поели, а ведь почти четыре года не ели ничего хлебного, а тут уж наелись. Многим детям плохо было. Объелись. Животы заболели. Из района вызвали врача, а врачи не приехали.

В Бирске госпиталь был в бывшей церкви. Летом стояли на пристани пароходы, в госпиталь привозили раненых из Уфы и по Каме из Перми, тогда этот город назывался Молотовым. Из ближних деревень ребяташки бегали смотреть, не привезли ли чьего-нибудь отца. Бежали, цветы луговые по дороге рвали, кидали их под ноги солдатам или клали на носилки и вертались домой зареванные. Целыми днями на берегу просиживали, ждали пароходы, а то и

на баржах раненых привозили. А сколько так и не довезли до госпиталя?! Умирили прямо по дороге. Хоронили их тут же, выбрасывая за борт в воду, а чтобы не всплыли, груз к телу привязывали. Мертвых мало на берег выгружали. Это уж если только недавно умер. Сколько было стону, крови! Бинты у всех кровавые, не успевали перевязывать, да и бинтов не хватало. Пить все просят. А медсестрички молоденькие, лет по восемнадцать, им бы за партой надо сидеть, а они воюют, солдат вытаскивают на себе, спасают.

И у нас с деревни девчонок забирала на фронт через военкомат. Забирали в основном из бедных семей, а те, что побогаче были, откупались хлебушком. Мало-то их, девчат, обратно вернулось, все полегли на поле боя. Одна Варя вернулась, по ранению. Так вся деревня собиралась у нее по вечерам, и каждый задавал вопрос. Кто спрашивает за мужа, не видела ли где. Кто за сыночка Варюшку спрашивал, а она плакала, отвечала, где и когда увидишь, по три дня из окопов не выглядывали, бомбежки, боялись голову поднять. Кругом стон да плач. Варя рассказывала, что такие ребята тяжелые были, просили пристрелить их. Говорит, как полено лежат, ни рук, ни ног нет. А ведь живыми глазами сморит, подползешь к нему водички дать, а он уже мертв.

Много Варя рассказывала. Разве все упомянешь? А с замужем ей тоже не повезло. Познакомилась с одним солдатом, ранен он был. Из соседней деревни был. Домой приехал умирать толь-

ко. Весь израненный. Надо было еще ему в госпитале полечиться, но госпиталя все были переполнены. Вот и списывали солдат домой. На фронт такие уже не годились. И дома ему только умирать оставалось. Сколько и в нашей деревне таких случаев было. Вроде и жив человек, а он уже не работник. А

кого что было, то и несли. Помогали. Так и того солдатика схоронили. В деревне нашей они приезжие были. Откуда, не знаю. И звать как его непомню. Но был у матери один сынок. И отец его без вести пропал. Такая похоронка на него пришла. Мать его Матреной звали, была ростом высокая, статная. Бы-

куда его денешь? Живьем ведь не закопаешь. Поживет, поживет такой человек, потянется кое-как. Глядишь, весной снежок тает, и солдатик со снежком ушел в мир иной. На фронте убьют, солдатика хоронить, хоть ботинки с обмотками были, а в деревню вернулся, и этого у него нет. Если бы старик он был, так хоть лапти бы на него надели. А на молодого носочки надели, да из ниток из толстых тапочки связали. Соседка их, бабка Федора, принесла. А в деревне еще до войны хоронили всем миром. У

вало, пойдет, наденет юбку с кофтой и обязательно передник наденет, фартук так называли. А по воду вся деревня ходила на родничок. Ниже родничка колода стояла, кто летом из нее для полива воду брал, кто коровушек поил. А колхозных кляч-лошадей гоняли на озеро пить. Там на берегу тоже стояла колода. Некоторые лошади пили прямо из озера, берег был не крутой.

В ночное, бывало, пацаны гоняли лошадей пасти. Костер разожгут, печенки пекут, тут и поспят немного, а утром,

чуть заря поднимется, садятся на лошадей и в поле торопятся. Бригадир даст разнарядку, и все идут работать, кого куда пошлют. А вот покушать было нечего. Если успеют сварить картошечки, то возьмут с собой и перекусят, пока до поля доедут. А в обед чего-нибудь стряпуха сварит. Чаще гороховый кисель варила, и этому были рады.

Как наработаются до обеда в поле в подростки, как находятся за плугом, еле ноги тянут на стоянку, чтобы пообедать. А что обедать? Опять же кисель гороховый. А после опять на работу. Так и работают, пока солнце не закатится. Потом плетутся на своих клячах прямо на луга, чтобы кормить и поить их. Отпустят животину пастись, а сами к озеру бегут искупнуться, дневную грязь смыть. Рубах почти ни у кого не было, все оборванцами были. Бывало, идешь за бороной, а на тебе юбка или кофта порвется. С тальника срежешь лыко и дыру завяжешь. Пока держится. Как только лыко высохло на солнце, опять все порвется. Вот так молодежь и ходила.

И были мы голодные да холодные, но не унывали. Песни пели. Бывало, идем с сенокоса, с лугов, искупаемся, придем домой – и на улицу. Возле ворот бревна лежали. Вот и выходили с балалайками и гармошками. Бывало, как только Колька заиграет, вся молодежь собиралась и плясала, и пела.

Бывало, и женщины и выходили к молодежи. А молодежь-то какая? Подростки 14-15 лет, а то и 13-ти. Голодные были, а жили дружно. Не блудничали.

Ни у кого ничего не воровали. Бывало, к соседке пойдешь, а ее дома нет. Смотришь, на двери накладка повешена, да пруточек воткнут – значит, дома никого нет. И сами так уходили, и дом оставляли. У редкого хозяина был замок повешен, да и то на ключ не закрытый. И никто не блудничал. А ведь люди тоже разные были, и бедные, и богатенькие. И хлебушко у них был. Бывало, утром побежишь на ключик за водичкой, а хлебушко у кого-то печется. А запах, какой! Вот пройдешь, понюхаеть этот хлебный душок, слюнку проглотишь – и все. А хлебушко у кого было, так в первую очередь у председателя сельсовета. Его звали Фрол Максимович. А председатель колхоза Петр Иванович Петровский, потом и его забрали на фронт, не сработались с председателем сельсовета. Вот и они жили с хлебушком. Были еще Меньшиковы. Он в амбарах кладовщиком работал, а отец его, старичок, на токах хлебушко охранял. Ток – это такое место, где зерно молотили и хранили, когда не успевали его вывезти. Зерно грузили в мешки и в Бирск, в заготзерно, возили. Как план перевыполним, оттуда нам давали красные вымпелы. Туда едем с большим флагом, а на нем написано «Везем зерно для фронта, для разгрома врага в государстве». Свезем, а нам в отчетный год дали на трудодень только по 150 граммов хлеба. В общем, трудодней много было, а получать – нечего. Вот так и работали четыре года. За палочки. Палочек было – хоть огород городи. Вот так и жили, тянулись, как вша на лямке.

Раздеты, разуты... Налоги большие были. Душили народ. Где, какое зернышко возьмет кто, в лаптях понесет, догонят из партийцев старички, такие были, вытрясут и донесут в сельский совет. Смотришь, на утро нет человека. Увезли – и с концом.

А на заготовку леса угоняли. Надеть нечего, зимы были морозные, снегу было много. Бывало, идем, темень, это нас отправляли, троих девчонок – Машку Шибанову, Тоську Трусову и меня, в Шаманино на кляче. Лошадушка еле ноги переставляла, худющая, потому что уже старая была, как вот сейчас я сама. А тогда, в 1944 году, мне было 15 лет. Приехали в Ангасяк, это марийский район. Поставили нас на квартиру к старичкам. Нас трое, да у них уже две женщины молодые жили. Старички попали добрые, жили вдвоем. А три сына у них было, и все на фронте. На младшего сыночка похоронка пришла, а от старшеньких писем тоже не было. Бывало, слышим ночью: старички лежат, горюют. Бабка плачет, дед ее уговаривает: «Не плачь, Бог даст, живые вернуться». А вот и не вернулся из троих сынков ни один. Ладно, были все трое холостые.

А мы с Машей и Тоськой назавтра пошли уже на работу в лес. А там много народу. Одна молодежь. Татары, марийцы. В общем, разные нации. Весь интернационал. Маруся с Тоськой пилили, а я у них третья была. Свалят сосну, а я сучья срубала и сжигала их, и сосну огребала. Бывало, подойдешь к сосне, и не знаешь, с какой стороны лучше на-

чать. Вот спилят мои подруженьки эту сосну, упадет, надо ее очистить. Пока я ее очищаю, они валят другую. А распиливали комель в 6 метров, а хлыст 12-метровый. Это для фронта мы на столбы пилили. После боев тянули связь. Зимой валили лес и вывозили на берег Белой. А весной лес в плоты собирали и гнали вниз по течению в Пермь. А хлебушко нам тогда давали так: если норму сделаешь, 700 граммов дадут и два раза приварочек – еще ложку капусты кислой или ложку пюре. Вот так мы и работали до февраля. Все обносились, лапти все прохудились. Мы и сбежали оттуда. Маша Шибанова и Тоська Трусова обратно потом туда уехали, они ведь были совершеннолетние, а я подросток, меня уже в лес не послали, а к свинарке Лизе поставили варить свиньям картошку.

Вот тут я немножко ожила. Пойдем, бывало, с Лизой за гнилой картошкой для свиней, а девчата ведерочко хорошей картошечки насыпят. Мы с Лизой помоем, испечем и девчат накормим с овощника. Так до весны и работали. А весна пришла – опять посевная.

Работаем, а с фронта вести идут: фашиста погнали. В деревне одно радио висело около сельсовета. Бывало, идем с работы, нога за ногу тащим, а проходим мимо сельсовета, приостановимся и послушаем. Наутро вместе с зарей встаем и опять идем на поле работать. Детвора же что-нибудь услышит и бежит на поле к своим матерям хорошую весточку сообщить. Поля успевали за-

сеять к Первому Мая, уже к празднику посевную заканчивали.

Девятого мая на дальнем поле распахивали концы и видим: верховой едет. Из сил лошадь выбивается, а парень скачет и что-то кричит. А мы испугались, думали, что в деревне опять пожар, побежали к нему навстречу, а он с лошади соскочил, бежит и кричит: «Война, девчонки, кончилась!» Как мы кричали, ревели, обнимали друг друга. Упали на поле и ревели, и выли по-волчьи. От радости...

Кончилась война, мало мужиков вернулось. И те, что возвращались, долго не жили, умирали от ран. А сколько

тогда пацанов у нас в ФЗО забрали, а нас, девчонок, на торфоразработки угоняли. А если оттуда кто-то сбегал, сажали в тюрьму. Сажали на 4 месяца. Отсидит человек, и опять его под конвоем отправляли. Договор был заключен с торфоразработчиками на 10 лет. Велись они здесь, в Свердловской области, есть такая станция Монетная. Вот туда везли всю молодежь. Сбежишь, опять посадят на 4 месяца и обратно посылают туда работать. Это уже в другой раз расскажу, если живая буду.

Можно много и без конца рассказ вести. Но вот бумага заканчивается.

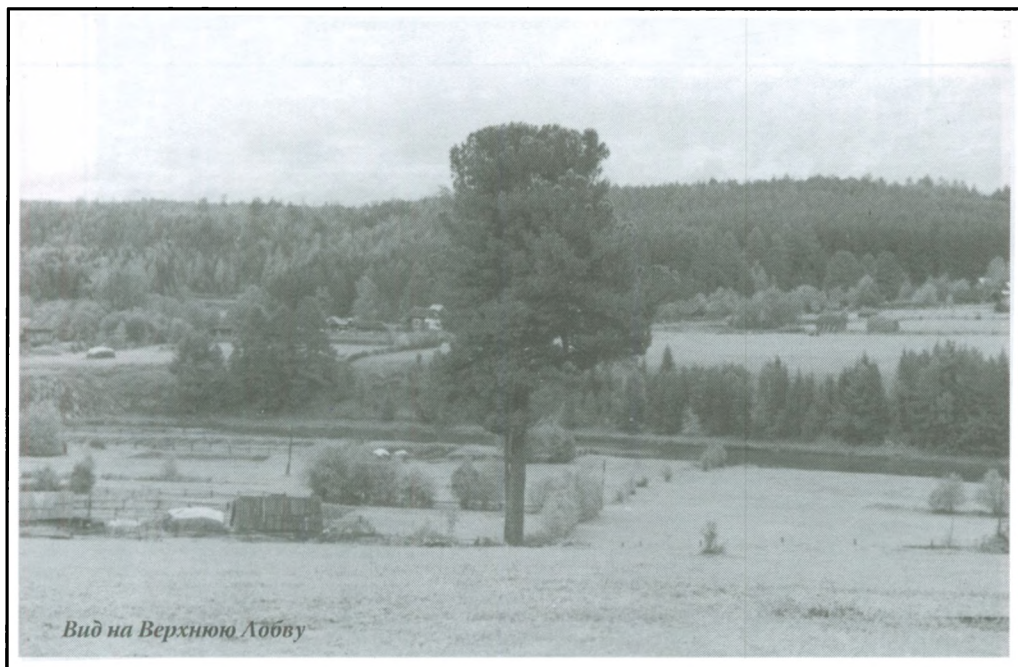
*Надежда (Наденька)
2001 - 2002 год*

Белый домик у рябины

От Верхотурского тракта вверх по течению Лобвы дорога идет вдоль самой реки. Места здесь удивительные по красоте и природной первозданности. Вот на противополож-

ражающему трагедию, произошедшую здесь в начале 30-х годов ушедшего века.

Шайтанка в то время была одним из самых крупных лесозаготовитель-

Вид на Верхнюю Лобву

ном берегу Лобвы возвышается Марьин утес, названный так то ли после известного всем фильма «Тени исчезают в полдень», а может быть, еще и ранее. Дорога эта приводит в Шайтанку, одному из лесопунктов Новолялинского района. Надо же было придумать такое название поселку, впрочем, всецело от-

ных пунктов в районе, а поэтому именно сюда привозили со станции Лобва раскулаченных и высланных крестьян. Здесь была комендатура и находился комендант – вся власть в глуши, оторванной бездорожьем даже от станции. Сегодня Шайтанка переживает обычную судьбу лесных поселков, отрабо-

таных и никому не нужных. Поселок унылый. Однообразные серые дома барачного типа, огромные поленицы заготовленных дров – тоже характерные особенности этих селений. Шайтанку мы проезжаем, поднимаясь все выше и выше вверх по течению Лобвы.

В 2002 году поселку Черный Яр исполнилось 70 лет. На первый взгляд кажется странным, что Яр – Черный. Кругом маленькие домики, беленные известью. Их украшают деревья рябин, богато усыпанные ягодой в этом году,

станции Лобва в 1932 году на пустой берег одноименной реки, он на самом деле показался черным. Черные ели стояли у берега реки, черным было солнце и небо. Черной были жизнь и смерть переселенцев. Выжили не все. А те, у кого хватило сил, стали строить вот эти домики, первое жилье, как ни странно, до сих пор обитаемое. Со временем поселок разросся. Ведь ссылали сюда не только в 32-м, но и 37-м, и в 40-е годы, о чем рассказывает нам Александра Алексеевна Сушицкая, учитель матема-

желтые цветы мимозы и золотого шара, привезенные сюда из теплых краев. Впрочем, как и сами жители этого поселка.

Крестьянам-переселенцам из Краснодара, доставленным на подводах со

тики, более тридцати лет проработавшая в Черноярской школе.

-Я окончила Свердловский пединститут в 1957 году и по распределению приехала сюда. Родом я из Ляли. Наша семья избежала раскулачивания, предва-

рительно все распродав. Когда я приехала в Черный Яр, поселок был большой. Это сегодня человек 200 осталось, а тогда школа была десятилетней, в параллели было по четыре класса. Это

Александра Алексеевна четко называет фамилии и имена своих учеников. Тот стал врачом, другой - ученым, кто-то преподает в военной академии. Она говорит спокойно, но в голосе

Александра Алексеевна Сушицкая

притом, что в 1956 году многим ссыльным уже разрешалось уезжать, и большая часть покинула эти места, возвратившись на родину. Но оставалось еще много немцев, греков и представителей других народов, высланных в 40-е годы с Поволжья и Крыма.

-Вот мой класс, - показывает на старый снимок Александра Алексеевна, - это дети 1949 года рождения. Почти все здесь немцы. Многие из них впоследствии окончили высшие учебные заведения, военно-медицинскую академию. Все они разъехались, живут в разных частях бывшего Советского Союза, многие теперь в Германии.

чувствуется гордость за своих выпускников. Теперь уже совсем редко, а в прежние годы чаще навещали питомцы родное гнездо и обязательно заходили к своей учительнице.

Работая в школе в 60-е годы, Александра Алексеевна занималась краеведением.

-Мы ходили с ребятами в походы по нашему краю, поднимались в горы. О спецпереселенцах тогда мы, конечно, говорить не могли, но некоторые истории я все же помню. Как вы знаете, за этими горами расположен Карпинский район. Ссылным нельзя было пересекать границу, но, чтобы как-то до-

быть хлеб, которого катастрофически не хватало, мужчины ночью переходили горы и из Кытлама приносили хлеб. Там они выменивали его у старателей на вещи или покупали. К утру им обязательно нужно было вернуться, чтобы отметить у коменданта. Вся ночь уходила на то, чтобы пересечь горы туда и обратно. А утром – на работу в лес.

Вот на этой фотографии мы с ребятами стоим на школьном крыльце, собираемся в поход, посвященный 40-летию пионерской организации, - показывает снимок Александра Алексеевна.

Еще помню рассказ возницы, который вез ссыльных крестьян от станции Лобва до Черного Яра. Рассказывал он о том, что ехала в его санях как-то зимой женщина с грудным ребенком. Обернулся он в какой-то момент, а ребенка нет. Вернулся обратно и нашел его на дороге. Так и не понял, то ли женщина его потеряла, то ли специально выбросила, чтобы не обрекать его на дальнейшую голодную жизнь.

В 1932 году выслали в Черный Яр крестьян из Краснодара, в 1937 – из Гаринского района Свердловской области, повторно осужденных. Вначале 30-х в Гари они попали из Вологды и Витебска. Видимо, после «раз-

богатели» на уральском севере, в 37-м их снова раскулачили и выслали в Черный Яр, на их же место в Гари пригнали «убийц Кирова». А с 42-го по 44-й годы Черный Яр принимал новых «врагов народа», квалифицированных так по национальному признаку.

– Много браков было смешанных, – вспоминает Александра Алексеевна, – вот, например, семья Вдовиных. Русский и гречанка. Вместе и здесь оказались. Впоследствии их сын окончил Киевское авиационное училище, затем летную академию. Брат жены, тоже грек, окончил Морскую академию.

К сожалению, не удалось нам встретиться с «губернатором» Черного Яра, как шутливо называли его черноярцы.

– Наш глава тоже потомок спецпереселенцев, – комментировали они, – сегодня по выборным делам в район уехал.

Улицы белых домов, ухоженных и заселенных даже сегодня, «из неподсоченного леса строили» – вспоминаю слова старожиллов, – называются Ленина и Северная. В этих двух названиях и заключается все противоречия истории: советского строя и методов его утверждения.

2003 год

Судьба шофера

Что скажешь,
Михаил Федорович?

Михаила Федоровича Бобыря я знаю давно. Приходилось вместе с ним присутствовать на производственных совещаниях в лесопромышленном комбинате, где Михаил Федорович работал всю жизнь. Почему-то запомнились его руки. Большие, трудовые. Он спокойно и уверенно держал их на столе. С таким же достоинством держался всегда и сам. Крепкий, широкоплечий, по возрасту старший всех нас, он отличался не только спокойствием, но и мудростью. И какие бы страсти не кипели вокруг автотранспортного цеха, где он работал механиком, а не редко оставался и за начальника, он умел быть выдержанным, а главное – всегда предлагал верное решение любой проблемы.

Вывозка леса – один из самых главных участков в технологическом процессе, от объемов вывозки зависит план всей лесопереработки. А возить длиннономер по гористой уральской тайге может не каждый водитель. Вот и был автотранспортный цех, камнем преткновения чуть ли не каждого совещания в кабинете директора. Михаил Федорович в споры не вступал. Терпеливо выслушивал всех, когда же пар был выпущен, взгляды обращались к нему:

– Ну, что скажешь, Михаил Федорович?

– Я так думаю..., – начинал он.

И то, что думал он, оказывалось единственно верным решением. Спорить больше было не о чем. Вопрос закрывался. Руки его при этом по-прежнему спокойно лежали на столе. Взволнованным его я не помню. Улыбался, открыто, но искринку радости прятал где-то в глубине глаз. Словно все время думал о чем-то своем.

Его уважали за опыт и мудрость, за безотказную работоспособность и добродушный характер, за то, что никогда никого не предавал и не подставлял. Работая в сложном коллективе лесовозников, где был контингент из числа тех, “кто сидит, сидел или будет сидеть”, он для каждого оставался Михаилом Федоровичем, первым помощником и наставником.

А потом началась перестройка, экономические реформы, которые лесозаготовительная отрасль переживала сокращением производства, безработицей и полным застоём. Неплатежи, в том числе и по заработной плате, сказались на развале коллектива автоцеха, кадровые лесовозники подались на заработки в другие регионы, а Михаил Федорович остался. До боли, переживая, навалившиеся трудности, он пре-

данно ходил в свой автоцех, оберегая, все, что было создано раньше. И так не день, не два, а годы. И дождался ведь.

...Вновь, отправляясь, ранним утром в рейс, загудели в цехе лесовозы, вновь ожил его леспромхоз. И тогда Михаил Федорович вздохнул с облегчением, на отдых пора. Внук Алеша у него самый замечательный человек на земле. Теперь дед в ожидании его от окна не отходит. А уж, если из школы, Алеша задерживается, то он себе места не находит.

В преддверии 60-летия Победы в Великой Отечественной войне заглянули к деду с внуком в гости и мы. Долго сидели в тепло натопленном доме, срубленном собственными руками Михаила Федоровича. Его дочь, Вера Михайловна, угощала чаем и сладостями, а мы говорили с ветераном. Войну он вспоминал неохотно, с искренней болью – детство, полусиротское, полуголодное при живых родителях, раскулаченных и высланных на Северный Урал.

Детства у меня не было

– На Украине я родился, - рассказывает Михаил Федорович. В 1922 году в городе Миргороде Полтавской области. До революции отец мой Бобырь Федор Андреевич считался бедняком, после революции при том же состоянии – кулаком. Формулировка к высылке гласила: “Кулацкое хозяйство активно выступало против проводимых мероприя-

тий Советской власти”. Но это было неправдой. Отец был скромным, немногословным человеком дела, законопослушным гражданином, безропотно принимавшим все удары судьбы. В городе его уважали, он руками все делать умел. К нему часто обращались, как к хорошему кузнецу, лошадь подковать или по другим делам, - вспоминает Михаил Федорович. – Я ребенком был, когда родителей высылали..., но помню все.

В 1930 году семью Бобырь, как и многих других односельчан, ставят перед фактом ссылки. С собой разрешили взять самые необходимые вещи и под конвоем, как преступников, как врагов, коими их теперь и будут называть, отправили на вокзал. В семье на тот момент кроме Федора Андреевича, была его жена Настя Петровна 1892 года рождения, сыновья – Михайло Федорович 9 лет, Владимир Федорович 7 лет, Григорий Федорович 12 лет. Так написано в учетной карточке по выселению кулачества, копию которой Михаил Федорович получил гораздо позже из архива УВД Свердловской области. В этой же справке значит, что в семье Бобырь (так написана фамилия в справке) всего двое трудоспособных, в хозяйстве “до революции земли было 15 десятин, бедняк, коней 1, коров 1, овец 2, свиней 1, сеялка, плуг, борона, жатка, клуня, сарай. В экспортному дади облегался 1/3 двигуна”.

– Из этой справки видно, что у моего отца было все только самое необходимое для крестьянского хозяйства, жили-то ведь только им, и налоги он платил исправно. Но все равно семью

всю выслали. Мне было 9 лет, но я все помню, – вздыхает наш собеседник, – всех крестьян погрузили в товарные вагоны, откуда мы с младшим братом Владимиром сбежали. Родители не стали нас держать, думали, что спасут так от смерти. Остались мы у бабушки с дедушкой на Украине, где наступает в это время страшный голод. Люди целыми улицами вымирали. В школу мы, конечно, не ходили, пасли коров, а когда и их не стало, собирали подаяние, стараясь хоть как-то прокормиться. Ели отруби и крапиву. Выжили мы, благодаря только бабушке, сердце у нее было золотое. Жалела она нас, любила, каждую крошечку нам берегла, – с волнением говорит Михаил Федорович.

Сам уже давно дедушка, он через всю свою долгую жизнь пронес в душе признательность к бабушке, спасшей не только им с братом жизнь от голодной смерти, но и согревающей внуков любовью, в такую лихую годину.

– Дед был строгим, жалостью нас не баловал, бабушка, только бабушка спасением была. Царство ей небесное! Столько горя мы тогда пережили, но умереть нам она не дала. Детства у меня не было, – с повлажневшими глазами произносит Михаил Федорович, – и потом на всю жизнь кулацким сыном остался, а значит, любой мог в тебя камнем бросить.

Весть о страшном голоде на Украине дошла и на Северный Урал. Не выдерживает сердце Насти Петровны, изнывает от боли по оставшимся на родине сыновьям! Вопреки всяким запретам комендатуры, опасаясь быть пой-

манной и тогда уж отправленной на каторгу, она в 1934 году с Урала пешком и на попутках отправляется на Украину к детям. Добиралась женщина целый месяц, без документов, таясь ото всех. И добралась ведь, движимая, материнской любовью, сравнимой только с инстинктом зверя. Но добратся было одно, надо было еще суметь вернуться обратно. И не одной, а с двумя уже подросшими детьми. Чтобы заработать на дорогу, Настя работала, грузила зерно в мешки. И в 1936 году вместе с сыновьями вернулась к мужу на Урал.

В 1938 году, во время повторных репрессий, семью Бобырь из под Серова снова ссылают. Теперь на 136 квартал, место нахождения ссыльных вблизи будущего города Карпинска. Здесь Михаил стал учеником слесаря, потом молотобойцем, после выучился на шофера и возил лес.

– Местные нас не любили, лишний раз старались унижить и оскорбить. И на фронт нас сначала не брали, потом уже, когда дела под Москвой стали плохи, начали в армию призывать, – делает паузу Михаил Федорович.

**Я думал, что война
никогда не закончится**

Вера Михайловна хлопочет над самоваром, выставляет на стол вкусный торт. На стенах, как это было принято раньше, черно-белые портреты и фо-

тографии родни, до военного и более позднего времени. На самом большом снимке – Михаил Федорович. Мы готовы слушать его дальше, о буднях Великой Отечественной войны. И он оправдывает ожидания. Начинает буднично, прозаично: “Всю жизнь мечтал работать шофером”. И стал вспоминать случаи из своей довоенной биографии, о том, как возил лес на газогенераторной машине в Карпинском леспромхозе. О войне заговорил внезапно.словно до сих пор не веря и удивляясь случившемуся: “Я ведь не думал, что выживу, не верил, что вернусь домой. Я думал, что война будет всегда, что она никогда не закончится”. И в этом его искреннем признании, - правда о войне. О том, как меняла она само представление о жизни и будущем, об ощущениях и чувствах человека, словно слившегося с тем, что происходило вокруг, способного воспринимать только мысль о том, что, убивать будут всегда, самолеты будут бомбить всегда, мины подрываться на каждом шагу будут всегда, всегда, всегда... И в один какой-то момент, обязательно неожиданный, хотя ждешь ты его всегда, тебя тоже убьют, как всех других, которых каждый день убивали на его глазах. Он будет только один из многих.

– Призвали меня в армию 10 декабря 1941 года, – вспоминает Михаил Федорович, – пришли повестки мне и Михаилу Голубю, тоже водителю из леспромхоза, высланному на Галку. Уходили на фронт вместе. Вернулся я один. Двадцать дней служил в пехоте, уча-

ствовал в обороне под Курском, принять участие в наступление не пришлось. Понадобился шофер на первую машину ГАЗ - АА, сразу взяли меня.

Так дошел он, а вернее доехал, от Курска до Белоруссии. В 1944 году остановились в деревне Карповичи. Михаил Федорович возил раненых из Карповичей до Самборга, а обратно вез снаряды. Сам просил грузить машину. Здесь же, как никогда раньше почувствовал, весь ужас воздушных атак.

– Каждый день немцы совершали жестокие нападения с воздуха, - вспоминает Михаил Федорович, - в те минуты думал: “Все, капут нам. Не выжить в этом светопреставлении”. Однажды мы расположились в единственном оставшемся целом доме совершенно разрушенной деревни. Бомбежки продолжались, но стали реже. Вечером я вышел из дома по нужде, вернуться уже не пришлось, бомба попала прямо в дом...

Что это было? Может быть, воля судьбы, предоставившей ему отсрочку? Тогда он был уверен, что бомба его еще не упала.

– Потом от станции Жердь нас отправили в Каменск - Подольск, дальше пошли к Карпатским горам, а оттуда под Ужгород, – продолжает рассказ Михаил Федорович.

Ощущение войны для него, это – ежедневные переходы в десятки километров, когда пот заливает лицо, и спать умудряешься на ходу, это – отражение бесконечных атак, когда на глазах у тебя падают те, с кем еще час назад дели са-

мокрукту, это – хроническая усталость и постоянное ощущение несвежего белья. Михаилу Бобырю пришлось узнать, что такое пехота, хотя большую часть войны он был все же водителем. Опять же рядом и вместе с пехотой.

- Машина у меня была “Виллис”, работала, как часы, - с гордостью говорит ветеран. - Я был хорошим водителем, как только сложный путь предстоит, так отправляют меня. Говорю это без хвастовства. Ведь еще до войны я знал и водил машину. Вывозка леса многому научила, - рассказывает он. - Поручили однажды мне везти командующего артиллерией, он мне сказал ехать по прямой дороге, а я возражаю, мол, лучше объехать. Добираться, правда, дольше, зато безопаснее. Но командующий приказал ехать прямо. Поехали и... подорвались на mine, командующий погиб, а меня контузило, месяц в госпитале отлежал, но остался жив.

“Снова жив. Опять не моя мина” – думал он, находясь, на лечении.

Довелось ему таскать противотанковую пушку, и секретные пакеты доверяли в части только ему. А еще возил Михаил Федорович генерала Шубу и видел маршала Рокоссовского.

И неслучайно наградили Михаила Федоровича фронтовым знаком “Отличный шофер”, а за проявленные на войне смелость и мужество – орденом Великой Отечественной войны II степени. И все же в который раз, перебивая свои воспоминания, он повторяет: «Я не верил, что вернусь домой. Об этом невозможно было даже мечтать.»

Фронтной путь шофера Бобыря пролегал через Украину, Белоруссию, Чехословакию, Польшу, Венгрию, Германию.

- Чехи – люди добрые, встречали нас хорошо, - вспоминает он, - а, поляки нас не любили и относились очень настороженно. Когда пришли в Венгрию, а она была союзницей Германии, случай такой произошел. Войска русские и венгерские остановились на таком расстоянии, что были видны друг другу. Но никто не хотел сделать шаг вперед, части были вооружены, и каждый подзревал противника в провокации. Тогда, - говорит Михаил Федорович, - я бросил оружие, сел в машину и поехал по направлению венгерских войск. Когда подъехал к ним, начал показывать руками и говорить, мол, бросайте оружие и идите вон в ту сторону, там нет ни немецких, ни русских войск, и никто вас не тронет.

Как не странно, но в него стрелять не стали. Его послушались. Испуганные мадьяры бросали оружие и уходили прочь. Видимо, не хотелось умирать им в конце войны. Когда Михаил Федорович вернулся назад, командир части спросил у него, было ли ему страшно, ведь его могли убить? А Михаил ответил: “Не знаю, надо ведь было кому-то пойти им навстречу”. После этого меня наградили Орденом Красной звезды, - подводит итог Михаил Федорович и показывает нам орден на праздничном пиджаке.

Орденом он гордится, о своей же миротворческой миссии просто гово-

рит как тогда, почти шестьдесят лет назад: “Должен же был это кто-то сделать”.

Шофер Бобырь войну закончил под Берлином.

– Последние дни, часы, минуты, секунды войны были такими же беспощадными, как пять страшных лет, – говорит он.

Находясь уже под Берлином, 9 мая 1945 года, в момент капитуляции фашистской армии Михаил Федорович вновь принял жребий от судьбы. На своей машине с парламентаром и белым флагом продвигался он навстречу поверженным немцам. Еще вчера, 8 мая, парламентаров, подобных им, немцы расстреляли. И теперь Михаил вел автомобиль по улицам страны своих врагов. Из окна машины развивался белый флаг. Оставшиеся в домах вооруженные немцы, а их было достаточно много, могли выстрелить в любую минуту. В нависшей тишине, какой не могло быть даже в конце войны, он услышал бы сразу очередь автомата, последнюю для него. Он успел бы услышать треск, впрочем, он знал всегда, что домой уже не вернется... Очереди не было.

– Победе мы были очень рады, но нападения со стороны немцев еще долго продолжались, – рассказывает дальше Михаил Федорович.

...А для него война продолжалась и после капитуляции Германии, в Закарпатье, где шли бои с антисоветскими настроенными формированиями. И здесь, еще не раз ему пришлось риско-

вать жизнью, будучи водителем полковника Василия Ивановича Шубы. Служил Михаил в армии до декабря 1945 года.

Потом мы смотрели семейный фотоальбом, в котором есть фронтовые снимки, на них - Михаил Федорович - молодой шофер рядом со своей маши-

ной “Виллис”. Сохранилась с войны и красноармейская книжка, которую выдавали каждому солдату.

На парадном пиджаке Бобыря орден Красной звезды и Отечественной войны второй степени, с другой стороны – медали. Он не добивался этих наград преднамеренно, он пять лет выпол-

нял тяжелую работу - защищал свою страну.

...Он был просто военным шофером.

Отродье кулацкое

Демобилизовавшись в декабре 1945 года, Михаил вернулся в Карпинск, в свой леспромхоз, где снова стал возить лес. Потом он стал механиком

автоцеха. Видя, его рабочую хватку, толковость и желание учиться, послали на курсы повышения квалификации, после чего назначили главным механиком леспромхоза. А потом, спохватившись, опять понизили в должности. Не приняли в партию, напомнив, о том, что он, в первую очередь, сын кулака, а не участник Великой Отечественной войны.

– Отродье кулацкое, – бросали вслед мальчишкам, местные жители в 30-х годах. С пристрастием допрашивали на фронте в 40-х, одни ведь на войне

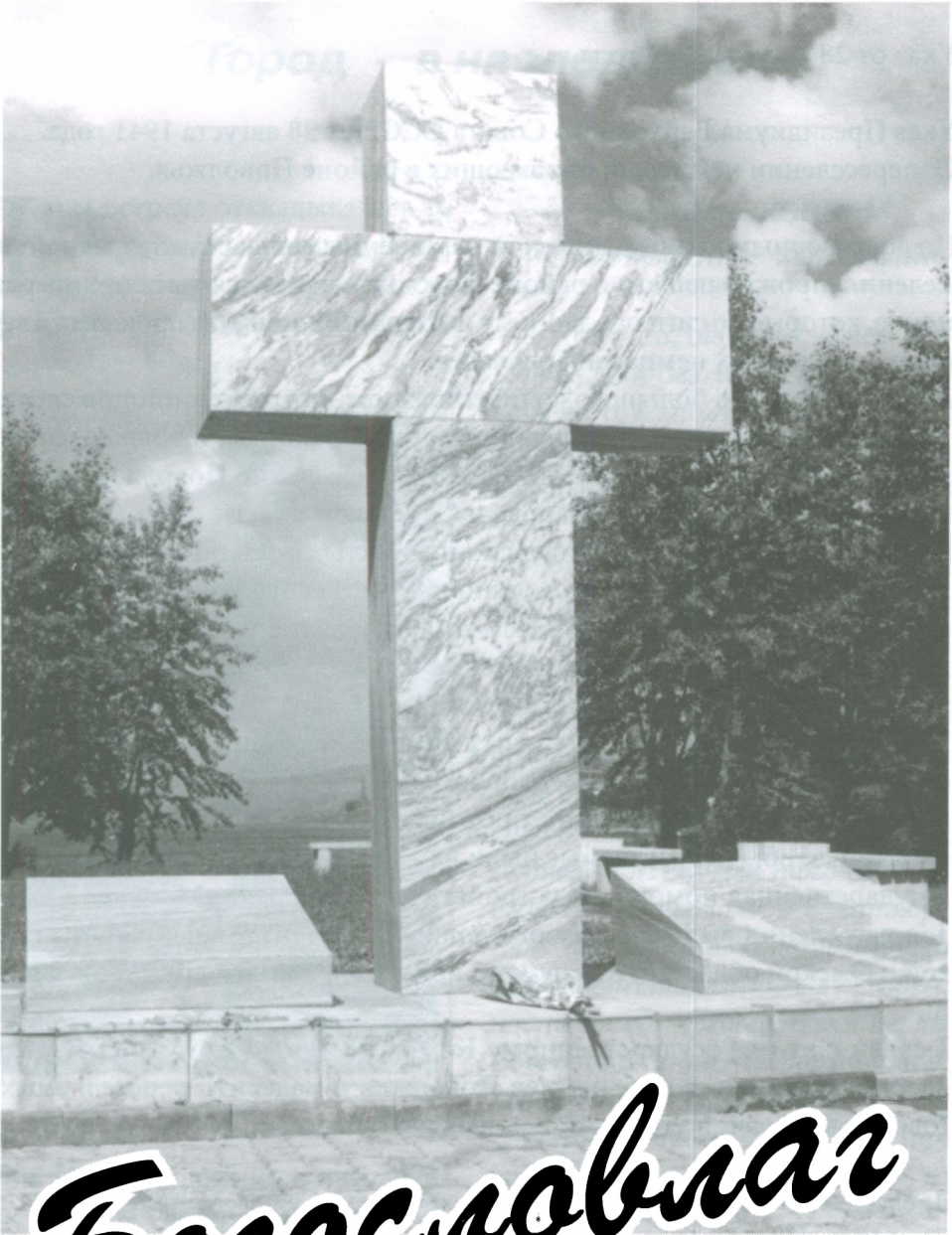
*Михаил Федорович с внуком Алейшей
встречают гостей*

навстречу пулям шли, другие – за их спинами картотеку на “врагов народа” составляли, формуляры в архивах под грифом “Хранить вечно” собирали, чтоб и десятилетия, спустя, не церемонясь, судьбу человека искорежить можно было.

...А Михаил Федорович строил дом, растил детей и честно работал. Только искорку радости прятал в глазах глубоко. Теперь его радость – Алеша, внук его дорогой, которого прошлым деда уже, к счастью, не упрекнет никто.

2005 год

Богословлаг

Часть 2

Указ от 28 августа 1941 года

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года.

О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья.

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районе Поволжья, имеются тысячи диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в Республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, случится кровопролитие и Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и, чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Оборона предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Горкин

Москва, Кремль

28 августа 1941 года.

Этот документ стал основанием для политики геноцида, проводимой в СССР против немецкого народа вплоть до 1958 года

Город - в наследство

Наша встреча откладывалась то на неделю, то на месяц. И все же желание выслушать Рудольфа Егоровича Мелинга не покида-

ло меня. И вот он входит в назначенное время в совет ветеранов «Базстройка» - бодрый, подтянутый: «Прошу извинить, меня задержали на три минуты». (Я бы простила ему и тридцать) А врожденная немецкая педантичность еще не раз заявит о себе в нашем разговоре - Ну, и о чем мы будем говорить?..

Утром – копаем,
вечером – хороним

Конечно, он знает, о чем и о ком. Но каждый раз, встречая нового человека из той эпохи, я невольно должна заставить его вернуться на много лет назад. К самому началу. Нельзя сказать, что у всех немцев оно было похожим, но Родина у многих была одна – Народная республика немцев Поволжья.

-В 1938 году я окончил 8 классов школы на немецком языке. В немецких селах тогда русского почти не знали, - вспоминает Рудольф Егорович. - Сначала пошел работать учеником счетовода в колхоз, потом статистом, бухгалтером МТС. Для того времени это было совсем неплохо. А в сентябре 1941 года, после Указа, который почему-то называют сталинским, в то время, как подписал его председатель Верховного Совета Калинин, нас погрузили в вагоны и отправили в Сибирь.

-Вы считаете, что Сталин ничего о том Указе не знал? - перебиваю я собеседника.

-Теперь считаю, что знал, - отвечает он спокойно. - Но подписывал Указ не он, а Калинин. Здесь нужно быть точным.

Благо, что Сибирь большая. Места хватало всем, откуда бы ни шли эше-

лоны с высланными. Для семьи Мелинг огромная сибирская территория ограничилась небольшим татарским селом Ямбаево в Тюменской области, куда было выслано 57 немецких семей. Но молодые мужчины задержались здесь недолго. 25 января 1942 года их по повесткам военкомата призвали в трудармию. Рудольфу тогда было 20 лет.

боту. На месте сегодняшней городской площади было кладбище. Так вот, в чем состояла наша работа? В том, что утром – копаем, вечером – хороним. А сегодня из всей той бригады остались только двое – я и К.К.Лебзак.

Рудольф Егорович с удивительной точностью констатирует печальную статистику 40-х годов, впрочем, так же

В немецком классе в Поволжье

-Привезли нас на пятый железнодорожный разъезд станции Турьинские Рудники. Железная дорога проходила тогда по сегодняшней улице Фрунзе, - рассказывает Рудольф Егорович. - Только нас высадили с поезда, к нам бросились немцы, привезенные сюда с Украины в 1941 году. Они все просили хлеба. Мы были еще только из дома. Хлеб у нас был. И мы им, конечно, дали. Потом ОЛП (отдельный лагерный пункт), расположенный на месте сегодняшней детской колонии, 15 отряд, бригада из 53 человек. А потом нас определили на ра-

хорошо он помнит даты, имена и фамилии, бесконечный ход событий, череду которых, казалось, невозможно сохранить.

Плотина

Отчего же так случается, что самые красивые места города, любимые жителями, возникают нередко на местах прямо кровавых, свидетельствующих о трагедии народной? Может, потому, что остаются местами памятными, по-

клонными? Не задумываемся мы, конечно, об этом, гуляя по набережной пруда летним вечером, да и у Креста трудармейцам не всегда останавливаемся. Жизнь берет свое. Трагедия уходит в историю. А между тем, плотина Богословского пруда - место в нашем городе, одно из самых значительных. И не только потому, что здесь сотни и тысячи людей жизнь свою положили, но еще и потому, что плотина стала воплощением мужества и стойкости людей, совершивших невозможное во имя великой идеи. Сколько угодно можно сегодня ставить под сомнение саму идею, но нельзя отказать в одном - в ее существовании.

- Три тысячи людей круглосуточно трудились на плотине. День и ночь работали голодные, уставшие, больные, - вспоминает Рудольф Егорович. - Труд весь был ручным. Турья была отведена в сторону по искусственному руслу. Мы работали на самом дне котлована. Землю возили тачками. Был единственный теплопаровой экскаватор, который использовали при работах с бетоном.

Только к весне 1942 года из 53 человек нашей бригады умерло - 30. Со всем немощных определяли в ОПП (отдел профилактики), который мы называли отделом подготовки покойников.

ОПП были во всех лагерях. Трудармейцы называли их по-разному. Но смысл был один: профилактика отождествлялась со смертью. И что могло быть более парадоксального в соседстве ОПП и стахановских бригад? Сегодня ты стахановец, завтра - контингент

ОПП. Рудольф Егорович тоже был в составе стахановской бригады, которую возглавлял Эйхведль Александр Михайлович.

- Вы помните газету «Сталинская стройка»? «Бюллетень» штаба трудосредствования Богословлага? Неужели и правда, измученные трудом и голодом люди давали по несколько норм в смену? Выполняли и перевыполняли планы? Быть может, это просто была пропаганда? - задаю я вопрос, мучающий меня.

- Что пропаганда - это конечно. Но, с другой стороны, мы действительно очень старались. Мы ведь трудились во имя победы! Нам не суждено было воевать на фронте, поэтому мы старались своим трудом приблизить победу. Газету и бюллетень нам читали вслух, и, несомненно, это имело успех. Знаете, как мы ликовали, когда нам зачитывали обращение товарища Сталина к лицам немецкой национальности Базстрою по поводу того, что мы собрали деньги на строительство танков и эскадрильи самолетов!

Здесь же, в музее «Базстрою», мы нашли «Сталинскую стройку» от 18 марта 1943 года. На первой полосе - обращение Сталина. Ниже - информация о митинге трудармейцев.

«Товарищи трудармейцы!

День получения правительственной телеграммы товарища Сталина является для нас днем величайшей радости. Собравшись на митинг, мы с большим волнением и подъемом заслушали текст телеграммы, в которой наш

любимый вождь и учитель, товарищ Сталин, передает вам, строителям-трудармейцам, свой братский привет и благодарность!..»

-Мы верили этому, - продолжает Рудольф Егорович. - Мы все считали, что трагедия каждого из нас - это только ошибка, что Сталин об этом ничего не знает, что все со временем разрешится, а сейчас мы должны работать во имя победы!

Нормировщик

Они верили и тогда, когда попадали в ОПП, когда копали, хоронили и умирали сами. Однако Рудольф Егорович говорит о том, что выжил он благодаря не вере, а хорошим людям, которые так часто встречались ему на пути. Один перевел его из котлована, другой помог стать санитаром в санчасти, третий помог устроиться нормировщиком в технико-нормировочный пункт. Хотя, конечно, были этапы, лесоповалы и корчевка пней. Рудольф Егорович и сегодня, помнит номера кварталов, где находились зоны, комендантские участки и леспромхозы, когда и откуда следовали этапы и сколько километров он прошел по уральской тайге. Пришлось Рудольфу Егоровичу быть грузчиком в Сосновском леспромхозе и нормировщиком в зоне военнопленных, корчевавших лес под Богословский пруд в районе сегодняшнего

Карпинска. Об одной встрече с хорошим человеком он решает рассказать:

-Так в 1943 году нас этапом погнали на сельхоз, сегодня это одно из отделений Богословского совхоза. Весной мы корчевали пни спиленного уже леса. На сельхозе было повольнее, чем в лагере, хотя кормили той же баландой. Как-то мне предложили сторожить поля. Я согласился. Соберу в земле вымерзшую прошлогоднюю картошку, морковку, лист капусты, разведу огонь - вот и суп готов. Как-то вызывают меня обратно в зону. Говорят: «Анфалов тебя зовет». Кто такой Анфалов, я не знал. Но, раз надо идти, значит надо. Вам сегодня не надо рассказывать, кто такой был Анатолий Павлович. А я в ту минуту встретил совсем незнакомого человека. Он был в то время старшим нормировщиком на сельхозе. И спросил, хочу ли я работать рядом с ним. Я согласился. Он говорит: «Пиши заявление». Я пишу «Товарищу Панфалову от... - и т. д.». Он прочитал и говорит: «Не пойдет. Во-первых, я тебе не товарищ, а заключенный. А ты - трудармеец. Во-вторых, моя фамилия Анфалов». У меня очень плохо было с русским языком, - рассказывает Рудольф Егорович.

Анатолий Павлович Анфалов - единственный политзаключенный Богословлага, о котором нам удалось узнать в Краснотурьинске и рассказать на страницах нашей газеты. В городе его знали как прекрасного человека и замечательного специалиста-физика. Те, кто знали его в лагере, отзываются о нем так же.

-Мы работали втроем: я, Анатолий Павлович и Маша, которую мы называли Маруся Максимовна, впоследствии она стала женой Анатолия Павловича. И сказать об этих людях я могу только самое хорошее. Уже тогда Анатолий Павлович говорил со мной о национальном вопросе. Он был уверен, что если бы не существовало национальных республик, а народность жила бы в рамках одной страны, то не возникло бы и репрессий против этого народа. Сегодня, наблюдая за Чечней, я соглашаюсь с ним.

В августе - снова этап в трест «Базстрой». Вопрос стоял так: Рудольф или

Он помнит, как постепенно отступала война, как исчезла «колючка» Богословлага, а на смену ей пришли комендатуры.

- Отмечаться в комендатуре было унижительно, - констатирует он.

Особенно унижительно тем, кто уже был признанным специалистом. Всех руководителей треста помнит Мелинг, потому что в нем он прошел путь от нормировщика, экономиста до начальника планового отдела и заместителя управляющего треста по экономике.

Коллеги по работе его глубоко уважали за феноменальную память, немец-

Маруся? Пошел он, предоставив Маше возможность остаться нормировщицей на сельхозе.

Какие бы этапы в своем развитии трест «Базстрой» ни переживал – исторические, экономические, структурные, Рудольф Егорович был тому свидетель.

кую педантичность и четкость в работе. Его мнение среди специалистов принималось неоспоримо. А его знание дела было проверено богатым опытом и практикой. Чего там греха таить, ведь доставалось строителям всегда. Критиковали их за недостатки в работе, за

низкое качество и упущенные сроки. Не раз на разных заседаниях в области держал ответ Мелинг. Душой не кривил, не изворачивался. Проблемы строителей знал глубоко, ответить мог точно, а поэтому голову никогда ни перед кем низко не опускал.

Город строился и развивался...

А потом трест переживал не лучшие времена перестроечной реорганизации. И уже ученики Мелинга возглавляли отделы, а он по-прежнему, был рядом, как надежный помощник и профессионал: «К нему можно всегда обратиться за советом, феноменальный специалист», - говорят о нем.

Сегодня Рудольф Егорович – дома.

Четырежды дед и шесть раз прадед. Ему есть что оставить внукам в наследство - город, построенный им.

Рудольф Егорович с семьей, 60-е годы

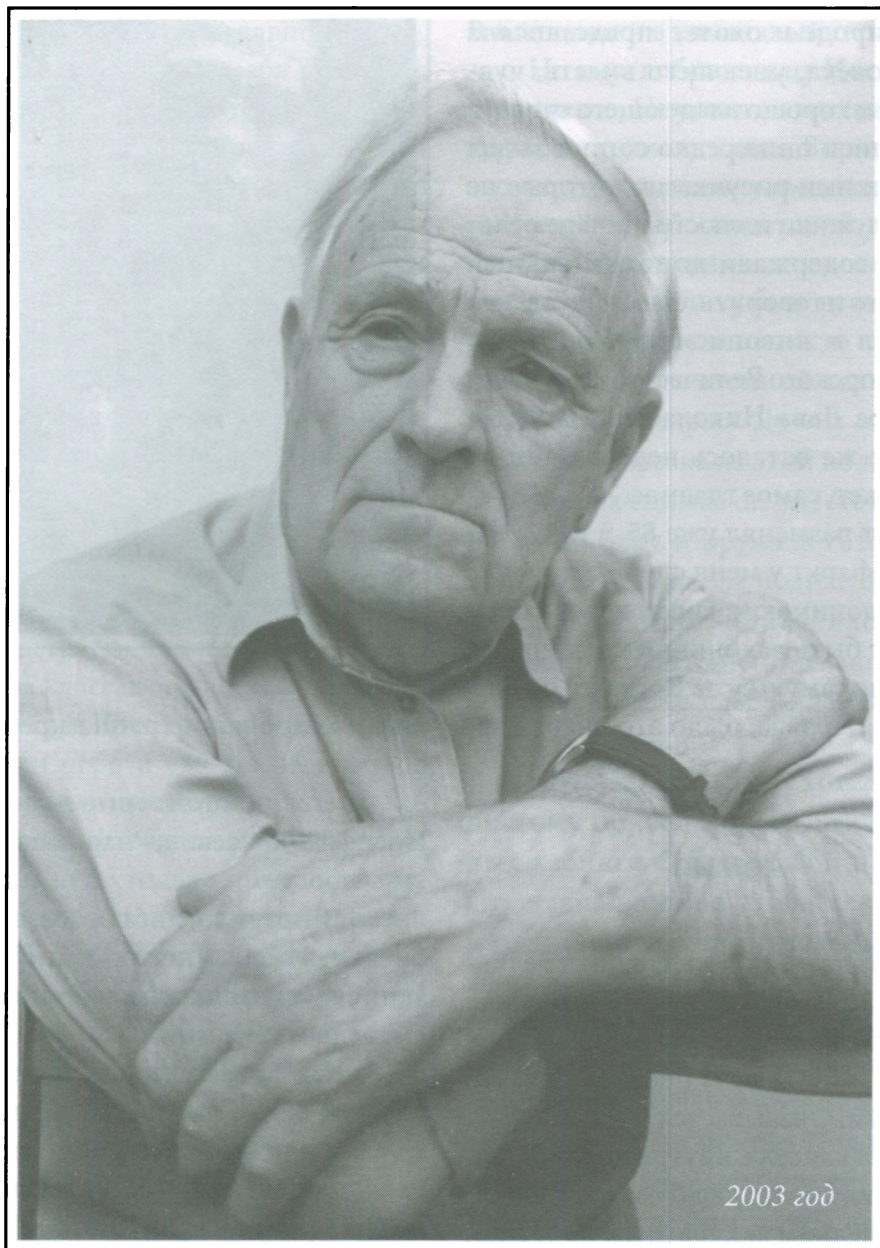
2003 год

	УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ СТРОИТЕЛЕЙ КРАСНОТУРЫЙНСКА Рудольф Егорович МЕЛИНГ
<p>Рудольф Егорович МЕЛИНГ с 1941 по 1988 гг. работал в системе треста «БАЗ-строй».</p> <p>Свою трудовую деятельность Р.Е. Мелинг начал в гвардии НКВД «БАЗстрой» в 1941 году работал на строительстве плотина, затем нормировщиком.</p> <p>После окончания вечернего строительного отделения Краснотурьинского техникума работал в должности начальника планового отдела, был ведущим экономистом, заместителем Управляющего трестом по экономике.</p> <p>Будучи грамотным и ответственным</p>	<p>специалистом, Рудольф Егорович долгое время был наставником молодежи.</p> <p>Р.Е. Мелинг награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», орденом «Знак Почета», удостоен звания Заслуженного строителя РСФСР, Почетного гражданина г. Краснотурьинска.</p> <p>Светлая память о Рудольфе Егоровиче Мелинге навсегда сохранится в памяти строителей.</p> <p>Президент ООО «СтройБАЗ», Совет ветеранов.</p>

Он не дожидаясь презентации первой книги «За колючей проволокой Урала». Некролог, помещенный в газете «Алюминщик», начинался так «Ушел из жизни один из первых строителей Краснотурьинска...» и впервые официально было сказано, что свою трудовую деятельность он начал в Богословлаге НКВД.

Шел 2004 год.

Служу Советскому Союзу!

Солдат Иосиф Кесслер

Я предполагала, что мы должны когда-нибудь встретиться. Читая в городских газетах материалы Иосифа Николаевича Кесслера о войне, о лагере трудармейцев, об уральской природе и охоте, представляла себе человека, умеющего видеть, чувствовать и хорошо владеющего словом. Свои записи он нередко сопровождал графическими рисунками, которые не только служили иллюстрациями к слову, но и содержали дополнительный смысл. Что и говорить, еще в детстве его наставлял в живописи художник Егор Императорского Величества, родственник графа Льва Николаевича Толстого. И все же осталось недосказанным быть может, самое главное.

– Вот разменял уже 85-й год, а недавно инфаркт у меня случился.

И я понимаю: значит, надо успеть. Он умеет быть лаконичным и точным, определяя самую суть. Когда-то он был военным. Правда, было это очень давно.

Армия

– Вот это моя самая ценная реликвия – настоящий солдатский медальон. Видели когда-нибудь такой?

Нет, не видела. И представляла совсем иным. Оказывается простая пластмассовая капсула, внутри которой пожелтевшая тоненькая бумажка, заполненная мелким аккуратным почерком в 1940 году. Все основные данные: имя, фамилия, дата и место рождения, пос-

ледняя строчка – группа крови. А на обороте...

м Это не стоит читать, - говорит Иосиф Николаевич, - написано в минуты слабости.

Как правило, писали все, на случай смерти. И для многих погибших эта записка оказалась последним предсмертным письмом.

– Как же вам удалось сохранить медальон? Ведь были и ссылка, и лагерь.

Он молчит. И это молчание придает еще большую ценность медальону. А потом продолжает:

– Перед выселением я не успел получить военный билет в военкомате,

только написанное от руки удостоверение личности. Это был единственный мой документ на протяжении нескольких лет, потом и его порвал лагерный охранник. Военную инвалидность удалось получить совсем недавно.

Он хотел ощущать себя военным, а не заключенным. Поэтому о первых днях войны – тяжелых, повергших военных в панику, он говорит спокойно и достойно. Не потому, что все было легко, а вовсе наоборот: в те самые трудные первые дни был он на передовой и храбро сражался, как подобало солдату во все времена. О своем немецком происхождении в те минуты он даже не думал.

Родился Иосиф в 1919 году в Саратове, получил образование, десять классов, довольно солидное по тем временам. В его немецкой семье, где было шестеро детей, говорили все по-русски. В старших классах он увлекся парашютным спортом. Крепкого, высокого парня манили небо и высота. И сейчас с особым уважением он поглаживает кокарду летной фуражки и значок парашютиста. Он не только прыгал с парашютом, но и летал на параплане, возил почту на У-2. Он мечтал летать и дальше. Но помешала финская война.

– Меня вызвали в военкомат, – вспоминает Иосиф Николаевич, – и спросили, будешь ли защищать родину? Я, конечно, ответил: «Да!» Тогда мне дали заготовленные заранее бланки, где значилось, что я добровольцем иду на фронт. Финская война запомнилась ему «кукушками».

– Слышали вы о них что-нибудь? Я отрицательно качаю головой.

– Это снайперы. Очень хорошо обученные, отлично оснащенные. Прятались они по деревьям и стреляли без промаха. В основном – в командный состав.

Но ему, добровольцу Иосифу Кесслеру везло. Не успел он вступить в бой, как война закончилась. Впрочем, и об этом он тогда не задумывался. Просто выполнял свой солдатский долг, что считал обязательным для военного человека. А поскольку был грамотным и уже тогда владел словом, то его избрали редактором стенной газеты полкшколы «За кадры». До сих пор у него хранится вырезка из этой полковой газеты, где на снимке он вместе с товарищами по перу и оружию готовит свежий номер. В школе подготовки военных командиров пригодилось и его умение рисовать. Ленинская комната, оформленная Кесслером, заняла первое место в дивизии.

Но он по-прежнему хотел летать, а поэтому обивал пороги начальственных кабинетов с просьбой направить его в авиационное училище. И не понимал причины отказа, пока ему открыто не сказали. А он впервые узнал, что он немец по национальности. Нет, конечно, он указывал в анкетах место рождения АСРНИ, Автономная Советская Республика немцев Поволжья, но никак не предполагал, что это название имеет больший смысл, чем любое другое и, тем более, что оно коренным образом изменит его судьбу. Но он оста-

вался военным человеком, а поэтому приказ и дисциплину чтит выше всего.

А потом наступила Великая Отечественная война. Иосиф встретил ее на передовой.

– Наш 307 стрелковый полк 61 дивизии перебросили в Белоруссию, - рассказывает Иосиф Николаевич. – Что творилось в первые дни войны, вам трудно представить. Все фильмы, которые мы видели с экранов, об этих днях, многого не отражают. Был хаос, была паника. Создавалось впечатление, что никто не понимает, что происходит вокруг и какими должны быть действия нашей армии. Мы шли вперед под артобстрелы и бомбежки. Навстречу нам – беженцы, разрозненные бойцы, оборудия. Все перемешалось. Сведения о противнике были неточными или отсутствовали вообще. Связи с соседями не было. Иногда мы совершенно неожиданно попадали в окружение, отступали, снова куда-то шли. Под Бобруйском решили задержать врага, стали окапываться. Почва – сплошной песок. Копать легко. Но артобстрел не прекращается...

Иосиф Николаевич внешне спокоен. Иногда переводит дыхание. Иногда делает паузу. И тогда угадывается внутреннее волнение солдата, не привыкшего поддаваться эмоциям. В его некогда могучей фигуре, в умении держать себя, виден сильный характер, воля, которой человек может подчинить себя даже в самой трудной ситуации.

– Мы окопались, только залегли в

окопы, кругом начали рваться снаряды. Обычно у артиллеристов бывает так: первый – недолет, второй – перелет и только третий снаряд попадает в цель. А тут первый – прямо в наш окоп. Оставшимся в живых, говорят, что снова поступила команда «отходить». От кого эта команда? И была ли она на самом деле или отступали просто потому, что уже некому было окапываться, неизвестно. Меня ранило в ногу. При отступлении нас окружили, спастись удалось немногим. После этого я попал в госпиталь в Казань, а после выписки участвовал в формировании нового полка.

Слушая Иосифа Николаевича, я удивляюсь. Как много он успел в первые месяцы войны! Ведь прожил целую жизнь до того момента, когда узнал об Указе правительства о депортации немцев на восток страны. Смог уцелеть от вражеских снарядов, защищая передовые рубежи, а вернее, выполняя роль живой мишени. Смог почувствовать себя защитником своей страны, той, которая так скоро упрячет его за высокий забор и колючую проволоку. Впрочем, обиды в голосе не чувствуется, наоборот, - сознание того, что выполнил свой долг до конца.

– После госпиталя стали формировать части для фронта. Я был в звании старшего сержанта и в подчинении ко мне попали вчерашние мальчишки. Да еще откуда? Из детской колонии. Бывшие воришки. Видели бы это горе-войско!.. Обмундирования на всех не хва-

тало. Одеты и обуты все вразнобой. Все голодные. А вокруг – хаос. И попали мы с моими мальчишками в ситуацию, когда я, разнимая драку в столовой, сгоряча ударил командира. В тот момент я избежал наказания, но мысль о том, что я ударил старшего по званию, не давала мне покоя, и свербила в мозгах постоянно. Лучше других я понимал, что полагается в армии за такое. Я снова стал проситься на фронт. И моя просьба была удовлетворена.

До отправления состава на фронт оставались считанные минуты. Иосиф, не забывая о случившемся, решил, что самое страшное позади. Он был уверен, что свою вину за проступок, совершенный им в пылу эмоций, он обязательно искупит на фронте. Передовой он не боялся. А вот когда его окликнул у эшелона вестовой, он испытал не то чтобы страх, а скорее обиду, от того, что судьба оказалась к нему несправедлива. Его отзывали в часть. Именно его, Иосифа Николаевича Кесслера. А паровоз уже подавал предупреждающие гудки.

– Слушай, брат, – обратился он к вестовому, – эшелон уже отправляется, давай так: ты меня не нашел, и все.

– Да, не могу я, – взмолился тот, – под личную ответственность приказано тебя доставить.

Состав медленно тронулся. Его сослуживцы уезжали на фронт. А он, верный военному приказу, оставался, еще не зная, что же все-таки произошло.

Откуда-то взялся спирт и он, никогда не выпивавший до сих пор, глотнул из солдатской фляжки. Совершен-

но пьяный и еле стоящий на ногах, но четко соображающий, он предстал перед командиром, заранее зная, что с ним будет теперь.

– Вот говорят, что пьяный ничего не помнит, – слегка усмехается Иосиф Николаевич, – чепуха, я весь разговор помню дословно. Сначала уточнили анкетные данные, после чего зачитали предписание о возвращении меня в тот военкомат, откуда я был призван в армию. Ничего не объясняли. А я ничего не спрашивал. В армии не положено задавать лишних вопросов. Всю дорогу думал: почему? И не находил ответа. Раненая нога, хоть еще и болела, но не могла быть причиной демобилизации в то время, когда фашистские войска наступают по всей линии фронта.

Объяснение ему предоставили в родном Саратове в виде Указа о депортации немцев в Сибирь и Казахстан. До военкомата добраться он не успел. Эшелон, отправляющийся на восток, в глубь страны ждал уже на путях. Он не смог даже получить военный билет, только удостоверение личности, от руки заполненное уполномоченным. Эта бумага на долгие годы стала единственным его удостоверением.

Задумывался ли он, почему это произошло? Он был военным, а в армии приказы не обсуждаются. Чем стал для него этот эшелон, медленно ползущий на восток? Избавлением от возможной смерти или предвестником страшных испытаний, от которых, смерть, порой, воспринималась как избавление.

Шел сентябрь 1941 года.

Сибирь

Состав часто бросали на запасные пути, и ссыльные долгие дни проводили в ожидании. Зеленый свет семафора горел всегда для поездов, спешащих на запад. Туда, где шла война, где каждый день солдаты совершали подвиги, проявляли героизм и отдавали свою жизнь, по сути являясь пушечным мясом.

Иосиф не снимал с себя военную форму, только вместо петлиц остались еле различимые от них следы. Как-то женщины из вагона узнали о том, что на перроне продают конфеты. Но только военным. Попросили Иосифа купить. Состав уже несколько дней стоял без движения. И Иосиф смело отправился к перрону. Но дойти не успел. Оглянулся и понял, что его поезд медленно трогается с места. Со всех ног бросился бежать обратно. А нога-то после ранения еще болит. Зацепиться удалось за поручень последнего вагона. Раненая нога при этом больно ударилась и мешала подтянуться в вагон. Пересилив боль, он все же оказался в вагоне. И тут заметил, что состав догоняет еще один отставший, который варил на костре в котле какую-то пищу. И теперь, не бросая варево, протягивал котелок Иосифу.

– Обжигаясь, я успел схватить котел, – вспоминает Иосиф Николаевич, а мужика уже не смог. Поезд набрал обороты.

...Омская и Тюменская области в те годы были одной территорией.

Ссыльных из состава выгрузили на станции Ялуторовск и повезли на подводах в колхоз. Добирались долго. Близились сумерки. Откуда-то взялся велосипед, и Иосифа попросили быстрее доехать до деревни и предупредить председателя, что ссыльных нужно принять и расквартировать. Он постучался в крайнюю избу, чтобы спросить, где найти председателя. Ему показали. А потом спросили, не видел ли он по дороге ссыльных немцев?

– Я из них и есть, – ответил Иосиф.

На что крестьянин, оглядев его шинель и фуражку, недружелюбно заметил:

– А что же тогда в нашей форме?

Так мир разделился на «наших» и «немцев». По своему происхождению он стал чужим, а в душе никак не мог смириться с тем, что его теперь называют врагом свои.

Ранним утром, как только забрезжил рассвет, Иосиф вместе с другими ссыльными направился к конторе. Сторож на них зашумел:

– Чего в такую рань пришли?

Вместе с солнцем начинали работу в колхозах на Волге. Здесь же бригадир пришел, когда солнце стояло уже высоко.

В Сибири шла уборка. Хлеб вывозили на подводах. Еще по дороге в деревню Иосиф заметил в канаве брошенный автомобиль. Узнал, что бросили его, как неисправный, чинить некому, все механики ушли на фронт. Попросил у бригадира эту машину, отремонтировал, теперь зерно вывозили быст-

рее. В результате чего их колхоз с воинствующим названием «Броневик» занял второе место по хлебозаготовкам.

А зимой 1942 года мужчин немецкой национальности призвали в трудармию.

Северный Урал отличался от Сибири только лютостью морозов, непроходимостью тайги и бесконечными километрами колючей проволоки. Впрочем, все, что находилось за Уралом, живущим по западную сторону гор, представлялось Сибирью. Снежной, холодной, неприветливой. С давних времен Сибирь во всем остальном мире олицетворялась с сылкой и каторгой. ГУЛАГ простер свои границы до Белого моря и северных Уральских гор.

В поселке Турьинские Рудники, как раньше назывался город Краснотурьинск, строился Богословский алюминиевый завод. Богословлаг опутал своей колючей паутиной не только строительную площадку промзоны, но и соцгорода.

– Мы строили соцгород, – вспоминает Иосиф Николаевич. – В зоне трудармейцев было даже труднее, чем в зоне заключенных. У них хоть были тюфяки на нарах, а у нас – вообще ничего. У меня была моя шинель. На ней спал, ею укрывался и ходил в ней на работу... Холод. Голод. Люди умирали десятками каждый день. Я был бригадиром. Чтобы сохранить людей, завел строгое правило: ни в коем случае не менять хлеб на табак. Кто лишался пусть даже нашей жалкой пайки хлеба, несомненно, погибал... Помню, как рыли котло-

ван под фундамент в районе старого клуба металлургов. Был в нашей бригаде мальчишка лет 17-ти по фамилии Браун, воспитанник детского дома, понятно, что с дисциплиной у него было плохо. А десятник был у нас чистый зверь. Я, как бригадир, старался защитить парнишку. А он его жестоко наказывал. Однажды за непослушание оставил его на ночь в котловане. Утром приходим – вокруг снег. Я бросился в котлован, искать его. А он – под снегом. Живой еще. Растирали, отогревали. Отправили в центральную больницу. Там он умер от воспаления легких.

Иосиф Николаевич о зоне говорит с нежеланием. Боль, голод, холод, непомерно тяжелый труд и бесконечные унижения, выпавшие на долю трудармейцев, не многим оставляли шанс на жизнь. Он говорит, что ему повезло. А может быть, и не повезло, потому что в душе он оставался солдатом и даже в зоне выполнял свой долг во имя Победы, как тысячи других, работающих рядом. И всегда, в любой ситуации, при шмоне и на этапе хранил свой солдатский медальон, где на тоненьком листочке с обратной стороны анкетных данных среди прочих слов были написаны и такие: «Да, здравствует, жизнь! Да, здравствует, свобода!» Написав их юным новобранцем, он даже не предполагал, как они окажутся впоследствии многозначны.

– Конечно, я хотел на фронт. Но моя мечта была нереальной. Как-то в зоне появился бывший военный по фамилии Фукс, он не мог смириться со

своей участью и стал готовить группу заговорщиков для побега на фронт. Сначала я хотел примкнуть к ним и тоже готовился к побегу. Все наши стремления были продиктованы единственным желанием – оказаться на передовой.

От своего крайне скудного пайка они откладывали крошки для побега и уже воображали себя не на дне котлована, а идущими в атаку с криком: «Вперед! За Родину!» Но порыв их не был оценен. Иосиф отказался от побега, понимая невозможность его успешного осуществления. А Фукс со своей группой бежал. Но куда могли убежать лишённые документов люди, голодные и оборванные? Железная дорога вся была под контролем, а уральская тайга зимой опасна и непроходима.

– Их поймали, вернули назад, – с горечью рассказывает Иосиф Николаевич, – и поставили на позорное обозрение у лагерных ворот как предателей и беглецов...

Только за то, что они хотели Родину защищать.

Впрочем, что говорить о немцах, происхождением своим провинившихся перед страной. За колючей проволокой Богословлага оказались десятки военачальников – русских, евреев, украинцев, поляков. Работающие в прошлом в зоне вольнонаемные вспоминают их выpravку, ум и благородство. Занимая и на стройке НКВД руководящие должности, они с честью выполняли свой долг, оставаясь и в зоне верными военной присяге. Только здесь ли было

их место, когда враг, мечом и огнем разрушая все на своем пути, продвигался к Волге?!

И жизнь после

Иосифу Николаевичу Кесслеру военным стать уже не пришлось. После окончания войны, и снятия колючей проволоки с зоны трудармейцев, так и остался он строителем. Он строил и город, и алюминиевый завод, и ТЭЦ. Памятником их непосильному труду стала плотина городского пруда, а теперь и мраморный крест перед ней напоминает о многочисленных жертвах.

Иосиф Николаевич проработал в нормативно-исследовательской стан-

ции строительного треста 36 лет. В 1956 году он был в числе тех, кто составил первый выпуск Краснотурьинского

строительного техникума. Он был рационализатором и изобретателем. Его авторское свидетельство зарегистрировано в Государственном реестре изобретений СССР 2 января 1957 года. Тогда же Иосиф Николаевич награжден серебряной медалью ВДНХ, которая и

по сей день бережно хранится у него. Он объехал более ста городов и поселков Советского Союза, где внедряли передовой опыт строители. Вместе со своей женой, Шаталиной Анной Яковлевной, вырастил троих детей. Написал много воспоминаний и замечательных рассказов.

Передо мной на столе его семейные реликвии. А я сжимаю в руке настоящий солдатский медальон.

2003 год

...Он хотел успеть еще многое. Последний раз мы с ним встречались, когда вычитывали этот материал для газетного номера. Думали о том, как издать его рассказы и рисунки. А накануне очередной годовщины депортации немцев Поволжья и выхода очерка в газете Иосиф Николаевич умер от сердечного приступа. Но остался жить в памяти друзей, родных, близких. Журналист городской газеты «Заря Урала» Александр Никишов посвятил памяти Иосифа Николаевича реквием «Свет погасшей звезды», очень точно передав боль тех, кто знал и любил его.

Свет погасшей звезды

Он появился неожиданно и властно, приковав к себе внимание миллионов землян. Утверждают, что Марс приблизился к нам впервые за многие десятки тысяч лет. Не успел увидеть космического пришельца Иосиф Николаевич КЕССЛЕР - яркая и чистая звезда его жизни вспыхнула и затянулась черной вуалью.

Но она не померкла, не сгнула во вселенском мраке. На девятый день, когда душа его явилась на второе поклонение Господу, звездочка замерцала и засветилась даже в присутствии сверкающего Марса.

После 30-дневного прохождения мрачной области мытарств, душа усопшего вновь предстала перед Творцом. И на 40-й день вершился частный суд, чтобы по заслугам души определить ей место пребывания.

Гляньте, кто знал и замечал прежде эту звездочку среди сонмища мерцающих тел – вон она поблескивает в вышине, излучая последнюю энергию. И все еще, себя не истратив...

Со дня появления на свет Иосифа Николаевича Кесслера в далеком июне 1919 года (подумать только: еще были живы Ленин и Сталин, Пири, Нансен и Амундсен, Есенин, Рахманинов и Шаляпин!) его звезда не раз и не два могла погаснуть. Но она вела свое материаль-

ное воплощение на Земле – через бури, невзгоды, испытания.

И тогда, когда он, мальчишкой, спасал на реке соседскую корову, борясь с холодным течением и тяжелыми льдинами. Едва не утонул, а потом тяжело болел. Когда 14-летним подростком его чуть не сбросило штормовым ветром с опоры строящегося моста на Волге. В разыгравшееся ненастье их послали накрыть залитую бетоном опалубку, и он чудом удержался одной рукой за край брезента, под которым зияла пропасть с гранитной поверхностью льда. А будучи молодым пилотом, он не растерялся в бензохранилище Энгельсского аэроклуба при утечке горючего и спас человека, рискуя сам задохнуться и погибнуть.

Его звезда горела и на передовой в первые страшные дни войны. Грудь младшего командира Рабоче-Крестьянской Красной Армии Кесслера была открыта свинцовому шквалу, но надо же – судьба лишь раз увела его в госпиталь.

Высветив чудовищный архипелаг ГУЛАГ, и всего один его островок – «Богословлаг», звезда спасла свою земную ипостась – горела в углях согревающих костров, на кончиках самокруток, в барачных фитилях и, наконец, в праздничном салюте Победы.

Даже когда «отец народов» и будущий генералиссимус поднял советских немцев с насиженных мест и разбросал по просторам одной шестой части планеты, звезда осветила ему путь к родителям. Он разыскал их и навестил в 1946 году в алтайском Славгороде.

Преподаватель немецкого языка в средней школе, бригадир, слесарь, механик, техник нормативно-исследовательской станции (НИС), старший инженер и начальник (в течение 30 лет) НИС.

А еще – прекрасный лыжник, заядлый турист, отличный фотограф, самобытный пейзажист и увлекательный рас-

«Кто не блаженствовал, лежа на спине на мягкой траве залитой солнцем поляны, глядя в бездонное голубое небо?» Соглашусь с автором, что надо было родиться, прийти в этот мир, чтобы пропустить через себя связующую нить земли с небесами.

«Лесные дебри молчат суровым спокойствием силы». Вам это незнакомо? Обязательно наведайтесь в тайгу - и вы сумеете разгадать свою земную сущность и напоить себя силой.

«Жив ли мой старый друг-кедр, в тени которого я любил отдыхать?» Сколько дорогих сердцу отметин влек-

сказчик. Вернее – повествователь. Вчитайтесь в его строчки. Каждая – словно целая картина, и не надо ничего домысливать...

ло автора в уральские горы и тайгу! А у вас, читатель, есть заветные уголки на природе - свое дерево, камень, ручей?

«Держайте, друзья!» - призывал Иосиф Николаевич в рассказе «Чудо природы».

«Ночью мы лежали на спине и смотрели в темное, полное звезд небо,

поватый волчонок с тоненьким хвостиком. Он уткнулся в вывалившийся из пасти материнский язык, лизнул его раз-другой и пополз дальше к груди». Смерть любого существа вызывала в

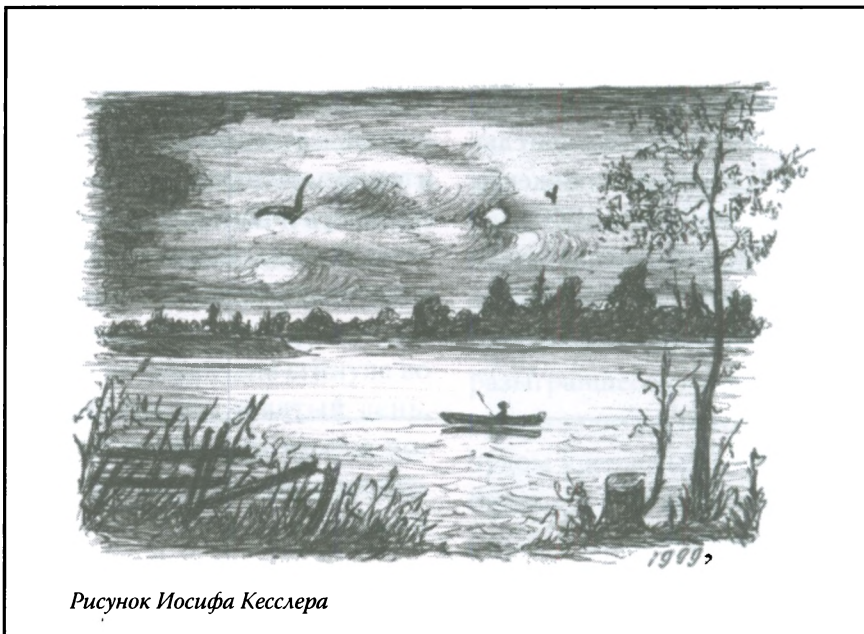

Рисунок Иосифа Кесслера

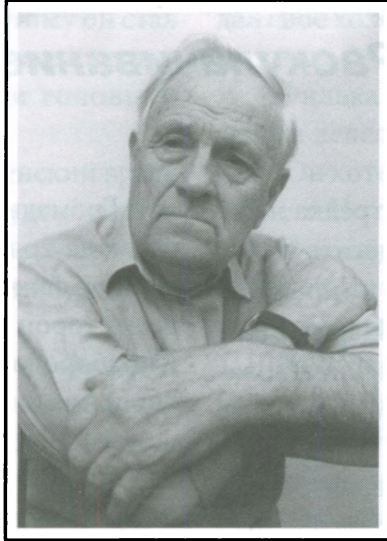
а они словно играли с нами в прятки, то, исчезая, то снова появляясь». Все так и есть. Вы можете сами убедиться в игре ночного мироздания. Только не пробуйте - в черте города, выбирайтесь на чистый воздух - в таежную даль, а еще лучше - в горы, как делал автор.

«Крупная блестящая слеза застыла в ее глазу. На последнее издыхание матери вылез из ямы маленький подсле-

нем протест. Даже в случаях, когда жизни лишался опасный хищник.

Верный друг нашей редакции до последнего дня, Иосиф Николаевич не успел высказаться и поделиться всем пережитым. Свидетельством тому – еще неопубликованная рукопись и пейзажи родной природы.

Александр Никишов
«Заря Урала», октябрь 2003 г.

Я смотрю на портрет Иосифа Николаевича и слышу его живой голос: неторопливый, взвешивающий каждое слово. И вспоминаю то ощущение благородства, которое исходило от этого человека. Он был личностью, через десятилетия нелегкой жизни пронесшей утонченность художника и выправку офицера, дворянскую честь и мудрость старца.

Это его последний портрет. Кажется, что он только сейчас отложил авторучку, окончив один из своих последних рассказов, быть может, связанных с воспоминаниями о Богословлаге. Иначе откуда такая боль, такая мука во взгляде?

Я обещала Иосифу Николаевичу помочь в издании его журналистских работ. Пока не в полной мере, но я постаралась выполнить свой долг.

Раскулачивание

День набирал силу, стрелка на часах едва миновала десять часов. Мартовское небо покрывало мир синевой и чистотой. Царило безветрие. Солнечные лучи торжествовали в борьбе со снегом, образуя первые проталины.

По крыше ветхого сарая бегали двое ребятишек: они пытались запустить воздушного змея. Но где там! Длинный тяжелый тряпичный хвост все время зацеплялся, да и ветра не было.

По железнодорожной станции, напрямую в сторону Саратова, прогрохотал длинный состав из двухосных красных вагонов, видимо, порожняк. Из разбитой калитки, лишенной двух досок, стоял, широко расставив ноги, огромный человек. Он был без головного убора, лохматый и небритый, к тому же неряшливо одет. Из-под старого ватника виднелась нательная рубаша. Широкие штаны щедро покрывали заплаты, а ноги покоились в валенках с загнутыми носками.

Человек часто зевал, почесывая свою волосатую грудь и незлобиво ворчал на мальчишек:

– Крышу-то ненароком проломите...

На дальнем конце улицы появился Иван Сидорович, проворный мужи-

чок. Громадный человек Филя достал из кармана тряпицу, в которую была завернута свиная шкварка, осмотрел ее со всех сторон и стал натирать себе губы и подбородок. Подошедшего Ивана Сидоровича он спросил:

– Куда ты так спешишь? Аль, где что приключилось?

– Нечего мне с тобой болтать, ты, видно, только встал.

– Ты угадал. Счас я сала наелся – аж, трудно дышать, - и сделал при этом глубокий выдох. – Вишь, вон морда до сих пор лоснится.

– Да ладно тебе брехать. Люди вон уже наробились, а ты только встал.

Филя не любил быть бедным, вот и на людях показывал свою сытость, Из пяти десятин земли, которые были наделены его семье, три он продал, а две остальные заросли бурьяном. Филя не любил работать, из-за этого семья всегда сильно голодала. Кроме этого, он любил фантазировать или попросту врать. Особенно он травил женщин.

То пустит слух, что каждой бабе по новому закону полагается два мужика. То раззвонит, что на станции оставлен вагон со спиртом и каждому, кто принесет начальнику станции десяток яиц, дадут ведро спирта. Кончалось тем, что станционное начальство не знало, куда деть эту прорву яиц.

Со слов Фили, у лысого агронома вырос на голове палец, поэтому он стал носить шляпу. После чего многие пытались сорвать с бедняги головной убор.

Однажды, когда деревенский враль стремительно шел к Верке, его настигла дрожка с районным начальством.

– Филя, соври нам что-нибудь, - обратились к нему.

– Некогда мне, спешу за мешком. Верхнюю дамбу прорвало, и там видимо-невидимо рыбы дохлой, - и побежал прочь.

Те переглянулись: а что, может, и правда? И помчались туда, за 15 верст. Сконфуженные, они возвращались обратно и проклинали Фильку.

что семья сидит голодом. Егор распродал свое хозяйство и подался неизвестно куда.

Филька поставил мешок с мукой в сени и велел Марии, жене его, не трогать. Он хотел оставить его на весенние работы. Но семья голодала и требовала еды. Пустой ларь неоднократно подмечтался, и из собранной пыли варили клейкую темную массу.

Ванятка, самый маленький из троих детей, страдал рахитом. Большая голова и раздутый живот, при тоненьких ручках и ножках, делали ребенка страшным. Он целыми днями следовал за матерью, держась за подол юбки, и все время просил есть. Мария, худая, плоская, как доска, с проседью в волосах и

Перед отъездом свояк Егор, с которым он часто не ладил из-за своей лени, дал Филе пуд ржаной муки, зная,

молчаливая, не раз подбиралась к мешку, но, опасаясь крутого нрава Фильки, отходила прочь.

Но когда голова у нее стала кружиться беспрерывно, она тщательно осмотрела мешок и его завязку. И решилась. Аккуратно развязала мешок, взяла миску муки и точь-в-точь, ничего не нарушая, завязала обратно. Филя каждый день оглядывал мешок и ничего не замечал. А Мария варила из этой муки детям затируху. Сам хозяин похаживал к одинокой торговке Верке и там, видимо, угощался.

Однажды Фильку вызвали в сельсовет и предложили, как бедняку, участвовать в комиссии по раскулачиванию зажиточных крестьян. Филя с превеликим удовольствием согласился. А вот беспутная Люська, славившаяся дурной репутацией, не сразу ответила согласием. Она потребовала красную косынку, а ее у сельской власти не оказалось. Поэтому она приступила к обязанностям на два дня позднее, надев на голову красную тряпку, привезенную из райцентра.

В работу комиссии Филя включился азартно. Его величали теперь Филимоном Ивановичем. Вскоре он стал грозой всего пристанционного поселка. При реквизиции он обшаривал все углы, чердаки, погреба, надворные постройки и изымал абсолютно все. У Евсеевых, семьи из девяти человек, он даже достал из печи большой чугунок с едой и вынес во двор, молвив:

– Сегодня вы можете обойтись без обеда.

Люська была большей частью занята тряпками. То, что не было надето на человека, она считала лишним и откла-

дывала в кучу без всякой описи. Другие члены комиссии занимались реквизицией скота и подворья.

Очередной хозяин сидел на широкой лавке, обхватив голову руками, и молчал, не обращая внимания на ругань и плач домочадцев. У него были всего две лошади и две коровы, таким трудом нажитые. Наемную силу он никогда не держал. Работал сам, и вся семья, и дети его, невзирая на возраст, от зари до зари. И вот всему наступал конец.

Филька гонялся по двору за красным петухом:

– Не оставлю я его вам, кровопийцы! Уж больно он чопорный.

А Вале, сестре Марии, он зло прохрипел: «Вовремя смылся твой Егор, а то я бы пощипал его сейчас».

Сам Филя приоделся, что не узнать. Новый полушубок на нем, шапка с кожаным верхом и черные чесанки на ногах. А Люська в красной косынке вся красная, улыбающаяся, разодетая, как городская дама, толкалась среди мужиков и громко смеялась. Любила без устали повторять:

– Наконец-то наше время настало.

Филимон, бывало, неделями дома не показывался. После очередной реквизиции, как правило, проводилась гулянка. Поселок замирал. Все окна зашторивались, только изредка открывался уголок, и напряженный взгляд следил, в какой двор направлялась комиссия.

Кулаков-то в поселке, по сути, не было. Никто не держал работников. Все, что имелось, было нажито своим тру-

дом и полито собственным потом. Наконец, когда лошадных в поселке уже не стало, Филимон Иванович, уже в роли председателя комиссии, перешел на те семьи, где держали две коровы или корову и нетель и хотя бы одну свинью. Кругом стоял рев и стон. И вдруг его осенила мысль: «А что за птица Котельников? Имеет лошадь и корову. Денежки зарабатывает на железной дороге, а? Давай и его к ногтю! Директиву по количеству раскулаченных надо выполнять».

Он считал себя важным винтиком в государственном механизме и не мог представить, что кто-то мог его послушаться. «Именем революции, советской влас-

В один из дней он получил повестку явиться в железнодорожную прокуратуру. Оттуда вернулся расстроенным и дома сразу кинулся к мешку. Невооруженным глазом было видно, насколько он обмяк. Но никаких следов вскрытия мешка он не обнаружил. Хотя факт был налицо: мешок потерял половину содержимого. Он заскрипел зубами и подозвал Марию:

– Берешь?

– Что ты, Филимон Иванович, Господь с тобой! Ты ведь сам видишь: все, как было.

– Ладно, иди.

Подумав немного, он снял шубу, отпустил штаны и толстым задом сделал

ти вы, как класс кулаков, подлежите раскулачиванию!» - начал он громовым голосом, входя в новый двор. Возражения и доводы в защиту он даже не слушал.

отпечаток на муке, после чего завязал мешок тройным узлом. «Вот теперь я ее поймаю!» – подумал он, потирая руки. Через пару дней он вернулся особенно

злой после вызова в прокуратуру. Едва развязав мешок, издал звериный рык: «Машка, сюда!» Подошла Мария, и он с ходу ударил ее по лицу: «Попалась, сука!» Та стала несмело оправдываться.

– Врешь, стерва! Вижу: печать моя, а вот герб – не мой. Он продолжал ее бить своими кулачищами, пока она не затихла.

На другое утро Мария обнаружила, что Ванятка ночью умер. Из его рта сочилась желто-бурая жидкость. Он лежал, словно вылепленный из воска. Мать вмиг лишилась голоса и без единой слезинки в глазу зарыла тельце старой лопатиной.

Сообщили Филимону, но у того была одна забота – как выполнить предписание прокурора о возвращении отнятого имущества у железнодорожного рабочего. С прокурором шутки плохи – это он понял сразу.

К обеду слегла Мария и больше уже не встала. Вся в синяках и ссадинах, она лежала в гробу, сколоченном из досок

от ближнего сарая. Рядом с ней втиснули тельце младшего сыночка. Заголосила сестра Валя и соседские женщины. Филимон Иванович стоял молча, без движения, как истукан. От него сильно разило перегаром.

Вернуть все награбленное, особенно железнодорожный паек рабочего Котельникова, он не смог. Все было растащено и съедено. Филимоном Ивановичем и непутевой Люськой всерьез занялась прокуратура. Через какое-то время пронесся слух, что его видели в Саратове, в этапе заключенных, отправляемых в Сибирь.

Ликвидация кулачества как класса продолжалась и дальше. Затем последовали репрессии и ссылки, но уже без участия Фильки и ему подобных. Вот такие события, дорогие современники, разворачивались в конце двадцатых - начале тридцатых годов нашего века. Кровавого, страшного столетия, уходящего сейчас на наших глазах в глубины истории.

2001 год

Западный фронт. Первый месяц войны

Группа фашистских мотоциклистов обстреляла нас из пулеметов и внесла переполох. Наше командование было в замешательстве. Затем последовала команда развернуться вправо на 45 градусов и окопаться. Никто толком не знал, откуда следует ожидать врага. Линии фронта как таковой не было. Всю ночь лихорадочно рыли окопы в полный профиль. Собирались остановить врага. Ночью стоял отдаленный гул войны. Ближе к утру пошел мелкий прохладный дождик, и мы вспомнили брошенные скатки шинелей во время маршбросков к передовой. Перед самым восходом солнца он перестал. Солнце встало чистое, словно умытое. Затворы наших новых полуавтоматических десятизарядных винтовок, которые попали под дождь и в песок, заклинило. Их открывали с помощью лопаток. В полевых условиях эти винтовки себя не оправдали. Рассеялась дымка над впереди лежащей низиной и болотом. Кое-кто из бойцов вылез на бруствер окопа, обсохнуть. Вскоре разразилась страшная канонада - слева и справа от нас. Немцы начали артподготовку. В небе появились бомбардировщики. Все бросились обратно, в окопы. Кто-то из бойцов пробежал с пустыми котелками: видимо, за кашей. Мы вторые сутки были на самообеспечении.

Тоненькие хвостики моркови, добытые на усадьбе хутора, слабо заглушали голод. Вдруг раздался крик:

– Первый номер, пулеметчик убит!

– Как? Как убит?!

Ведь не было никакой перестрелки. Иринархов заменил его.

Не прошло и получаса, как снова, теперь уже второй номер, ранен. Кто-то явно охотился за нашим пулеметным гнездом. Наводчик противотанкового орудия по ориентирам Иринархова прямой наводкой поднял в воздух большую болотную кочку вместе со вражеским снайпером. Вскоре на нас обрушился такой шквал огня, что, казалось, бьют сотни стволов. Небо потемнело. Земля застонала и задрожала под ногами. Первые снаряды точно ложились в наши окопы. Огонь был таким плотным, что в считанные минуты превратили нашу оборону в сплошное месиво. От высоких сосен, стоявших за нами на пригорке, остались одни изуродованные стволы. В этом кромешном аду раздалось: «Отходить!». Но отходить было уже почти некому.

Когда я пробирался через завалы деревьев и сплошных воронок, меня тоже ранило осколком. В овине, на краю деревни, на свежескошенной ржи, было много раненых бойцов. Санинструкторы не успевали обрабатывать их раны.

Ближе к вечеру старший политрук, видимо, комиссар медсанбата, объявил, что положение очень тревожное, что противник может появиться в любой момент. Ходячим раненым было предложено уходить немедленно, а тяжело раненных обещал вывезти на машинах. Небольшими группами стали расхо-

диться. Тяжело раненные с грустью смотрели им вслед. Ушел и я с тремя бойцами по болоту в обход деревни. Поздно вечером при пересечении большого шляха нас подобрали наши санитарные машины. Так закончился для меня последний день войны на фронте.

2002 год

Один из нас, который не стрелял...

После выписки из госпиталя я получил направление в 100ый запасной стрелковый полк, дислоцированный в военном лагере «Селика» вблизи г. Пензы. Шел слух, что после излечения всех направляли обратно, в свою воинскую часть. А тут - заминка. Оказывается, был приказ Наркома Оборона срочнотружущих на фронт не отправлять, а использовать для обучения приписного состава.

По прибытии на место, мне было приказано принять взвод из 40 человек «выпускников» детской трудовой колонии, достигших призывного возраста. Компания выглядела разношерстной во всех отношениях. Выделялись рослые щеголи, изысканно одетые и обутые в штиблеты и смотревшие на окружающих свысока.

Но большинство были рвань, просто шпана. И вся одежда у них состояла из трусов и тапочек, у некоторых этот наряд дополнял ватник или малахай. Одни несли чемоданы, другие - мешки, сумки, коробки, а самый жилистый тащил на ремне кованный сундук. Все без исключения выглядели худыми, бледными, хмурыми и были подстрижены под «нулевку».

А вот своим физическим развитием они заметно отличались друг от дру-

га. Среди рослых плечистых едва виднелись такие маленькие и слабенькие, что им никак не дашь 14-15 лет от роду. Казенные харчи не очень-то шли на пользу колонистам, но все они были призваны в армию для одной великой цели – разгрома ненавистного врага. Война шла полным ходом.

Лейтенант, сопровождавший их из военкомата, шутливо заметил:

– Ну, принимай эту шайку. Вот же сволочи, у меня самого часы сперли, прямо с руки. Сорванцы, а профессора в своем деле.

Один бледный мальчик с синим шрамом на лбу протянул лейтенанту его часы:

– Вот, товарищ лейтенант, ваши часы. Вы их, наверное, забыли.

Смущаясь, он покраснел и опустил глаза, а затем добавил:

– Я это на вас в последний раз попробовал.

Это был Ваня с громкой фамилией Воинов.

Лагерь был переполнен людьми в десять, если не в двадцать раз. Не хватало самого элементарного: ложек, кружек, котелков, даже мисок на кухне. Выданные на обед щи взвод хлебал через край эмалированного ведра, кашу ели из бачков самодельными лопатками.

Поэтому многие оставались голодными. Волчий инстинкт – урвать для себя – брал верх.

Не хватало обмундирования. Новобранцы после бани сидели на воздухе в чем мать родила, ожидая подвоза одежды.

В этот день нашему взводу было приказано отправиться в столовую на заготовку обеда для роты. Моросил нудный дождь. Получив щи в ведрах и хлеб, я вновь встал в очередь под дождем за вторым блюдом. Неожиданно подбежавший боец Воинов доложил:

– Товарищ командир! Там дерутся, кидаются хлебом.

Последовав за парнишкой, я увидел безобразную сцену. Оказывается, политрук с подвязанной рукой привел ходячих из медсанбата на обед. Получили пищу, а есть было не из чего. В это время мои пацаны стащили у поваров с задней стороны столовой стопку мисок в надежде разлить в них баланду.

Бывалые фронтовики, увидев миски, бесцеремонно хотели их забрать. Но мои ребята не уступили, и завязалась драка. Над кучей тел витала отборная уголовная брань. Политрук подбадривал своих бойцов:

– Иванов, Иванов, ты их костылем, костылем!

Я по всей форме обратился к политруку и попросил прекратить этот разбой: «Что вы делаете? Вы ведь хлеб втаптываете в грязь!» Но вошедший в раж политрук просто оттолкнул меня. Я вторично козырнул и повторил просьбу, добавив, что они могут взять

миски. Но политрук грубо пихнул меня и послал на три буквы. И тут я не сдержался, ударил его так, что он упал в грязь.

В этот момент мощная рука ухватила меня за ворот и вышвырнула из столовой. Это был капитан Грачев, детина ростом более двух метров, крикнувший мне в лицо:

– Что ты делаешь, сукин сын?! Беги отсюда!

Я и сам понимал, что значит ударить старшего по званию, тем более, получившего ранение во время войны. Узнав же, в чем было дело, он пробурчал: «Жаль, что я не знал этого, а то бы еще ему добавил».

Старшина Левченко, грозный мужик, быстро уладил возникший конфликт. И надо же было такому случиться, что после обеда нашему взводу выдали топоры и пилы для заготовки жердей на шалаши. Мы тронулись в лес.

Под вечер, перед уходом в расположение роты, появился капитан из особого отдела. С ним понуро шагал высокий паренек с перебинтованной кистью. Сквозь бинты просачивалась кровь.

– Этот ваш? – с ходу стал кричать офицер. – Куда вы смотрите? Разбрелись по всему лесу, никакого порядка. Вы знаете, что он сделал? Отрубил себе указательный палец на правой руке.

– Вот глупец, не выдержали нервы, – подумал я.

Отыскали обрубок пальца, и особист увел «саморуба» с собой. В солдатской среде сложилась своя неофици-

альная градация наказаний за разные преступления. Отстал от эшелона при отправке на фронт - трибунал приговаривал к немедленной отправке на передовую с первой маршевой ротой. Отстанешь еще раз – угодишь в штрафной батальон. Ну а на третий раз или в случае самострела саморуба приговорят к высшей мере наказания.

Под эту статью и попал наш Шарфутдинов. Слов нет, дисциплина в армии должна быть, без нее начнется развал.

Сороковым в списке взвода значился Олег Алексеев. Как он рассказывал, сюда попал совершенно случайно. При формировании взвода не хватало одного человека, и ему сказали: становись, парень, в строй. Так он и оказался последним в списке.

– Но не подумайте, я не из колонии, я из Орска, что в Оренбуржье.

Словно в насмешку, его тихий голос тонул в громком лагерном жаргоне.

Алексеев был сутуловат и носил большие очки с очень толстыми стеклами. Причем дужки у них явно превышали необходимую длину, и он ежесекундно поправлял их, тыкая пальцем в переносицу. Этого человека абсолютно не интересовало военное дело, и на фоне других ребят, стремящихся к освоению ратной науки, он выглядел белой вороной. При всеобщем оживлении он умудрялся находиться в стороне и что-то записывать.

Я еще подумал, что он из какой-нибудь секты, чья вера запрещает брать

в руки оружие. Но нет, на его груди был комсомольский значок. Я не раз напоминал ему избитую фразу «не хочешь - заставим, не можешь - научим» и частенько демонстрировал отдельные приемы для лучшего усвоения. Но как только выпадала свободная секунда, он погружался в себя и что-то строчил в блокнот. И я уж решил, что это маменькин сыночек, который пишет ей или девушке ежедневные письма.

Он был необщительным человеком. Не проявлял ни малейшего интереса к материальной части оружия. Его не волновали ни физподготовка, ни стрельба, ни тактические занятия, а его передвижения по-пластунски вызывали смех.

– Такие, как вы, погибают первыми, – назидательно изрекал я.

Естественно, сказывалось его слабое зрение. Все диву давались, как он сумел пройти медицинскую комиссию. В разговоре с глазу на глаз он всегда смотрел, не мигая, куда-то вдаль, мимо моего плеча. Наконец мы получили палатки, обмундирование, прибыл взводный командир младший лейтенант, скороспелка из пехотного училища. Постепенно все приводилось в порядок. Однажды, будучи дежурным по роте, я обходил палатки, чтобы выявить больных и отправить в санчасть. Застал Алексева, лежащего в одежде на нарах с блокнотом в руке. Увидев меня, он медленно встал, поправил гимнастерку, застегнул на ней верхнюю пуговицу и вытянулся по стойке смирно.

– Опять пишете? Ну, как вам еще внушать, что первостепенная задача – это овладение военным делом? Поймите, необученный боец – пушечное мясо. Ваня Воинов и то все упражнения выполняет.

Алексеев потупился и молчал, опустив глаза. Затем выяснилось, что он собрался в санчасть. Когда я уже выходил из палатки, он неожиданно обратился:

– Товарищ старший сержант, хотите почитать?

– Я чужие письма не читаю.

– Это не письма, – и сунул свой блокнот прямо мне в руки. Он стоял и, как мне казалось, испытывал удовольствие от содеянного. Пробежав глазами по строчкам, я почувствовал, как на голове у меня зашевелились волосы.

– Эти стихи вы писали?

– Я.

– Вы кому-нибудь их уже показывали или читали?

– Нет. Вы первый.

– Знаете, вы все гениально описали, с большим талантом, но это – антисоветчина, вы порочите Красную Армию. Если это кто-то увидит, вам, как врагу народа, обеспечено десять лет лагерей.

– А что тут неправда? Все, что я описал, происходило на ваших глазах.

– Но ты забыл, что идет жестокая война, враг напал на нашу страну внезапно, вероломно. Поэтому нет кружек и ложек, они здесь раньше и не нужны были. Сейчас-то ты видишь, что произошли большие изменения.

Я пытался восстановить справедливость, а у самого перед глазами проплывали наши первые дни в армии. Вся та неразбериха, бесправие бойца, никогда не волнующий факт – сыт ли он, плохое обучение, бездарность командиров и т.д. В стихах неумелого рядового Алексеева все это было отражено ярко и точно.

Он рос и воспитывался в музыкальной семье, об армии знал по книгам и кино. И вообще не представлял, сколько сил и пота вкладывается новобранцем в то, чтобы стать физически сильным, ловким бойцом.

Я велел ему собрать все блокноты, листки и при мне сжечь. Алексееву было жаль сжигать отдельные вещи, которые ему самому казались удачными и еще не запомнившимися на память.

– Спору нет, в тебе большой талант. Но когда-нибудь ты поймешь, как ошибался, ой, как ошибался.

Со слезами на глазах он бросал листочки в огонь, пока последний из них не исчез в пламени.

– Давайте лучше займемся вашим зрением.

Пойдемте к медикам. Вы уже были у них?

– Нет. Там всегда такая толкотня. И никто ничему не верит.

Окулист, осмотревший парня, изумился, как он мог попасть в армию с таким зрением. К сожалению, встречаются и у нас в медицине подобные казусы. Алексееву назначили авторитетную медкомиссию, и после многих мы-

тарств мы все же победили. Он был откомиссован из рядов РККА по зрению и отбыл из части на родину.

Мы с ним за это время сильно сдружились, и было очень жаль расставаться. Он, я думаю, многое понял. Так наши дороги разошлись навсегда. Но я уверен в одном, что если он не свихнулся, то из него вышел отличный поэт.

Ваня Воинов был очень старательным бойцом. Его часто видели занимающимся на учебном плацу. Он постоянно выпрашивал лишнюю обойму на стрельбище, и ни одна пуля не уходила в «молоко». Что удивительно, он никогда не хныкал и всегда находился рядом, под рукой. И любил напевать:

– Дунька, гребн сюда,
А она не послушалась,
Где теперь она?

Зачем он ее звал с собой в воровскую шайку, мне было понятно. Но Дунька - кличка это или настоящее имя, я не знал, оказалось, последнее было правдой. Может, Ваня философски пытался разгадать судьбу сестры Дуни, зная, что родственники отдали ее в детдом.

Весь тот день был невыразимо серым, моросил дождь. Дело шло к концу занятий, когда из-за кустов к нам подъехал на коне комбат:

– Противник справа! Всем окопаться, – скомандовал он.

Взвод развернулся и приступил к выполнению задачи. Все начали рыть индивидуальные ячейки. Воинов ловко орудовал лопаткой, рядом копал его друг Мишка Сычев по кличке Сыч.

(Сам Ваня имел воровскую кличку Муха). Вдруг откуда ни возьмись подлетел щеголь Фикс и ударил Ваню чем-то тупым в висок. Не все поняли, что произошло. Ваня осел, но подбежавший Миша успел подхватить его. Из небольшой ранки на правом виске тоненькой струйкой текла кровь. Синий шрамик на лбу стал сильно пульсировать.

– Сюда! – крикнул Сыч.

Все бросились к нему. Ваня лежал на коленях друга бледный, с еле уловимой улыбкой на лице. Кровь сбегала по гимнастерке и, смешиваясь с дождевой водой, становилась розовой и исчезала в песке окопного бруствера. Синий коробок спичек, который Ваня носил за воротом, чтобы при случае заполнить, выпал и под дождем стал фиолетовым.

– В санчасть! – скомандовал младший лейтенант, и Ваню подхватили десятки рук. Выполнение приказа комбата было скомкано.

На второй день стало известно, что Воинов умер. Хоронили его на кладбище в деревне Чемодановка, что в трех верстах от военного лагеря, со всеми воинскими почестями.

Через пару дней я посетил с маленьким букетиком полевых цветов, сорванных по пути, могилу Вани. На душе скребли кошки. На тыльной стороне красной звездочки, прикрепленной к памятнику, кто-то нацарапал гвоздем: «Муха». Сестренка Дуня вряд ли когда узнала, где похоронен ее единственный брат. Их отец был на войне, а мать умерла, когда пацану Ваньке едва исполнилось шесть годков. Не помню, как у меня

в кармане оказался гвоздь восьмидесятка. То ли он был лишним, то ли я забыл забить его в крышку гроба у ног, но долго я не мог с ним расстаться. Он рвал мне карманы брюк, царапал ноги, и я вложил его в конце концов в портативный томик Александра Блока. Эта вещественная память о друге сержанте Василии Кудишкине покоилась в кармане моей гимнастерки. Таким образом, отполированная шляпка гвоздя всегда была на виду.

Пронес я этот гвоздь через Сибирь и Урал и только здесь, в Богословлаге,

в 1943 году при ночном шмоне в бараке отняли Блока, а вместе с ним и гвоздь.

Говорят, человек жив до тех пор, пока кто-то его помнит. Значит, Ваня Воинов еще живой. А Фикс (носивший кличку из-за золотого зуба) был задержан и получил по заслугам. Причина убийства, как потом выяснилось, была в том, что Фикс украл из каптерки старшины солдатское белье, и это видел Воинов. Так ушел из жизни боец Воинов Иван Степанович, не сделавший ни одного выстрела по врагу.

2000 год

Богословлаг: как это было

В конце августа этого года состоялся слет бывших трудармейцев, строивших алюминиевый завод и городе Краснотурьинске в годы Великой Отечественной войны.

Он проводится в последнее время регулярно, и нынче собрал человек 180. Знакомых лиц было очень мало, а иные просто с трудом узнавались. Организатором всех этих дел является Иван Филиппович Вайс, председатель комитета общества «Возрождение». Надо отдать ему должное: было устроено скромное застолье или, как говорят, чаепитие.

Вайс выискал в мрачных кабинетах архива НКВД г. Н. Тагила всех погибших в трудармии Богословлага. Таких он насчитал 3554 человека. Он пытается издать Книгу памяти с указанием Ф. И. О., места рождения, дат рождения и смерти. Многие приходят к нему и пишут, узнают подробности гибели своих родных и близких в Богословлаге в 1941-45 гг.

Он ищет спонсора для издания этой книги. В годы войны здесь работало около 22 тысяч человек. Во время небольшого экскурса Ивана Филипповича в прошлое с быстротой молнии промелькнул в моей памяти момент прибытия в Богословлаг.

В вагоне было темно и очень холодно. Печь-буржуйка давно уже не топились из-за отсутствия дров. На требования о выдаче топлива охрана отвечала отказом. В щель неплотно закрывающейся двери вривалась холодная струя воздуха вперемешку со снегом. Напротив щели образовался сугробик снега, а дальше - наледь мочи, куда обитатели вагона ходили по малой нужде. В вагоне было тихо, никто не разговаривал и почти никто не спал.

Вагоны не были приспособлены для перевозки людей, тем более в зимнее

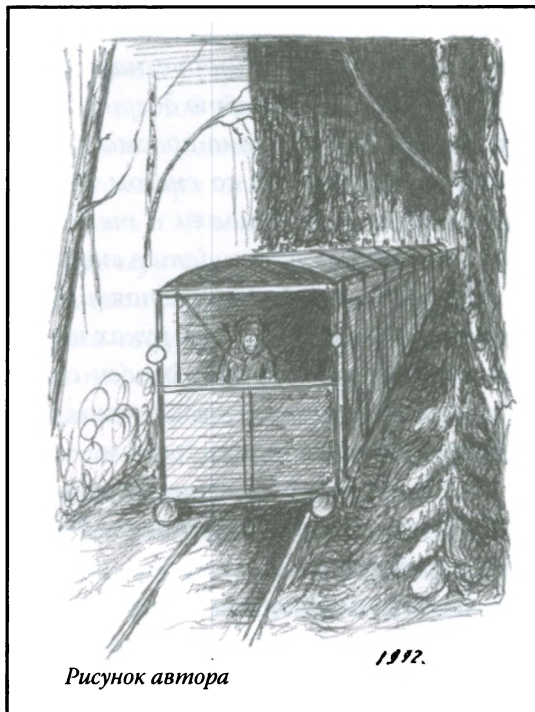

Рисунок автора

1992.

время. Колеса под нами сильно стучали на стыках рельсов и раскачивали вагон из стороны в сторону. Поезд шел уже длительное время без остановки. Старый паровоз с натугой тащил состав строго на север по узкому коридору в тайге. Приближалось утро 3 февраля 1942 года.

В полудреме, прижавшись друг к другу, даже не заметили, как остановился поезд. За стенами вагона был слышен разгул свирепого ветра. Только кто-то попытался открыть дверь вагона, видимо, по нужде, как его остановил грозный окрик: «Вагоны не открывать!» и в дополнение - отборная брань. Скрип снега обнаруживал приближение конвойного.

Прошло, может быть, часа три или более, как донеслись голоса людей и скрип шагов. Вскоре раздалась команда: «Открыть вагоны! Выгружайсь!» Скрежет железа и лязг запоров нарушили стылую тишину. Вместо двери появилось темно-серое пятно проема в вагоне. Ворвался жгучий со снегом ветер. Люди молча нащупывали в темноте свои пожитки и спрыгивали в снег.

Поодаль, в полумраке, стояли люди в полушубках, с оружием в руках и с собаками. Собаки терлись о ноги своих хозяев и скулили, выказывая этим свое недовольство ранним подъемом.

– Становись! По четыре человека против своего вагона! – разнеслось вдоль всего состава.

Подожли какие-то военные люди, что-то кричали, считали, ругались. Стоять на снегу, на сильном ветру и

морозе стало еще холоднее. Прибывшие подняли воротники и глубже натянули свои шапки. Мою шинель мороз пронизывал насквозь. Из-за верхушек сосен тяжело, словно нехотя, поднималась заря.

Наконец раздалась команда: «Пошли!» Военные в полушубках сняли с плеч винтовки, взяли их наперевес и растянулись вдоль колонны. Немного отошли от станции «5-й разъезд», как вдруг снова прозвучала команда «Стоять!»

– Слушай меня, – раздался властный голос, – Во время следования в строю не разговаривать, шаг вправо, шаг влево считается побегом, будем стрелять без предупреждения. Поняли? Пошли.

Каждый тащил свой чемодан, мешок или котомку с запасным бельем и остатками домашней пищи, если таковая еще была. Семья последним делилась с уходящими в трудовую армию. Шли очень долго, глядя только себе под ноги и утопая в глубоком снегу. Поднявшись на ту сторону небольшой заметенной реки, колонна уткнулась в ворота со шлагбаумом и вахтой. «Зона?» - мелькнуло в голове. Все были мобилизованы райвоенкоматами в трудовую армию. Какая тут к черту армия?!

И снова проверка, поименно, по спискам. Встречавшие нас люди почему-то кричали на нас, ругались нецензурными словами и обзывали «фрицами». За что? Разве мы не трудились всю свою жизнь на благо нашей советской Родины? Разве не наши ребята наравне со всеми народами уже успели пролить

свою кровь и даже отдали свои жизни в борьбе с немецким фашизмом? А некоторые были даже удостоены звания Героя Советского Союза. Разве не наши семьи в тылу трудились, не покладая рук на благо победы над врагом? За что такие унижения и оскорбления?

Развели нас по баракам. Срублены они были из мерзлого леса. В помещении горел тусклый свет. Царил полумрак. По обеим сторонам - двухъярусные нары из мерзлых неоструганных, толстых досок. Каждый стремился попасть на верхние нары. В каждой секции стояли по две печи-громадины, в которых чуть тлели сырые дрова. Печи были холодными, как лед.

Все смогли разместиться на этих нарах. Я занял место на верхнем ярусе и улегся по-солдатски, то есть шинель под бока, шинель под голову и шинелью укрылся. Ног своих я не чувствовал, ныло раненое колено. Плотно прижавшись к соседу, я заснул тревожным сном. Что грядущий день нам готовил, никто не знал...

Все это промелькнуло в моей голове, как перед исполнением смертного приговора. Женский хор, исполняющий на немецком языке песню, привел меня в сознание. Сосед по столу положил свою руку мне на плечо и произнес: «Не надо расстраиваться, все было». Видимо, заметил в моих глазах навернувшиеся слезы. Не вытирая их, я отвернулся.

Разлили водку по 50 г. и выпили за тех, кто погиб тогда в советском

концлагере, и за здоровье живущих. Все присутствующие были преклонного возраста, морщинистые, седые, лысые, полуслепые, сгорбленные, некоторые - с третьей ногой, то есть палочкой, и почти все - с тусклым, отрешенным взглядом.

Закусив скудным бутербродом, они, молча один за другим стали подниматься. Кряхтя и выпрямляясь, старики потянулись к выходу. А мне все казалось, что это последний их выход, уже из жизни, которая так жестоко с ними обошлась. На следующий год их станет еще меньше.

Как всегда, в 6 часов утра по бараку раздавался писклявый дневальный: «Подъём!» В бараке было по-прежнему холодно и сыро. В спертom воздухе стоял отвратительный запах грязных, потных мужских тел. Верхние и нижние ярусы нар были плотно забиты людьми. Страшно не хотелось вылезать из-под бушлата, который за ночь все же помогал согреться.

Несмотря на это, почти все разом поднялись. Одни кинулись к печи, куда еще с вечера удавалось пристроить на сушку свои дырявые бахилы, другие доставали свои грязные портянки-тряпки из-под себя, где их сушили на протяжении ночи своим телом. Наматывали их на свои тощие ноги и поверх натягивали чуни.

Чуни изготавливались из корда изношенных автопокрышек. Верхняя часть пришивалась к нижней медной проволокой. Бахилы же представляли собой стеганые из тонкого ватина чулки с дере-

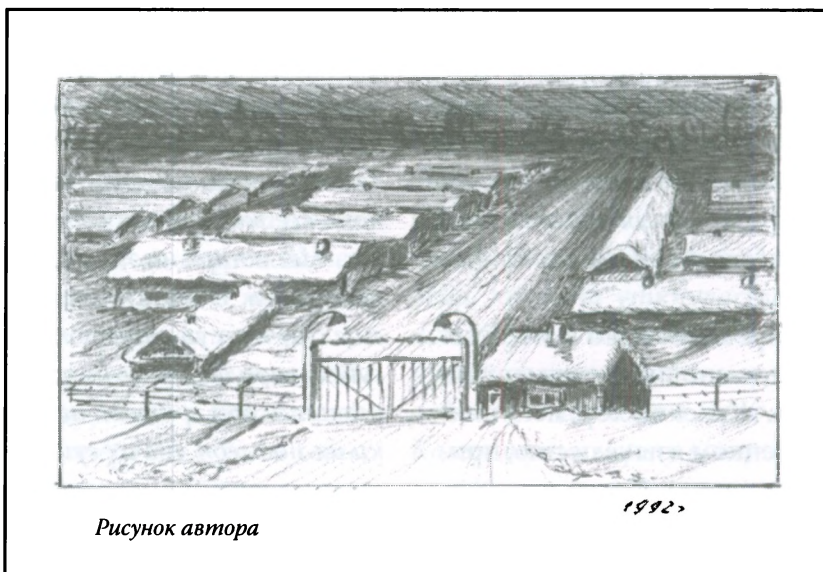
вянной подошвой. Ходить в них было очень тяжело. Чуни были лучше. Почему-то всегда утром выяснялось, что обувь рваная, и человеку не в чем идти на работу.

Стоят крики и брань. Как быстро вошел в способ общения отвратительный лексикон уголовного мира! Кто-то умывался ледяной водой, а кто обходил умывальник стороной. Бригадиры со своими подручными принесли в барак в больших ящиках хлеб, черный, сырой, неизвестно из какой муки выпеченный. Почти к каждой пайке хлеба были припилены довески деревянными колышками.

Часто возникали споры и ругань, доходившие даже до драки, из-за горбуш-

виняли друг друга в том, что один из них якобы снимал довесок с пайки. Они стояли друг против друга, как ненавидящие враги, сжимая кулаки.

Подручным за этот труд доставалось по горстке крошек, собранных со дна ящика. Тут же загремели котелки. Накинув наспех бушлаты и нахлобучив шапки, все бежали в столовую, где уже протянулась длинная очередь за баландой. При входе каждый должен был непременно принять во внутрь густо-зеленую, горькую, сильно пахнущую жидкость - отвар хвои, поданный в черпаке худой рукой доходяги. Хвойный напиток, как называли его медики, должен был спасти нас от свирепствовавшей цинги.

ки. Каждому хотелось ее, но где было взять на всех? Постоянно происходили скандалы между отцом и малолетним сыном Вагнеров. Обезумевшие, они об-

Суп-баланда представлял собой чаще всего прозрачную зеленоватую жидкость, в которой плавали долька зеленого помидора и несколько крупинок

какой-нибудь крупы, обычно – перловой. В другой раз давали рыбный суп с отвратительным запахом, где, кроме нескольких крупинок, плавали рыбная чешуя, плавники или рыбные хребты. Подходя к раздаточному окну, каждый мечтал, чтобы повар опускал черпак поглубже в бак. У раздачи крутились всегдашние, униженно выпрашивая хоть немного баланды.

Одной из самых тяжелых и мучительных проблем оказывалось разделить этот небольшой кусочек хлеба на три доли. Немногим удавалось разрешить подобную задачу. Большинство считали, что, если оставить часть хлеба на обед или ужин, его могут украсть (часто так и случалось). Уж не лучше ли его съесть самим, а в обед и ужин довольствоваться одной баландой?

В бараке было тесно и очень шумно. Богатенькие закуривали. Укутавшись чем только можно, выходили на развод под морозное раннее небо. В опустевшем и остывшем из-за открытой двери бараке оставались те, у кого обувь была совсем непригодна, и больные. Последние лежали, укрывшись бушлатами с головой, и молчали.

Залетевшие вихрем в барак нарядчики и их приспешники быстро расправлялись с невышедшими на работу, их они считали симулянтами. Одних, полуголых, выталкивали на развод, а других сдергивали за ноги на пол, словно полено. Поразительно, но сброшенные с нар не сопротивлялись, не стонали, не

просили пощады, а проявляли полное безразличие к происходящему.

Их отправляли в центральную больницу и ОПП – оздоровительно-профилактический пункт. Эти три буквы бедняги расшифровывали по-своему: отряд постепенно подышающих. Попав туда, они приобретали статус доходяги. После чего их либо активировали и комиссовали, либо они уходили – по меткому выражению – в «могилевскую губернию». Из ОПП редко кто возвращался в строй.

Для лучшего счета бригады выстраивались по пять человек в ряд. Проходивших через предзонник людей строго считали на штуки. Результат записывался на лист фанеры. Предзонником называли пространство между шлагбаумом и воротами, куда вмещалась бригада в 50–60 человек. Затем их выпускали за ворота, где они попадали во власть конвоя.

Часто с правой стороны ворот стояли еле державшиеся на ногах люди – черные, обросшие, окровавленные, в лохмотьях, опустившие глаза и окруженные охраной со злыми овчарками. Они подпирали друг друга, словно стояли у края рва в ожидании залпа. Это были беглецы, совершившие побег из ГУЛАГа. В основном – бывшие военные, демобилизованные из рядов Красной Армии по национальному признаку.

У большинства в карманах гимнастерок лежали партийные или комсомольские билеты. Все были воспитаны компартией в патриотическом духе. Они считали, что лучше умереть на

фронте, сражаясь с фашизмом за Родину, за Сталина, чем сгнить здесь, за колючей проволокой концлагеря.

– Вот, смотрите! Со всеми так будет, кто посмеет бежать! – раздался надсадный голос офицера.

В одной из фигур узнали бывшего майора-артиллериста Фукса. Их показывали нам несколько дней подряд. Потом они были осуждены на 10 лет лагерей как враги народа и переведены в соседнюю зону экзков.

Конвой, как всегда, зловеще произносил одни и те же слова:

– В строю не разговаривать, шаг вправо, шаг влево – стреляем без предупреждения.

Начальник конвоя, старший сержант, был очень жестоким «человеком». Так, под надежной охраной, изгой трогались на трудовые подвиги. Придя на объект, наш бригадир кинулся к котловану, где с прошлого вечера по приказу прораба Ф. Косолапова был оставлен Лео Браун, не выполнивший свое задание. К этому времени вышел приказ начальника Богословлага: невыполнивший дневную норму, не имеет права покидать рабочую зону.

Браун был малолетка, всего 17 лет. Но он отличался строптивостью, непокорностью, непримиримостью к несправедливости и острым языком. Косолапову он не покорялся, всегда огрызнулся и был ему как кость в горле.

Небольшой котлован, который Лева должен был докопать до проектной отметки, оказался наполовину занесенным снегом. Бригадир разрыл в углу

бугорок снега и вытащил за рваный кожух ни на что непохожее существо. Лева открыл глаза - живой! - но на ногах не стоял. Отпоили его кипятком, немного подкормили и отправили в ОПП. Вскоре прошел слух, что Браун умер. Так была загублена молодая жизнь. О нем вряд ли кто вспоминал или проливал слезы, так как он был сиротой и воспитывался в детдоме.

Расставили рабочих по местам: кого на землю, кого - на кантовку бревен, кого на рубку стен. Косолапов носился по объектам, словно ястреб. Браунился самыми последними словами, раздавал пинки и подзатыльники. Разведенные для обогрева закоченевших рук костры он разбрасывал и затаптывал.

Часам к одиннадцати высыпали из рядом стоявшего здания военные в рваных шинелях разных родов войск, грязные и обросшие. Это бывшие военнопленные, бойцы Красной Армии, впоследствии репатрированные и привезенные сюда этапом в проверочный лагерь. Здесь кому-то выпадало счастье вернуться в строй, в армию Рокоссовского, а кому-то – 10 лет как изменнику Родины и в лагерь ГУЛАГа.

Капитан-сидист с луженой глоткой построил свой отряд и потребовал у нас острый топор. Взяв топор в руки, он скомандовал правофланговому, заросшему густой щетиной человеку в длинной кавалерийской шинели:

– Раздевайся! Раздевайся, я сказал, сука!

Весь строй военнопленных затаил дыхание. Нетрудно было представить

состояние бедолаги. Он медленно стал снимать шинель. Капитан вырвал ее из рук, бросил на бревно и топором обрубил полы почти по поясу.

– Одевайся! Так-то лучше. Вы должны отличаться от военных.

Все едва перевели дух, как начальник конвоя кинулся к шеренге бывших красноармейцев и выволок из нее человека. Ударом он сбил его с ног и начал пинать, выкрикивая: «Сука, падла, предатель...» Лежащий прикрывал голову руками и повторял: «Алеша, не надо, не надо... «Оказалось, начальник конвоя узнал среди «врагов» своего родного брата Василия.

Сцена происходила при попустительстве капитана. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не вмешался наш начальник участка Андрей Андреевич Кузнецов. Он с силой отшвырнул вошедшего в раж старшего сержанта. Тот в ярости схватился за кобуру, но трудармейцы встали плотной стеной со своими орудиями труда, кто с лопатой, кто с топором.

Кузнецов, человек уже в годах, прибыл сюда вместе с оборудованием завода. Потомственный плотник, кораблестроитель из Архангельска, редкой души человек. Он все время повторял нам: «Держитесь, ребята! Вечного ничего не бывает, пройдет время, все перемелется – мука будет».

Как нам стало известно, Андрей Андреевич увидел в нашем бригадире своего племянника. «Как две капли воды похож», – говорил он. Было заметно, что он покровительствовал нашей

бригаде и помогал, чем мог. По закрытым нарядам в ту зиму снега было убрано столько, сколько не было на всем Урале. Если бы не приписки, многих бы в живых не осталось.

Привезли на кляче обед – бочку с баландой. Котелки-баландерки все, как один, были сильно закопченные. Определить, из какого металла они изготовлены, не представлялось возможным. Кто на ходу выпивал так называемый суп через край котелка, а кто, покрыв в него оставленный кусочек хлеба и добавив воды, варил содержимое на костре до темной клейкой жидкости.

Иные садились поодаль, доставали самодельные ложки, за которые когда-то приходилось отдавать полпайки хлеба, и вынимали из-за пазухи завернутый в чистую тряпочку драгоценный кусочек хлеба. Чинно и невозмутимо, понемногу откусывая хлебушек (своя пайка, не ворованная!), ложкой прихлебывали баланду.

А кому-то удавалось выпросить у коновозчика горсть овса, которую они на совковой лопате жарили на костре до темного цвета и с хрустом уплетали за обе щеки. И без того грязные физиономии превращались у них при этом в черные.

Все разместились вокруг костров. Морозец стоял под тридцать. Появились доходяги других бригад, успевшие облазить все помойки и принешие кто картофельные очистки, кто рыбную голову, а кто просто кость. Все это терпеливо жарили на лопатах над костром.

Сегодня день закрытия нарядов. Они закрывались каждые три дня, и от их итогов зависело питание-котел на следующую трехдневку. Норма выработки была трудновыполнимой в этих условиях. Особенно непосильной она оказывалась для людей, ранее не занимавшихся физическим трудом.

К ним относилась бывшая интеллигенция: ученые, преподаватели, студенты, инженеры, работники культуры, госаппарата, учреждений и др. Все они полегли первыми. Голод, холод и одиннадцатичасовая интенсивная работа под непрерывно преследующим «давай-давай!», дополненные пинками сапога, неумолимо вели всех к концу.

Первыми умирали также самые рослые и сильные. Они привыкли работать и есть за двоих. Мизерные нормы питания не могли обеспечить необходимым могучие организмы. На них было особенно страшно смотреть – они изменялись до неузнаваемости.

Под стать начальнику участка А.А. Кузнецову был десятник Павел Павлович Крутиков, сибиряк из города Боготола, затерянного в Красноярском крае. Он уже успел стать инвалидом войны. Наверное, у таких людей не могло быть иной судьбы. Обоих до сих пор вспоминаю добрым словом. Таких были единицы.

Косолапов, невысокого роста человек с узкими неморгающими, простите меня, поросячьими глазами и белыми ресницами. На его лице не проступило ни единой морщинки. Он был жесток и беспощаден. Его все ненавидели.

К концу рабочего дня люди были измотанные, уставшие и укрывались у подветренной стороны здания от жгучего мартовского ветра, который выдувал последнее тепло из ветхой одежды. Уже давно стемнело. Мрачные тучи, гонимые ветром, часто закрывали полнолуние.

Наконец прозвучало: «Шабаш!» Стали собираться бригады из зоны соцгорода в длинную колонну. Снова вокруг – конвойные. Атмосферу ненависти создавал начальник конвоя, он лютовал. Колонна спустилась к реке. Слабых подхватили под руки. По правилам, в зону бригаду не пускали, если не хватало хоть одного человека. Труп “в данном случае сходил за человеко-единицу и спасал живых.

Вспоминается картина, словно всплывшая из загробного мира. Колонна спустилась на чистый, голый лед реки, на котором не задерживалась ни одна снежинка, как раздался злобный окрик начальника конвоя: «Ложись, гады!» Над головами прогремело несколько выстрелов. Несколько сот человек медленно опустилось на лед, отдававший могильным холодом.

Выкурив одну-другую папиросу, он вновь рывкнул: «Встать! Пошли».

Поднявшуюся на другой берег колонну остановили. На льду под холодным бледным светом луны остались более десятка черных точек. Неподвижно лежали те, кто не в силах был подняться.

– Подобрать своих людей, у кого не хватает! – снова кричал начальник конвоя.

Конвоиры, отстоявшие все 12 часов на ветру и морозе, были злы на своего командира и готовы были сами с ним посчитаться. Было большой проблемой послать за лежащими на льду. Никто не хотел идти за ними, ибо сами еле стояли на ногах.

Колонна не двигалась и ждала лежащих. Без них бригады не пускали в зону. Это знали все, даже распростертые на льду, но силы покинули их. Все-таки нашлись те, кто спустился на лед. Притащили кого под руку, а кого - бездыханного - волоком. Нашу бригаду в этот раз трагедия миновала. Чего нельзя было сказать о других. Да и нас самих, что могло ожидать завтра, послезавтра?.. Мы не были хозяевами своей судьбы.

Желанный барак встретил нас как всегда холодом, сыростью и тусклым светом. Большинство сходило, с вахты, напрямик кинулись к столовой за черпаком горячей баланды и колючей овсяной кашей, кому, конечно, полагалось второе блюдо.

В нашей бригаде был заведен порядок: все должны были сидеть за длинным столом и съедать все сами, что было заработано. И не дай бог, если кто-то променивал хоть крошку хлеба на табак. Было очевидно, что табак является наркотиком, что он притупляет ум и даже голод. Поддающихся этому увлечению в бригаде не терпели, ибо они ослабевали, не могли работать, и другие должны были их обрабатывать. Поэтому наша бригада не имела потерь и работала стабильно.

Хотя случалось всякое. Однажды Андрей Кайль с протестом заявил: «Хлеб мой, моим горбом заработанный, и я имею полное право распоряжаться им по своему усмотрению. Бригадир мне не указ». Он обменивал свой хлеб на табак и был вынужден уйти из бригады.

Через месяц он, совсем отощавший, уже доходяга и кандидат в ОПП, пришел в бригаду и слезно просился обратно. Его взяли, и он выжил.

Пристроив по обычаю свою обувь у печи, измотанные, но выполнившие свой долг люди, залезали на нары и укрывались с головой бушлатами. Некоторые пожилые, что-то шептали под ними - видно, молились перед сном и целовали свой нательный крестик или маленький образ - талисман семьи. Другие тут же засыпали.

А один рослый парень с яркими рыжими волосами на голове, бывший рабочий сцены Омского драмтеатра, под бушлатом читал монологи Чацкого или Ленского, а иногда мурлыкал арию из какой-нибудь оперы. Он был страстно влюблен в свой театр и мечтал стать актером. Многие говорили, что он ненормальный, крутя пальцем у виска.

Барак быстро стихал. Только несколько человек, удачно пристроившись у открытой дверцы топившейся печи, грелись и переговаривались. Рыскали по бараку последние «шакалы». Так называли торговцев сигарками, отнимающих жизнь у обезумевших и безвольных людей. Их ненавидели. Даже те, кто пользовался их услугами. Хотя в том

мире всякий способ выживания имел место, в том числе и этот.

Стоило одному закурить, как со всех сторон начало раздаваться:

– Сорок, я двадцать!

Что означало просьбу оставить докурить. Многие, наверное, помнят этот прием.

В числе трудмобилизованных были все слои населения немцев, привезенных более двухсот лет тому назад Екатериной II из Германии на поселение. Они были не только из Автономной Республики немцев Поволжья, но и с Украины, Крыма, Северного Кавказа и Сибири.

Среди них были представители всех профессий и специальностей, начиная от хлеборобов, скотоводов и кончая машиностроителями, сталеварами и учеными в области космонавтики. Многие унаследовали от немецкой нации только фамилии. Те, кто был с Украины, имели ярко выраженный украинский акцент. Иногда с тоской о Родине кто-то тихо пел:

Повий витрэ на Вкраину,
Дэ покинув я дивчину.
Дэ покинув я карий очи,
Повий витрэ за пивночи.

Всем вольнонаемным женщинам строго-настрого запрещалось вступать в связь с трудмобилизованными. Ну а нам за посещение поселка Турьинские Рудники был уготован карцер на 10 суток.

Однажды имел место такой курьезный случай. На комсомольском собрании вольнонаемных работников Базст-

роя из рядов организации исключили юную Лизу за связь с комсомольцем-трудоармейцем Карлом. Смешно, но это был факт. Кстати, эти молодые люди через несколько лет, вопреки всему, создали дружную, крепкую семью.

Наступило время, когда члены партии и комсомольцы были собраны в соответствующие, организации. Вести с фронтов волновали нас не менее других. Освобождение новых наших городов и сел было и для нас праздником. Все вокруг было подчинено одной цели: все для фронта, все для победы!

Стоял мерзкий, хмурый, гнетущий осенний день. Серая непроглядная пелена окутала весь небосвод. Вот уже почти неделю температура воздуха держалась около нуля. Ранний осенний снег медленно таял. Он смешался с землей, образовав хрустящее месиво.

Двое доходяг в рваной одежде и обуви из последних сил тащили на носилках человека. Их путь пролегал с территории объекта до дороги, на которой поджидала повозка, запряженная гнедой клячей. Пострадавшего необходимо было отправить в центральную больницу.

Лежащий на носилках мучительно корчился и стонал от боли. Кровь у него сочилась изо рта и ушей - видимо, сильно ударился головой. Он обхватил ее двумя руками и содрогался всем телом. Говорили, что он не удержался на ногах и упал с обледеневших лесов с высоты трех метров. Доходяги перевели дух и молча поплелись с носилками обратно.

Из-за угла объекта появился никогда не унывающий Андрей Яковлевич. Он шел к участковому складу, у дверей которого бесцельно торчали хозяин склада и он. Подходя к стоявшим, Андрей Яковлевич поднял правую ногу и показал рваный бахил, из которого вместе с грязными лохмотьями ваты торчали посиневшие пальцы, и произнес:

– Смотрите, во что обут советский педагог, – и сам рассмеялся (до войны он учительствовал в своем родном городе). И, обращаясь уже к кладовщику, своему приятелю, продолжил, указывая глазами на пальцы:

– Ты знаешь, я их давно уже не чувствую. Может, они уже не мои?

– Подожди, – ответил тот и вскоре принес из склада латаные-перелатанные резиновые сапоги. – На, переобуйся.

Андрей Яковлевич был безумно рад и обещал до гроба его не забыть, если, конечно, в таком похоронят (ведь тогда предавали земле так, без ничего). Рваные бахилы с деревянными подошвами он бросил за угол. В эту ночь Андрей Яковлевич спал плохо. Спрятав свои сапоги под голову, чтобы не украли, он лежал с открытыми глазами и смотрел на черный от копоти потолок.

Шипели сырые дрова в огромной печи, она почему-то чадила. Едкий дым спирал дыхание, и слезы заливали глаза. У открытой дверцы печи сидели двое и грызли рыбы головы, поджаривая их на огне. Они выбрали их днем на помойке соцгорода. В бараке стояли вонь, хrap, было сыро.

Опять безнадежно, горько, по-детски плакал старик, укрытый с головой бушлатом. Он лежал через человека от меня, потому я отчетливо слышал стоны и просьбы к Богу прибрать его. Андрей Яковлевич натянул глубже шапку, чтобы не слышать этот ноющий плач. Немного согревшись, он наконец уснул.

На другой день после обеда пришли двое (один из них был военный) прямо на работу и забрали его в оперотдел. Ему предъявили антисоветскую агитацию по статье 58, части 10 УПК. В основу обвинения легла фраза о «советском педагоге». Об этом доложил он, то есть стукач. Их в то время было много.

Слабовольных, трусливых вызывали куда надо, обвиняли в антисоветской пропаганде и прямо предлагали сотрудничать. В противном случае угрожали новым сроком на 10 лет и тут же приводили необходимые для этого доказательства. И они соглашались. Сколько невинных людей в те годы получали сроки по их доносам и клевете.

Когда Андрей Яковлевич сидел в ОЧК (оперативно-чекистском отделе), один охранник попросил у него часы – единственную память из родного дома:

– Для чего покойнику часы? Отдай.

Андрей Яковлевич сам снял дрожащей рукой дорогую реликвию и протянул вохровцу. Тот взял часы, не торопясь, рассмотрел, сунул в карман и медленно закрыл за ним железную дверь камеры. Это видел дежурный лейтенант,

но он и пальцем не пошевелил, чтобы одернуть мародера.

Буквально через неделю бывшего учителя доставили в 4-й ОЛП (общий лагерный пункт) с пятилетним сроком заключения по статье 58 УПК как политзаключенного. Здесь Андрей Яковлевич впервые за все время лежал не просто на нарах, а на постели, пусть и плохонькой, и укрывался одеялом. В бараке политзаключенных было чисто, светло и сухо. Вокруг него находились скромные, молчаливые, культурные люди. Да и питание в лагере оказалось получше, чем в отряде.

Благодаря дневальному Осману, большому авторитету преступного мира, удалось искоренить воровство. Можно было пайку хлеба оставить прямо на нарах, и никто ее не трогал. Отдельные ворюжки из уголовных барачков были пойманы людьми Османа и в наказание другим жестоко наказаны. Их клали на спину, выпрямляли им ноги и били по пяткам березовым поленом. Таким образом, говорят, отбивали у них внутренности без каких-либо видимых следов увечий.

Новый упорядоченный режим содержания значительно облегчил жизнь Андрея Яковлевича. На душе у него стало легче и спокойней. Он не раз шутил говорил:

– Выйду отсюда, обязательно разыщу его и отблагодарю за спасение.

Когда Андрей Яковлевич освободился, закончилась война, и народ праздновал великий День Победы. Его бывший отряд был ликвидирован, сняты охра-

на на вышках и колючая проволока по периметру лагеря. Всем трудармейцам было объявлено, что они здесь поселены навечно и будут находиться под строгим надзором комендатуры.

Однажды, когда он жил в хибаре с уже приехавшей к нему семьей, глубокой ночью к нему громко постучали. Гонец передал приказ коменданта немедленно явиться в комендатуру. Сон как рукой сняло. Жена всполошилась: что может означать ночной вызов к главному лицу? Моментально был собран узелок с самым необходимым. На всякий случай.

В комендатуре ярко горел свет. Комендант встретил вызванного посреди кабинета грозным упреком: «Почему так долго?» Пришедший молчал. Начальник минуты три смотрел жестко, пристально на Андрея Яковлевича, не проронив ни слова. Затем подошел к двери соседней комнаты, поворотом ключа открыл дверь.

– Подойди сюда, – раздался повелительный голос. У трудармейца чуть не подкосились ноги. – Иди, иди.

Андрей Яковлевич подошел, когда блюститель закона включил свет, перед ним посреди комнаты был большой ворох кедровых шишек.

– Видишь? Не вручную же мне их шелушить. Придумай какое-нибудь приспособление, ты же механик. Даю срок три дня, понял? А теперь иди домой.

Возвращался он с мелкой дрожью во всем теле. Зачем было тревожить человека среди ночи для такого пустяка?

Кедровые шишки были реквизированы у тех, кто, гонимый голодом, нарушал режим и ходил в лес за орехами.

Шарашку для обработки шишек Андрей Яковлевич принес ему в назначенный срок. Комендант взял приспособление и произнес:

– Все, свободен. Не забудь вечером отметиться!

Так нам всем полагалось в то время, хотя мы и считались вольными людьми.

Трудармейцы Богословлага отдавали свои последние силы на разгром врага. Тяжелый непомерный труд, очень плохое питание и содержание, а также болезни, цинга и особенно незаслуженные унижения и оскорбления делали свое дело. Каждый день на санях вывозили десятки трупов-скелетов.

Хоронили их в общей неглубокой яме, выдолбленной в мерзлой-премерзлой земле. Наша бригада тоже была один день могильщиком по указанию начальника отряда, но без ведома Андрея Андреевича Кузнецова. Не хочу указывать место захоронения, дабы не пугать наших сограждан.

Не полностью засыпанные землей конечности отрубались лопатой и зарывались. Было поразительно, что в ОПП наличествовали не только высохшие скелеты, обтянутые кожей. Некоторые имели голову с налитым желтым цветом лицом, словно головастики, и толстые, как бревна, опухшие ноги. Из лопнувших на них ран сочилась желтая жидкость. Водянку называли. Те и другие уходили в «могилевскую гу-

бернию».

Социалистическое соревнование за звание фронтовой бригады, лозунги – «Все для фронта!», «Что ты сделал для фронта?» и другие, безусловно, влияли на трудовые успехи. Забота о Красной Армии была у нас на первом месте.

Трудмобилизованные «Базстроля» собрали свыше двух миллионов рублей на сборку танков и эскадрильи самолетов. За это они получили братский привет и благодарность от Председателя Государственного Комитета Обороны.

Норму выработки стали выполнять на 200-300 процентов, а токарь механического завода комсомолец Г.Штрассер выполнил ее более чем на тысячу процентов. К праздникам: Новому году, 23 февраля, 1 мая и 7 ноября мы всегда из своей дневной хлебной пайки выделяли по 200 граммов муки с человека, чтобы потом из нее выпекалось печенье и отправлялось на фронт.

Успехи наших войск на фронтах отражались и на нашем положении. Отменили конвой, а позднее, с Победой, сняли и колючую проволоку вокруг отрядов.

В 1946 году, вопреки всему, нас перевели на спецпоселение под комендатуру. Смертность стала снижаться. Но и комендатура подавляла в нас все человеческое по старым методам, словно унижения поднадзорных укрепляли их власть. Пьянея от своего положения, коменданты стремились к тотальному подчинению всей этой огромной массы людей.

Каждый вечер было необходимо отмечаться у коменданта. Многие из них вымогали из бедолаг последнее за получение разрешения поехать к семье или привезти ее сюда. Спецпоселенец не имел права нарушать границы города.

Е. Ремпель имел большую семью, но не имел средств на дачу взятки коменданту, чтобы привезти козу из Карпинска, которую ему подарил брат. Тогда брат привел козу к границе, привязал ее к одному концу длинной веревки, а к другому – камень и перекинул его

коменданта. Тем не менее, шутник был строго наказан.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года были сняты все обвинения, необоснованно и огульно выдвинутые в свое время против советских немцев. Этот шаг одновременно явился признанием честного труда советского немецкого населения в годы Великой Отечественной войны.

За это время многие стали классными специалистами своего дела. Сре-

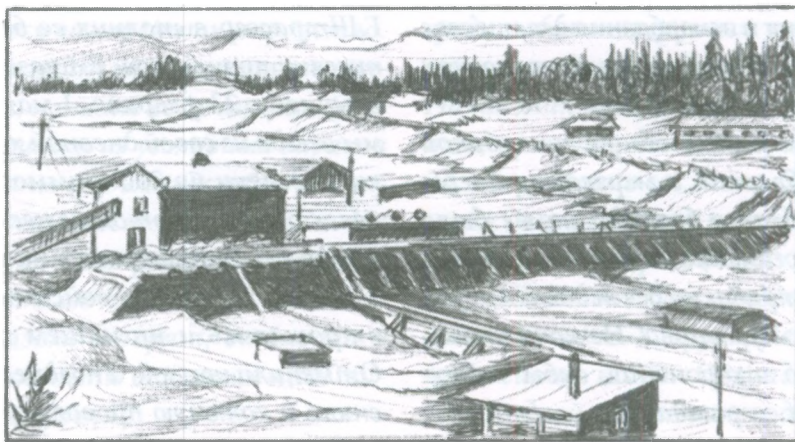

Рисунок автора

через запретную линию. Брат, находившийся по ту сторону, потянул за веревку и привел козу домой к великой радости семьи.

-Ни я, ни брат не нарушали режима спецпоселения, - объяснял он у ко-

ди них особо выделялись: Т.Цейгер, А.Вебер, Ф.Вольф, Я.Люст, Г.Литке, Д.Вагнер, И.Янцен, А.Шваб, Ф.Вернер, К.Элер, Э.Куфельд, Г.Вамбольдт, А.Гейнци, В.Рутц, В.Фосс, Р.Мелинг, С.Лаубе, К.Лебзак.

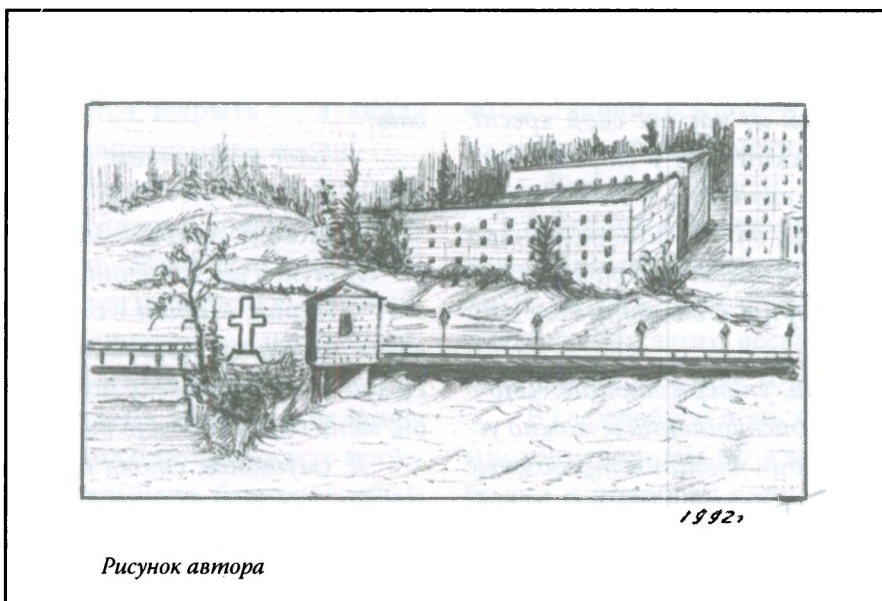
Талантливый Александр Кантлин возводил Дворец металлургов и полукруглое здание горисполкома. Федор Фаренбрух строил главный корпус горбольницы. Умелец Алексей Безель оставил после себя изумительные лепные украшения в квартирах краснотурьинцев, а созданные им фасады домов и интерьеры Дворцов до сих пор радуют наши глаза. Многие трудармейцы вышли в люди, став рационализаторами и изобретателями, участниками ВДНХ.

Все было подчинено скорейшему разгрому немецкого фашизма, а впослед-

конца войны под чужими фамилиями или к своей добавляя русское окончание «-ов» и становились – Венцелов, Шахтов.

Уставшие от мытарств люди часто утверждали: «Как только с нас снимут ограничения – тут же уеду куда глаза глядят, лишь бы подальше от этих проклятых мест». Ан, не тут-то было.

Большинство сердцем и душой прикипели к родному заводу, к БТЭЦ, к городу, которые строили своими руками. Те, что были постарше, вызвали

стви – заживлению нанесенных им ран. Намного позднее стали известны фамилии десяти Героев Советского Союза, помимо выдающихся советских разведчиков Рихарда Зорге и Рудольфа Абея. Многие сражались с фашизмом до

сюда свои семьи. Молодые же влюблялись, женились, создавали семьи и растили детей, внуков.

Одним из страшных объектов того времени, унесшим многие человеческие жизни, была плотина. Утверж-

дение, что она стоит на человеческих костях узников советского концлагеря, полностью соответствует истине.

Да, зуб плотины был крепким орешком. Ему предназначалось стать основной опорой плотины. Скала с высшей категорией твердости разрабатывалась вручную. Люди орудовали клином и кувалдой на большой глубине, стоя в ледяной воде. Когда дело стопо-рилось, применяли взрывные работы. Затем производилось непрерывное бетонирование зуба, донного водоспуска и экрана плотины.

Ценой неисчислимых жертв она была все же пущена в эксплуатацию, и вода небольшой таежной реки Турьи дала жизнь нашему заводу, ТЭЦ и всему городу. Каждый из нас нес свой крест, но самый тяжкий был у строителей плотины. Не случайно очень удачно выбрано место для установки знака памяти. Общий крест из больших глыб мрамора смотрит в сторону большой воды.

Есть люди, утверждающие, что в тихую ночь, прислушавшись, можно услышать из глубин плотины тревожные стоны и беспокойные звуки душ погибших. В особо безветренные моменты этот реквием медленно плывет над гладью пруда.

Пусть услышат его и вечно будут помнить о годах военного лихолетья наши потомки. И еще хотелось бы отрезать отдельных недалеких людей, до сих пор выискивающих среди немцев врагов русского народа. В том, что они родились на свет от русской женщины, их заслуги вообще нет. Как известно, дети родителей не выбирают.

Много-много лет спустя я шел как-то по улице, как вдруг услышал истошный крик: «Бригадир!!!» Меня словно молнией ударило. Я остановился.

Подбегает ко мне мужчина в костюме, при галстуке, в роговых очках. Доверчиво хватая мою руку и трясет ее:

– Здравствуй, бригадир! Не узнаешь?

– Голос мне знаком. А вот лицо не узнаю.

– Я Кайль Андрей! Вспомни!

И тут я его, конечно же, вспомнил.

– Мария, Мария! – он стал подзывать женщину, по-видимому, жену. – Целуй этому человеку ноги! Если бы не он, меня давно не было бы в живых.

Я, смущаясь, стоял и не знал, что сказать. Как тесен человеческий мир! Подобные встречи мог сотворить только Господь, чтобы еще раз убедиться: все это было, было...

1998, 1999, 2002 2000 годы

Рацпредложение

Неожиданно прямо с утреннего развода старший нарядчик отряда Фусс вернул нашу 47-ю бригаду обратно в барак, сказав, что мы выходим на работу в промзону в ночную смену:

– Это приказ начальника строительства, – добавил он.

Стоял февраль 1943 года. Целый день не выходили у меня из головы вопросы: на какой срок нас перевели, на какой объект и на какую работу? От того, как удастся закрыть следующие «котловки», зависела наша жизнь.

В бараке было пустынно, холодно и по-прежнему царил полумрак. Устоявшееся за ночь зловоние от сотен грязных мужских тел не успело выветриться. От подстерегающей нас неизвестности росла тревога ожидания.

После приема вечерней баланды конвой доставил бригаду к вахте промзоны. Давно стемнело, было ветрено и очень холодно. Овчарки скулили у ног конвоиров. На вахте нас нетерпеливо ожидал десятник А. Шмаль.

Объектом оказался цех мокрого размола бокситов. На нем стояли четыре крана-укосины, и работали четыре бригады плотников. Стены возводились по временной схеме из двухкантного бруса в забирку. Это было, по-видимому, обусловлено тем, что не хвата-

ло каменного материала для стен.

Покрытие было тоже очень материалоемким – из древесоплиты. Брус длиной шесть метров сгружался с лесовозов на расстоянии 20–30 метров от подъемных механизмов. Подвозить ближе не позволяли глубокие траншеи и горы мерзлой земли. Здесь нашей бригаде была поставлена задача – обеспечить плотников фронтом работ, то есть доставить брус к кранам.

Под мерзлый брус диаметром 30–40 см становились по 6–8 человек. Один из трудармейцев заметил:

– Тут нам – конец!

В первую ночь мы приложили все силы, чтобы выполнить задание, но нам это не удалось. Было очевидным, что без механизации этого весьма трудоемкого процесса нам просто не справиться.

В следующую ночь я прошелся по многочисленным объектам промплощадки и подобрал один блок с широкой обоймой и кусок стального троса. Было решено подвязать блок к мачте крана на определенной высоте в зависимости от расстояния бруса от крана. При необходимости можно было удлинить трос и подтаскивать брус к крану с помощью рабочей лебедки.

Проверили надежность вант-растяжек крана. Кран-укосина представлял собой мачту из стальной трубы ди-

аметром не менее 200 мм, на вершине которой была шарнирно укреплена стрела с двумя блоками. Тяговое усилие осуществляла однобарабанная фрикционная лебедка грузоподъемностью 1,5 тонны.

Первый брус оказался под краном за считанные минуты. И дело пошло. Одновременно работало только пять человек. Двое подтаскивали трос к штабелю бруса, двое цепляли, его удавкой, а бригадир неотступно стоял у лебедки под небольшим навесом. Из-за сильных морозов рабочие менялись каждые полчаса, а остальные сидели в тепляке и грелись у большой железной печи.

Однажды ночью, когда сильно бушевала непогода, злилась пурга и злобой хохотал мороз, чья-то рука легла мне на плечо. Обернувшись, я разглядел в снежной круговерти начальника работ первого района Монастырского. Мне его раньше показывали.

Увидев очередную партию из трех брусков, перемещенную таким образом, он произнес:

– Здорово придумал, солдат!

(Тогда я был еще в армейской шинели, сохранившейся с фронта)

За успешное выполнение задания кроме максимальной котловки нам по-

лагался переходящий кисет, вручаемый лучшей фронтовой бригаде. Этот красный бархатный кисет содержал в себе 25 пачек махорки. Правда, пока кисет доходил до бригады, он всегда сильно тощал.

Монастырский был, видимо, доволен нашей работой и посчитал проблему обеспечения плотников материалом решенной. Бригада была оставлена на этом объекте до завершения работ.

Бывало, забежав на ходу в тепляк отогреть заочевенные руки, я слышал оживленный разговор о женщинах. «Значит, ожили», – с удовлетворением отмечал я. Такой поворот в настроении мужиков не мог не радовать.

Моя первая незарегистрированная рационализация производства была и есть для меня самая важная, самая ценная, самая значимая из всех. А их на моем веку было немало. Эта спасла жизнь людям, тем, рядом с которыми я работал.

Что касается Михаила Давидовича Монастырского, то тысячи других строителей, как и я, считают его одним из талантливейших руководителей треста «Базстрой», а также основоположником Богословской ТЭЦ, Богословского алюминиевого завода и города.

2000 год

По ту сторону света

В годы Великой Отечественной войны в «Богословлаге» о празднике 1 Мая не забывали. Его всегда отмечали. Ударным трудом. Бригады трудармейцев становились на фронтовые вахты, брали повышенные обязательства. Коллективам, занявшим первые места, вручались переходящие кисеты с надписью «Лучшей фронтовой бригаде». Ценность подарка заключалась в том, что содержимое кисета составляло до 25 пачек махорки.

Накануне праздника режим в отрядах ужесточался. Все расконвоированные, то есть живущие за пределами зоны, обязаны были вернуться в отряды. Увольнения в поселок также запрещались на эти дни. Усиливались охрана и контролерский состав. Особенно строго надзиратели следили за тем, чтобы вовремя давалась команда «отбой» и автоматически прекращались хождения по территории. Мало ли, с какой целью человек может бродить в темное время...

Что касается питания, то оно ничем не отличалось от обычных дней. Баланда по-прежнему в котелке-баландерке представляла собой зеленую прозрачную жидкость с долькой зеленого помидора и несколькими крупинками пшена или перловки. Иногда попадались рыбные кости, видимо, для запаха или разнообразия.

Как бы ни было каждому трудармейцу тоскливо, горько и голодно, вос-

поминания о прежних встречах Первомай хотя частично, но скрашивали обстановку и грели душу. Многие усиленно воли старались вернуть картины празднования этого дня дома, в кругу родных и знакомых, когда гремела музыка, а столы были заставлены блюдами. Некоторые с видимым трудом отрывались от таких воспоминаний и горестно вздыхали: за что нас так унижают? За что?..

Двое немолодых заключенных засились за длинным, на весь барак, столом и, видимо, тоже переживали давно прожитые дни. Вдруг один из них встал, полез на нары и достал небольшой сверток, в котором хранились несколько ржаных сухарей и кусочек сала. Это был подарок семьи, присланный на днях в посылке.

Он бережно и не спеша, разделил этот деликатес на две половины. Мужчины молча посидели, затем поздравили друг друга с праздником и медленно, смакуя каждый кусочек, все уничтожили. Затем оба скрутили самокрутки с горьким самосадам и с удовольствием покурили. Когда они расходились по своим местам, все усталые обитатели барака крепко спали, издавая громкий, надсадный храп. Так, еще один Первомай остался позади...

Прощай и прости

Весна 1943 года приближалась медленно. Несмотря на конец апреля, дни стояли дождливые и прохладные. Небо было затянуто плотной серой пеленой, сквозь которую редко и ненадолго проглядывало солнце, поэтому на душе было беспокойно и тревожно.

К весне в отряде от непосильного труда и плохого питания смертность среди заключенных заметно повысилась. У многих появилась цинга. Хвойный отвар, который давали для профилактики, не помогал.

Сводки Совинформбюро сообщали, что на всех фронтах идут ожесточенные кровопролитные бои. Вот где было наше место – Родину защищать на передовой, а не сидеть здесь, за колючей проволокой, думал каждый из нас.

...Как-то знакомый шофер по прозвищу Пацан, который возил нас на лесовозе с Южного лесоучастка, сообщил, что на днях умер мой друг и товарищ Сергей Генрихович. Похоронили его на лесной поляне недалеко от железной дороги, идущей в Карпинск. Пацан сказал также, что рядом с могилкой стоят два пня-близнеца, поэтому найти ее будет нетрудно.

Через несколько дней мне с большим трудом удалось выбраться из зоны соцгорода, и я пошел проститься

с другом. Место нашел довольно быстро, так как самому приходилось не раз участвовать в подобных захоронениях. Судя по годовым кольцам на пнях, им было не больше 30 лет. Я огляделся. Передо мной лежала слегка припорошенная снегом земля. Крупные мерзлые комья подталяли и лежали на снежном покрывале, напоминающем саван, желто-коричневыми пятнами.

Я снял шапку и присел на один из пней, с трудом сдерживая слезы. Здесь, под землей, лежал один из самых близких и дорогих моему сердцу людей. Вспомнилось, как Сергей Генрихович приехал в наше село, как пришел в школу преподавателем русского языка и литературы. Родом он был из Петербурга, из интеллигентной семьи. Мать его была из известной династии Томилиных, в роду которых все были потомственными моряками. Один из братьев, морской офицер, в начале XX века даже участвовал в гидрографической экспедиции, возглавляемой известным исследователем Северного ледовитого океана Вельницким на ледоколе «Таймыр». Отец Сергея Генриховича, как и все его предки, был выходцем из обрусевших немцев. Он родился и жил в красивейшем приволжском селе со звучным названием Мариенталь, что в переводе означает Марьяна долина.

...Сергей Генрихович быстро вписался в нашу деревенскую жизнь, и хотя он еще плохо владел немецким языком, односельчане его уважали. Он прекрасно играл на всех музыкальных инструментах, был веселым и общительным, высокообразованным и интеллигентным человеком, поэтому к нему часто обращались за советом и помощью. Многим писал заявления, прошения и жалобы. Университетские знания помогали Сергею Генриховичу неплохо разбираться в юриспруденции. И когда ему удалось высвободить из тюрьмы невинно осужденного сельчанина, авторитет его еще больше вырос. Особенно глубоким уважением я проникся к нему после того, как он освободил из тюрьмы моего отца.

Мой бывший друг организовал в селе народом (народные дома были предшественниками сельских клубов), руководил оркестром и хором, возглавлял драматическую труппу. Ставил «Ревизора» Гоголя, «Разбойников» Шиллера и другие пьесы. А как читал классиков!

С приходом Сергея Генриховича в село жизнь молодежи в корне изменилась. Жена его, Виктория Викентьевна, или Вик-Вик, как ее между собой уважительно называли деревенские бабы, была очень доброй, обаятельной и образованной женщиной. Она была неплохим педиатром и лечила детей, а порой и взрослых.

Во время коллективизации Сергей Генрихович разъяснял крестьянам преимущества коллективного хозяйства

перед единоличным, в летнее время создавал ученические бригады, которые помогали прочно встать на ноги вновь созданному колхозу.

На вопрос о том, почему он поменял Петербург на село, Сергей Генрихович отшучивался:

– Здесь на земле прочнее стоишь...

...В Богословлаге он трудился на разных работах: был землекопом, грузчиком, разнорабочим, сторожем, лесорубом. Высокую норму в силу своих физических возможностей выполнять, естественно, не мог, поэтому пайка хлеба была минимальной. Побывал в ОПП (оздоровительный профилактический пункт или, как его называли между собой трудармейцы – отряд постоянно отдыхающих). Лесоучасток Южный, где Сергей Генрихович работал на лесоповале, просуществовал недолго - он сгорел во время пожара. Исчезла и железнодорожная станция с романтическим названием «Полуденка». Долго еще торчали среди молодой зеленой поросли черные, обуглившиеся стволы деревьев. Некоторые из них можно увидеть и сейчас в районе Каквы и Синих скал.

Прошло много времени после того, как судьба опять забросила меня в бывшие Турьинские Рудники. За это время здесь произошли разительные перемены. На полную мощь работал алюминиевый завод, строился новый красивый город, по рельсам прошел первый трамвай.

И вот я снова на святом для меня месте. Дорога совсем заброшена. Едва просматривается узкая тропинка. Под

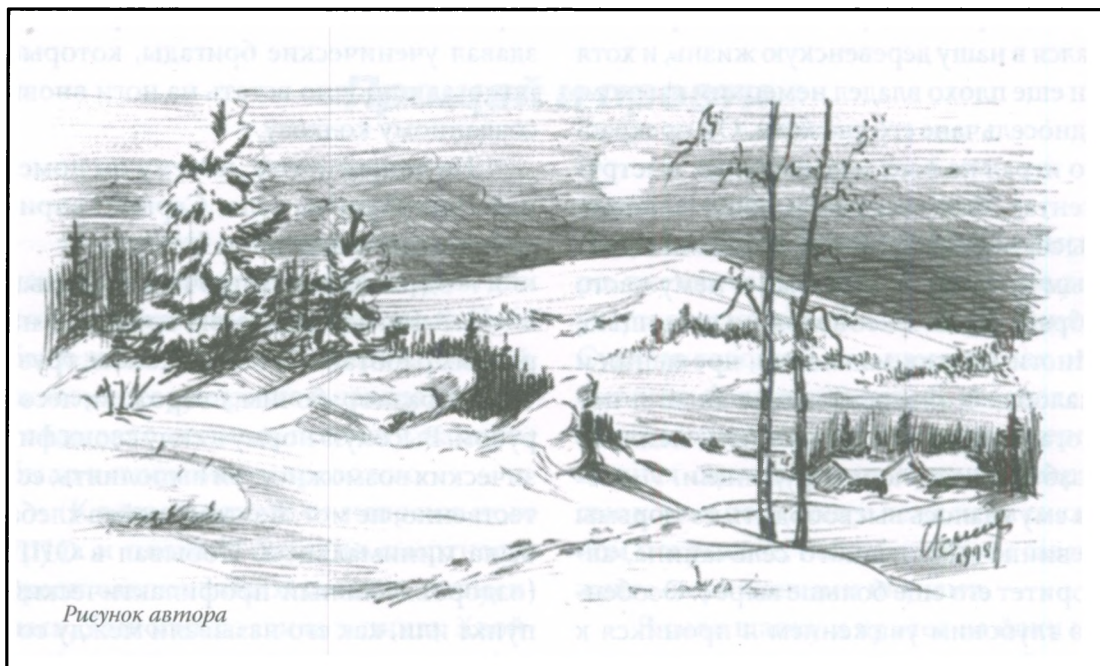

Рисунок автора

ногами хрустит пожелтевшая хвоя. Над головой висит рой комаров. Где-то вдали слышится стук проходящего поезда. Не успел я пройти и десяти метров, как меня будто что-то толкнуло в грудь. Я остановился, оглянулся вокруг и не увидел главную примету: пней-близнецов передо мной не было. Неужели память меня подвела, ведь столько времени прошло? Нет, не может быть! Я вновь обежал глазами полянку – нет, не видно. И вдруг в низеньком ельничке я обнаружил знакомые очертания. Ага, вот вы где спрятались! Я с облегчением перевел дух.

А вот и еле заметный бугорок. На нем успела вырасти жимолость, появились чахлые кустики брусники. Я поклонился дорогой для меня могиле и на минуту застыл в молчании. Затем, как и

прежде, присел на один из пней. Он весь почернел от времени и покрылся серо-коричневым мхом. Незаметно подкрался вечер. Солнце клонилось к закату. Прямо под моими ногами спешили куда-то суетливые муравьи, в воздухе порхали, словно соревнуясь, две бабочки и плясала мошкара. Наступала пора прощаться. Я еще раз поклонился могилке, достал бутылку и, следуя обычаю, помянул всех лежащих в этой земле, а остатки вылил на могилу.

Знают ли родные и близкие моего товарища, где обрел он вечный покой? Вряд ли. Куда я только ни писал, ответа так и не получил. В одном уверен: пока дышу, мой друг будет жив в моей памяти.

2003 год

Цветы на лежневке

Елизавета Христофоровна Башко говорит, что те цветы с лагерной лежневки были для нее одной из самых дорогих благодарностей в жизни. А благодарностей было много и лично ей, и ее мужу Казимиру Игнатьевичу. Их фамилию мне часто приходилось слышать в воспоминаниях о прошлом Краснотурьинска и Волчанска. О супругах Башко всегда говорили с огромным уважением и признательностью. О них вспоминали, как об одном целом, подчеркивая интеллект, особую интеллигентность и бескорыстную способность сострадать и помогать людям. А между тем, у каждого из них до Краснотурьинска была своя жизнь, рассказ о которой – это трагедия целого поколения, без вины виноватого, без суда осужденного на многие страдания и муки.

ЕЛИЗАВЕТА ХРИСТОФОРОВНА

«Если описать всю мою жизнь, получился бы большой роман»

Будучи потомственной ленинградкой, родилась она в Финляндии в 1917 году, что в последствии скажется не лучшим образом на ее судьбе, как и то, что родила ее женщина немецкой на-

циональности, находившаяся в тот момент в чужой стране с русским военным мужем. Вскоре семья возвращается в родной Ленинград, где себя и помнит Елизавета Христофоровна.

– Папа служил в Красной Армии начальником штаба второго отряда прибрежной обороны Черноморско-Азовских морей, и был в 1921 году убит бандой Махно при исполнении служебных обязанностей. Мама осталась вдовой в 24 года с двумя детьми на руках, моему брату было только восемь меся-

цев. Жили мы очень скромно только на пенсию, которую мама получала на нас, как на сирот офицера Красной армии. Брат, самый близкий человек моего детства, тяжело болел туберкулезом и впоследствии умер. Но несмотря на нашу бедность, я училась в школе, и учиться мне очень нравилось. После окончания поступила в медицинский институт, в студенческие годы тоже перебивалась, как могла. Много в моей жизни состоялось благодаря тому, что рядом со мной всегда были хорошие, по-настоящему добрые люди.

Эту фразу Елизавета Христофоровна еще не один раз повторит во время нашей беседы. Добрых людей, встретившихся ей в жизни, она помнит поименно. А я, слушая ее, думаю о том, что рядом с таким человеком могли оказаться люди только добрые. Все, что говорили мне об ее интеллигентности ранее, не оказалось преувеличением. Образованность, культура речи, манера общения, присущие этой хрупкой женщине, раздвигали рамки настоящего времени, выдавая в ней красавицу студентку, которая вместе со своими сокурсниками, стучала каблучками по Невскому проспекту и торопилась на лекции в медицинский институт. Порой материальное положение семьи было настолько тяжелым, что она подумывала оставить институт и пойти работать.

– Но мне постоянно помогали, – вспоминает вновь Елизавета Христофоровна, – то выдавали какие-то

деньги из кассы взаимопомощи, то давали бесплатную путевку для лечения, и я сэкономленные средства смогла отдать на лечение брата. Так я и окончила институт и стала работать врачом в 38-й поликлинике Смольнинского района.

А после профессор Шелудко пригласил ее в Государственный институт повышения квалификации врачей, который находился прямо напротив Смольного, где и застала ее война. Совершенствование совмещалось с врачебной практикой, и, что такое блокадный Ленинград, Елизавета знала не понаслышке. Впрочем, о блокаде говорить мы не стали. Это время и сегодня отзывается в ее памяти острой болью. Оставаясь практиковавшим врачом, она сама от истощения с трудом передвигала ноги и уже не верила, что когда-нибудь сможет вновь обрести женские формы, стать женой и матерью. Институтская подруга Зоя с Ленинградского фронта иногда добиралась в город и делилась с Елизаветой своим пайком. И Лиза выжила.

– А в 1943 году мне пришла повестка из военкомата, я думала, что забирают в армию, ведь забирали всех, и стала собираться, – рассказывает Елизавета Христофоровна. – Но вечером пришли знакомые и предупредили, что повезут меня не на фронт, а в трудовую армию. Сказали: «Бери с собой теплые вещи и все, что сможешь унести.» Я засмеялась: «И кастрюльки тоже?», они ответили: «И кастрюльки».

Как, оказалось позже, пригодились. Разве могла она, молодой ленинградский врач, спасавший людей в блокаду, предположить, что таким вот образом, отразится на ее судьбе национальность матери? «Бедная мама!» – не раз воскликнет в разговоре со мной Елизавета Христофоровна. Ее же саму не спасло даже красноармейское прошлое отца. Отъезд в трудармию знаменательным событием не стал. Помнит Елизавета Христофоровна, что увозили их с железнодорожного вокзала, Зоя каким – то образом примчалась с фронта прощаться. Подруги обнялись и заплакали. Придется ли встретиться?.. Потом везли их по Ладоге, потом опять на поезде. В вагоне вместе с ней было еще семеро юношей, говорили, что везут их в Новосибирск. Они договорились держаться вместе. Им обещали работу по специальности.

– Даже тогда я еще в это верила, – говорит Елизавета Христофоровна, – была то ли наивной, то ли самоуверенной, надеясь на свою профессию. Меня высадили недалеко от Ярославля, на станции Любим, а ребят повезли дальше. Больше я их никогда не видела, а хотела бы знать, как сложилась их судьба. Подошла какая-то машина, мне сказали, что повезут меня в столовую. Я обрадовалась: есть очень хотелось. У столовой меня высадили, и машина ушла. Я осталась стоять со своими вещами. Неподалеку женщина рубила дрова, посмотрев на меня, сочувственно сказала: «Бедная, и тебя сюда». На что я опять же самоуверенно заметила:

«Нет, я на черной работе не буду, я – врач». «А я – кандидат исторических наук», – ответила она. На всю жизнь этот случай остался в моей памяти, как преподанный урок моей заносчивости. Раз и навсегда я усвоила правило общения с людьми: кем бы ты ни был по своему положению, прежде всего должен оставаться человеком, доступным для людей. Елизавета Христофоровна повторила эти слова, как аксиому.

Ее поселили в женский барак, в отсеке за перегородкой их жило человек 15 – врачи, архитектор, артистка цирка. Последняя особо страдала от нищеты, голода и холода. Елизавету спасали теплые вещи. Ох, как же ей пригодились одеяло и пальто! Впрочем, не лишними оказались и кастрюльки. Женщины, как могли, поддерживали друг друга, но тяжелый труд на лесопилке изматывал их до предела. Еще страшнее было на лесосплаве. Лес шел по реке единым потоком, если у берега образовывался затор, женщинам приходилось баграми растаскивать мокрые тяжелые бревна, рискуя каждую секунду свалиться в холодную воду и быть погребенными под лесом.

– А у меня были сапожки на каблучках, – вспоминает Елизавета Христофоровна, – в этих сапожках, в своем пальто, которое защищало меня от ледяного ветра, я занималась настоящей эквилибристикой на бревнах, изо всех сил стараясь не упасть.

Но сильнее холодного ветра постоянно пронизывала мысль «За что? В чем провинились они перед своим Ленинг-

радом, перед своей страной, вместе с которой хотели быть в тяжелое время, и о широких просторах которой узнали теперь на собственном опыте?»

Спустя полтора года работы в трудармии под Ярославлем, Елизавета была направлена на Урал. Совершенно одна, без конвоя и даже сопровождения. Но от этого свободнее она не была. Ей нужно было прибыть в пункт назначения и явиться в санотдел Богословлага. Поезд шел на Восток. В Свердловске она должна была сойти, чтобы добираться дальше. Дальше показалось ей кошмаром. Сколько бы ни шел поезд, вокруг не было никаких признаков жизни.

– Был только лес, темный, густой. И ничего больше... Господи! – думала я, – господи, как же страшно! Помню станцию «Красный железняк», пустоту вокруг, каким-то образом добралась в сан-отдел Богословлага, где получила направление в центральную больницу для заключенных. Здесь меня встретил главный врач Павел Ильич Надельсон, прекраснейший человек, по-доброму относившийся к заключенным. Благодаря ему, я стала работать по своей специальности, терапевтом, и жила, хоть в лагере, но при больнице.

Центральная лагерная больница находилась в нынешнем Заречном районе. Вспоминая сегодня то время, она удивляется, с каким уважением и признательностью относились к ней заключенные. А она лечила их от цинги и пеллагры, других заболеваний, сочувствуя и помогая каждому.

– Причиной всех болезней, прежде всего, было истощение. Чтобы хоть как-то предупредить цингу, заключенным варили хвою и они пили этот отвар. Врачи у нас были прекрасные, помню доктора Михельсона. Все относились к заключенным с сочувствием, но при таком скоплении людей, тяжело работавших и плохо питавшихся, болезней было не избежать, – рассказывает Елизавета Христофоровна.

И ей приходилось заниматься работой не свойственной терапевту – оказывать хирургическую помощь, принимать роды. Жизнь брала свое. Люди, помещенные в лагерь на долгие годы, оставались людьми, со свойственными им желаниями любить, рожать детей, мечтать о будущем. Детей рожали и здесь. Потом до трех лет их содержали вместе с матерями в специальном лагере. А затем отправляли в детский приют, в Серов. Одну из таких девочек принимала Елизавета Христофоровна.

– Звали ее Ирочкой. Ее мать была арестована, как член семьи врага народа. Отцом в заключении стал Яков Геллер. Девочка росла хорошенькой. Пока они были в зоне с матерью, я часто навещала их. Когда Ирочку увезли в Серов, мать очень переживала и тосковала по ней. Вот я и ездила к Ирочке в Серов. Ее навещать, отвезти какой-нибудь гостинец, а приехав обратно, успокоить мать, что с девочкой все в порядке. После освобождения она забрала дочку и уехала с ней домой, в Ленинград. Уже много позже, после войны, мы встречались там с ними.

На одном из медсоветов, проходивших в медсанчасти Базстроа, Елизавета впервые увидела начальника одной из медсанчасти – Башко, о котором к тому времени была немало наслышана.

– Был у нас такой человек, – вспоминает Елизавета Христофоровна, – Белоцерковский Израиль Бенсионович. Перед началом совета шепчет мне: «Сейчас зайдет мужчина высокий, красивый. Обрати на него внимание, когда он будет выступать, очень умный человек» В этот момент кто-то, сидевший рядом со мной, встал...

Говорят, что браки заключаются на небесах. Может быть, и так. Башко вошел в аудиторию и сел на свободное место. Уже после разглядел рядом с собой хорошенькую коллегу.

– Так мы познакомилась с Казимиром Игнатъевичем.

КАЗИМИР ИГНАТЬЕВИЧ

«Художниками эпохи Возрождения интересовался, но книгу Гитлера я не читал»

Однако именно эти факты окажутся для него впоследствии роковыми.

Родина Казимира Игнатъевича Башко – солнечная Ялта, город, с которым связаны имена многих знаменитых людей. Берег Черного моря, и спасительные лучи южного солнца были тому причиной. Помнит Казимир Игнатъевич картины своего детства: боль-

шой дом, который снимала семья, четверых сестер с такими же необычными именами, как и у него, данные им отцом поляком, модельером обуви, услугами которого пользовались знаменитости, и русской матерью.

– Отец рассказывал, что встречал в своей жизни Горького с Шалапиным, тогда они были еще молодыми и совсем неизвестными людьми. Горький бродил по стране, собирая сюжеты для своих рассказов, Шалапин путешествовал вместе с ним, но пел в то время на публике, опять почему-то, Алексей Максимович, а не известный в последствии всему миру Федор Шалапин.

В 1928 году, после второго землетрясения в Крыму, семья Башко переезжает на Украину, в Донецкую область, город Артемовск. Казимиру тогда было 14 лет. Уже в школьные годы он был очень увлеченным человеком, особенно интересовала его психология.

– Я увлекался физиогномикой, графологией, по почерку определял характер человека, много читал, – рассказы-

вает Казимир Игнатъевич, - в 1932 году поступил в Харьковский психоневрологический институт, который располагался на даче графа Гафурова. В 35 лет был секретарем комсомольской организации курса, а в 36 меня выслали их Харькова как политически неблагонадежно.

Харьков в те годы был столицей Украины, иногородним студентам предоставлялось общежитие. Я жил в комнате с двумя сокурсниками, много читал, на стене, над моей кроватью, висели репродукции картин эпохи Возрождения, искусством которой очень увлекался. Но, по причине неблагонадежности, мне пришлось уехать домой, в город Артемовск, и в институт я больше вернуться не смог. В Артемовске поступил работать в санаторное управление Северо-Донецкой железной дороги, в линейную контору. В ночь на 22 июня 1941 года меня арестовали и требовали, чтобы я рассказал о своей шпионской, антисоветской деятельности и подписал это признание. Рассказывать мне было нечего, деятельностью я никакой не занимался. Меня били, пытали, но я ничего не подписал.

Война быстро пришла на Украину, немецкие войска подходили к Артемовску, и меня отправили в Донецк, тогда город Сталино, и посадили в следственный изолятор, в подвал здания НКВД.

Интересна психология людей, их поведение в экстремальной ситуации. Нас было несколько человек в подвале, уже слышны были разрывы бомб. Любая из них могла накрыть здание, говорить

о каком-то спасении было бесполезно. Я сидел и ждал. Вдруг почувствовал, что кто-то прячется за мою спину. Это был один из арестованных. Инстинкт самосохранения не подвластен логике мышления.

Наконец-то я узнал, что явилось причиной моего ареста. На допросе следователь спросил, знаю ли я, что лежит в основе обвинения? Я ответил, что нет. Тогда он показал мне заявление, написанное теми моими сокурсниками, что жили со мной в комнате. В нем говорилось, что я читаю книгу Гитлера «Майн капф» и увлекаюсь буржуазным искусством. Эпохой Возрождения я действительно интересовался, но книгу Гитлера я не читал. Анализируя, впоследствии эту ситуацию, думаю, что основанием для доноса послужило мое чтение журнала «Большевик», который после был переименован в «Коммунист». Именно в этом журнале публиковались тогда цитаты из книги Гитлера, подвергнутые острой критике. Видимо, я что-то говорил об этом в комнате общежития. Как оказалось, зря...

Бомба в подвал не упала, им предстояли испытания другие. Каждому - свое. Башко Казимиру Игнатъевичу решением «особого совещания» был установлен срок заключения - пять лет. Этапом, пешком их погнали до Сталинграда. Конвоиры не спускали глаз, шаг в сторону считался побегом, и сразу следовал выстрел, а люди были слабыми, на ногах держались с трудом. Пришлось идти под руку, поддерживая друг дру-

га. На ночь этап загоняли в конюшни и коровники, откуда для этих целей скот колхозный выгоняли. Однажды в дороге колонну обстреляли немецкие самолеты, но стреляли не в них, а в конвоиров, которые разбегались и спрятались в высокую траву. До Сталинграда дошла только половина этапа. Остальные остались лежать в степи, убитые охраной, умершие от слабости и голода.

В Сталинграде этап погрузили в вагоны. Вагоны были некрытые. Заключенных натолкали столько, что могли они только стоять, крепко прижавшись, друг к другу. Сесть можно было опять только всем вместе. В дороге практически, не кормили и не поили. Давали «ржавую» соленую камсу. Люди ели, потому что были голодны, но после соленой рыбы не давали пить, и это приносило новые страдания.

– Я рыбу не ел, понимая, что легче переносить голод, чем жажду, – вспоминает опять Казимир Игнатъевич. – Умерших не выносили, больным не помогали. На одной из станций, где наш вагон стоял в ожидании того, когда сделают площадки для охранников, мы взбунтовались и стали выбрасывать трупы прямо из вагонов на перрон. Вагон поспешили убрать в тупик.

Их опять куда-то везли, и путь их был выстлан трупами, тех, кто еще недавно стоял рядом, кто так же без вины был брошен в этот ад, кто еще надеялся, а может быть, равнодушно ожидал конца, как облегчения от этих нечеловеческих мук.

7 ноября 1941 года их привезли в Челябинск, а затем в Златоуст. Местная тюрьма была большой. Наконец-то после длительного этапа их накормили ... жидкой похлебкой из «ржавой» селедки и камсы. С тех пор на всю оставшуюся жизнь сохранилось у Казимира Игнатъевича отвращение к селедке, один ее запах вызывает в памяти запах лагеря, непереносимое чувство унижения и боли.

В Челябинской тюрьме он имитировал кожное заболевание. Его перевели в тюремную больницу, что спасло от истощения и голодной смерти.

– А в 1942 году стали набирать заключенных на работу в Богословлаг. Не смотря на мою худобу, меня взяли, – рассказывает Казимир Игнатъевич. – Здесь нас выгрузили из эшелона в районе сегодняшней БТЭЦ, всех построили в ряд для прохождения медкомиссии. Посмотрели наши документы, меня и некоего Лотыша попросили выйти из строя. Спросили: «Медики?» и добавили «Будете с нами осмотр вести». Помню начальника медчасти лагеря Бориса Марковича Беккера, врача Иванову Маргариту. После осмотра мы так и остались при санчасти. Борис Маркович сказал мне «Сколько смогу, столько и буду держать тебя рядом». Думаю, что это спасло меня в очередной раз. Почти все заключенные страдали безбелковыми оттеками, которые были следствием голода. Я сам с трудом надевал на ноги брюки.

Люди, подобные Беккеру, встречались в лагерях нередко. Находясь в со-

ставе руководства, они лучше других понимали, сколько молодых, умных, талантливых людей проходило сквозь лагерную мясорубку, и пытались помочь, дать хоть какой-то шанс выжить тем, кто мог составить будущее нации. Но и они не были всесильны. Несмотря на усилия Бориса Марковича, молодого медика от него все-таки забрали.

Следующим пунктом его назначения был санотдел 4 ОЛПа (отдельный лагерный пункт). Находился он на месте нынешнего автоцеха алюминиевого завода и уже тогда назывался шоферским. Именно здесь сидело много водителей, а еще туркменов и таджиков, которые просто погибали в условиях непривычного для них сурового климата. Казимир Игнатъевич вспоминает, что ходили они в своих халатах и тюбетейках, имели много денег, зашитых в этих халатах, которые, как правило, находили у них после смерти. Видимо, надеялись - наивные люди! - вернуться в свой солнечный край и зажить там богато, но отсюда не возвращался пока еще никто. На 4 ОЛПе Казимир Игнатъевич был начальником санчасти. Но статус руководителя ему особых привилегий не давал. В ОЛПе многим заправляли «воры в законе», сила в то время вполне реальная. И все-таки, он сумел найти подход и к ним.

После четвертого был третий ОЛП – комендантский, название которое сохранилось в народе до сих пор.

– Начальником третьего ОЛПа был Василий Егорович Федорин, человек замечательный, который искренне за-

ботился о заключенных. – рассуждает Казимир Игнатъевич, – не знаю, на чем основывалась это чувство, то ли на истинном гуманизме, то ли на стремлении к дисциплине, к порядку, при котором показатель выхода на работу заключенных сохраняется высоким, а следовательно, у начальника меньше проблем с руководством лагеря. А может быть, то и другое вместе. Но у нас на самом деле была самая низкая смертность среди всех ОЛПов (всего их было около десяти), а Федорина заключенные называли «батей». Третьему ОЛПу везло с начальниками. После Федорина им стал Юрий Константинович Рождественский, еще более удивительный человек. С ним мы продолжили работу по организации оздоровительных мероприятий и по-прежнему удерживали низкие показатели по смертности. В 1943 году Юрия Константиновича перевели работать в лагерь на Волчанск, куда он забрал меня вместе с собой.

В Волчанске Казимир Игнатъевич стал во главе санчасти лагеря, и все, кто помнят его с тех пор, отзываются о нем, как о талантливом руководителе и организаторе, который много сделал в плане становления и развития медицины в городе. А он с благодарностью и уважением вспоминает людей, с которыми ему пришлось работать рядом. Даже в лагере можно было проявить себя с лучшей стороны рядом с такими людьми, как начальник «Волчанскстрой» В.С.Елян, начальник политотдела Горбачев. Эти люди не временно исполняли обязанности надзирателей лагеря,

они видели дальше и понимали, что временным является как раз лагерь, а жизнь будет продолжаться и после него.

Верил в будущее и Казимир Игнатьевич, ради будущего работал и ради тех людей, чьи страдания мог облегчить сейчас.

«Волчанскстрой» относился к тресту «Базстрой». Медицинские советы были общими для начальников всех санчастей. Казимир Игнатьевич вошел в аудиторию и сел на первое попавшееся на глаза свободное место. И уже после заметил рядом с собой хорошенькую коллегу.

- Так мы познакомилась с Елизаветой Христофоровной.

В ВОЛЧАНСКЕ

«Если больному будет плохо, зовите нас»

Они шли по первому зову, не взирая на время года, время суток и собственное здоровье.

За хорошую работу по организации здравоохранения и по ходатайству начальника «Волчанскстроя» В.С.Еяна решением суда Казимиру Игнатьевичу Башко был снижен срок заключения на шесть месяцев, и он досрочно был освобожден из лагеря 22 декабря 1945 года и оставлен работать начальником санчасти по вольному найму.

Жил Казимир Игнатьевич в небольшой комнатке двухкомнатной квартиры, куда и привел в 1947 году Елизавету Христофоровну. Она стала ему не только женой, но и первым помощником, верным другом. Скольких судеб, сколько людей прошло через ее сердце, через ее отзывчивую душу. Но один случай особенно им запомнился.

- Была ужасная непогода, - вспоминает Елизавета Христофоровна, - несмотря на начало весны, шел густой снег, дул сильный ветер, буран разыгрался такой, что ничего на улице не было видно. Я была беременна, на седьмом месяце. Вдруг в лагере - несчастье: заключенному на работе каким-то механизмом повредило ногу. А хирурга нет, куда-то уехал. И пострадавшего по такой погоде никуда не увезти. Что делать? Осмотрела я ногу: ампутировать надо. Но я ведь терапевт, ампутациями не занималась. И так оставить нельзя, человек погибнет. Наложили мы с Казимиром Игнатьевичем ему жгут, чтобы кровотечение остановить. Я судорожно листаю учебник по хирургии, прочитала, что ампутировать надо выше того места, что повреждено, прочитала, как пилить. И вот начали мы с Казимиром Игнатьевичем вдвоем делать операцию. Весь необходимый медицинский инструмент в санчасти был, надо отдать должное начальнику санчасти: и вата, и бинты, инструментарий и медикаменты. Казимир Игнатьевич наркоз дает пострадавшему, накладывает маску с эфиром, следит, чтобы не было передозировки, как

только уберет маску, заключенный отходить начинает, а ведь надо еще мышцы оттягивать, чтобы я могла кость пилить. Провели ампутацию. Нogu ватой, бинтами обложили, приказали дежурившему фельдшеру по фамилии Притула (в таких случаях фамилии на всю жизнь запоминаются) сидеть у больного и, если ему станет пло-

не прошли бесследно для Елизаветы Христоворновы. Раньше срока, маленькой, слабенькой появилась на свет в 1948 году их дочь Галя. Не лучшим образом лагерная жизнь и волнения последних дней сказались и на здоровье самой Елизаветы Христоворновы.

-Я долго болела после родов, - вспоминает она. - Не выходила на работу

хо, срочно звать нас, особенно, если - не дай Бог! - кровотечение откроется. А сами, убедившись, что все в порядке пошли домой.

Но спать им в ту ночь не пришлось. Фельдшер Притула, заметив кровавые пятна на марлевых повязках, прибежал в дом Башко, и супруги, окунувшись в морозную ночь, в буран, вернулись обратно в больницу. Волнения той ночи

пять месяцев. Галя была слабенькой, ее нужно было греть, допаривать. Казимир Игнатъевич заказал где-то двухстенную ванночку, в пустоту между стенками мы заливали теплую воду, а в середину укладывали Галя. Комнатка, в которой мы жили, была маленькой, отапливалась печкой. Ночью вскочим - о, Господи! - холодно, вода в ванночке остыла. Давай опять топить печь,

зреть воду. Так мы ее и выходили. Спусти пять месяцев, я вышла на работу, в лагерь. Помню: прохожу через проходную, охранник со мной вежливо здоровается, иду дальше. Был август. К баракам проложены лежневки, а между жердями – цветы. Не знаю, как они называются, какие-то скромные, лесные. И вдруг вижу: издалека, навстречу мне бежит, хромяя, какой-то человек и на ходу рвет эти цветы. Подбежал ближе, и я узнала того самого больного, которому мы ампутировали ногу, фамилия его была Гольман. Протягивает мне эти цветы, и, волнуясь, благодарит. Много благодарностей в своей жизни я слышала до и после этого случая, но именно эта осталась в моей памяти, как одна из самых дорогих. А заключенному этому сначала сделали деревяшку вместо ноги, а потом Казимир Игнатьевич выхлопотал для него протез.

Казимир Игнатьевич был хорошим организатором. Лагерная больница, благодаря его усилиям, по тем временам была хорошо оснащена. Показатель снижения смертности был для начальника медсанчасти не просто формальностью, с этой целью проводились оздоровительные мероприятия, чему активно способствовали Елян и Рождественский. По словам Башко, они не просто выполняли свою работу, они старались создать такие условия, чтобы как можно больше сидящих за лагерным забором людей сумели выжить. Не секрет, что многие из них были достойными людьми.

Помнит Казимир Игнатьевич и новый лагерь, который находился в

районе железнодорожного депо на окраине города. Еще там ему пришлось работать начальником медсанчасти. Помнят они с Елизаветой Христофоровной и День Победы и рассказывают об этом, дополняя друг друга.

– В лагере был митинг. На нем выступал парторг Козловский, который позже стал секретарем Краснотурьинского горкома партии. В лагере победу восприняли с радостью, а еще с надеждой, что и заключенным она принесет долгожданное освобождение, что колючая проволока, наконец, исчезнет, а справедливость восторжествует.

Победа... Она была одна на всех. Но не для всех. Вскоре заключенным в лагере стало понятно, что мечта об освобождении и справедливости по-прежнему остается только мечтой. Война закончилась, это случилось где-то далеко и как будто бы без них. О том, что они добывали уголь, заготовливали лес, строили завод во имя этой общей Победы, вспомнят очень нескоро. И тем более, не тогда, когда они так нуждались в свободе. Жизнь проходила без них и не для них. Их большой и такой маленький Богословлаг был лишь крошечной точкой на карте огромной победышей страны, по которой по-прежнему тянулись сотни километров колючей проволоки.

После отъезда в 1949 В.С. Еяна из Волчанска, на должность директора «Волчанскугля» заступил В.П. Гогия, легендарная впоследствии для города личность.

Валерий Порфирьевич был настоящим хозяином города, искренне заботившемся не только о его становлении, но и о процветании. Он ценил тех, кто, старался во благо Волчанска. Казимир Игнатъевич стал одним из первых организаторов городского здравоохранения. Больничный городок строился при его непосредственном участии в качестве начальника медсанчасти. Открывались отделение за отделением: скорой помощи, терапевтическое, хирургическое, инфекционное, родильное. Все оснащалось необходимой медтехникой и медикаментами.

Созданию больничных городков способствовало правительственное постановление «Об организации медицинского обслуживания рабочих промышленных предприятий», вышедшее в 1950 году и подписанное председателем правительства Булганиным, - рассказывает Казимир Игнатъевич. - Здравоохранение в те годы развивалось по настоящему. В Карпинске, Краснотурьинске, Волчанске строились больничные городки. На предприятиях работали цеховые врачи. Елизавета Христофоровна в Волчанске работала цеховым врачом в тепловозном депо. В.П.Гогия с самым пристрастным участием помогал больнице. Помню, как посылал меня в командировку за мебелью, требуя, чтобы мебель была не казенно-стандартной, а красивой и удобной. Даже это имело для него значение.

В 1952 году в семье Башко родился сын Станислав, а 1958 Казимира Игнатъевича перевели на работу в Красно-

турьинск в качестве начальника медсанчасти БАЗа. В память о его работе в Волчанской больнице коллеги подарили ему альбом фотографий, где до сей поры хранятся редкие снимки тех лет.

В КРАСНОТУРЬИНСКЕ

«Наш ВОИР был первым в области»

Организации здравоохранения в Краснотурьинске Казимир Игнатъевич отдал также немало сил и времени, однако состоялся он здесь в качестве другом – рационализатора Богословского алюминиевого завода.

Так в жизни случается, когда человек, разносторонне талантливый, реализует себя в нескольких сферах.

– Притом совершенно разных, – добавляет Елизавета Христофоровна, – явно отдавая должное заслугам мужа. – А началось опять же все с медсанчасти завода.

– Там я познакомился с Александром Григорьевичем Медведевым, – продолжает Казимир Игнатъевич, – он был заместителем главного инженера по технике безопасности и возглавлял общественный совет медсанчасти завода. Человек он был очень деятельный, именно ему принадлежала инициатива строительства заводской поликлиники.

Общение с работниками завода привело к тому, что Казимир Игнатъевич перешел сюда работать, организо-

вав лабораторию полимерных материалов, где проводились многие опыты и исследования. Вскоре он стал председателем заводского Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, которое несколько лет занимало первое место в области. А его новые изделия демонстрировались на ВДНХ в Москве. Только авторских внедренных рацпредложений у него около ста. Некоторые запомнились особенно:

– Те, кто хоть раз побывал в электролизном цехе, поймут, о чем я хочу рассказать. В цехе находится много ванн, в которых происходит процесс электролиза. Остановить их нельзя. Над ваннами ходит кран, необходимый в технологическом процессе. Путь, по которому он ходит, требовал срочного ремонта. Кран остановить нельзя. Что делать? Собрал нас главный инженер Блинкин на одно совещание, на другое. Вопрос один «Что делать?», ситуация критическая. Вот тогда и родилось у меня предложение: отключать ванны поочередно. А крановый путь ремонтировать частично, прямо над отключенными ваннами, при помощи состава, изобретенного в нашей лаборатории. Сомнения были в качестве данного вещества, ведь оно должно было выступить одновременно в качестве укрепляющего и связующего. Но я не сомневался, что он все выдержит. Мою уверенность подтвердило время. А это своего рода открытие тогда изучалось на уровне исследовательских институтов.

Ум, инженерный талант и творческая активность Казимира Игнатъевича отмечены многими грамотами и благодарностями, коллеги, работавшие рядом с ним на заводе, говорят о его организаторских способностях, образованности и редком умении общаться с людьми.

В 1956 году Казимир Игнатъевич Башко был полностью реабилитирован. В зрелом возрасте он стал увлекаться историей и нумизматикой, самая старая монета, медная копейка, из его коллекции отчеканена в 1783 году. В 2004 году Казимиру Игнатъевичу исполнилось 90 лет, но он внимательно следит за политическими и экономическими событиями в мире и своей стране.

Пятьдесят семь лет рядом с ним - Елизавета Христофоровна, много лет

Слева Е.Х.Башко

возглавлявшая отделение скорой помощи Краснотурьинской больницы. Ее помнят и как терапевта четвертого отделения, которое она до сих пор называет своим. Она умела сочетать профессионализм доктора с обаянием женщины и человека, сохраняя в себе все луч-

шее. Ее много раз благодарили за оказанную помощь, за спасенную жизнь. А она держит в руке медаль «За оборону Ленинграда», справедливо врученную ей к юбилею Победы, и вспоминает цветы с лежневки как символ человеческого признания.

2001 - 2004 годы

Трудное счастье мое

Она специально приехала в город Краснотурьинск, чтобы отдать долг любви, молодости, череде счастливых дней и лет, которые сумел ей подарить Александр Генрихович Франк. Человек-легенда. Доктор Франк. Задолго до знакомства с его женой Ниной Михайловной я слышала эту фамилию. Часто в рассказах немцев-трудармейцев:

- Доктор Франк спас.
- Спасибо доктору Франку!
- Я бы умер, если бы не Франк...»

Нина Михайловна чрезвычайно взволнована. Ей самой уже 80, но она привлекательна и энергична. Ее рассказ о муже прерывается слезами, чистыми и благодарными. Не часто услышишь такое откровение. Они прожили целую жизнь, но и после его смерти она благодарит судьбу за подаренное счастье, которое у этих людей легким быть не могло.

Привилегии НКВД

В 1942 году Нина Боброва поступила в Ивановский мединститут, а в 1948 его окончила. Она не знала, что делать дальше. Вернее, пыталась уга-

дать, куда лучше устроиться на работу. В общем списке распределения значилось НКВД. Знакомый посоветовал: «Не упускай шанс, в НКВД и работой обеспечат, и квартиру дадут, и зарабатывать будешь хорошо». Направили ее в распоряжение Свердловского управления, а там, в свою очередь, предложили Богословлаг. Объяснили, что находится это недалеко, в Свердловский театр можно ездить. Последний аргумент

прозвучал убедительно. И новоиспеченный педиатр отправилась в Богословлаг, даже не подозревая о том, что он может собой представлять, но убежденная в том, что здесь она получит квартиру и сможет бегать на спектакли в театр. По мере того как поезд уходил все дальше и дальше на север, а тайга все ближе и ближе подступала к полотну железной дороги, в Нине зарождались первые сомнения насчет обещанных ей привилегий. А когда поезд прибыл на станцию Турьинские Рудники, она и совсем загрузила, поняв, что театр ей теперь не увидеть долго. Работа оказалась тоже неожиданной. Доктор Франк, совмещающий должность начальника хирургического отделения лагерной больницы с заведованием домом ребенка с облегчением передал Нине Михайловне детское учреждение. Некоторое время назад доктор Франк был приглашен к начальству Богословлага, где его проинформировали о передаче в подчинение к нему дома ребенка, на 300 коек! Об отказе не могло быть и речи, наказание было известно. Удовлетворили просьбу доктора, позволили на несколько дней съездить в родной Омск, где в знакомой библиотеке он все дни изучал детские болезни и инфекции. Нина Михайловна от назначения в восторг не пришла, но коллега ее успокоил: «Держитесь, я и вовсе не специалист в этой сфере!» Дом ребенка существовал при Богословлаге и располагался в районе нынешней Заречной части города.

– Содержались у нас дети до 3-х лет, – вспоминает Нина Михайловна, – а потом их переводили в Серовский детский приют. Но, надо заметить, что при этом все сведения о детях сохранялись, и освобождавшиеся матери могли потом забрать своих детей из Серова. Женщины сидели в лагере разные – осужденные за бытовые преступления и политические. Помню некую Некрасову, ей дали пять лет заключения только за одну оброненную фразу о том, что у немцев самолеты лучше, чем у нас. Дети рождались и в зоне. Часто, оформляя ребенка к нам, мы брали на работу и мать, чтобы она могла находиться с ним рядом. Другим же разрешались свидания с детьми. Еще могу сказать, что кормили детей для того времени очень хорошо. Это – правда. Чего, конечно, не скажешь об основной зоне.

Александр Генрихович Франк, передавший ей Дом ребенка, стал не только коллегой. Красивый внешне, удивительный человек и высокопрофессиональный доктор, он почти сразу покори сердце молоденькой Нины. Она тоже очень нравилась Франку. Но, старше Нины на восемь лет, имевший за плечами печальный жизненный опыт и не имеющий будущего в этой стране, он понимал, какую ответственность берет на себя, делая предложение Нине. Оно прозвучало для нее неожиданно: «Я – спецпоселенец, если ты согласна быть моей женой, то с моей стороны это будет навсегда». Она даже не раздумывала. У каждого из них до этого была дру-

гая жизнь. У него – жена и ребенок, у нее жених. Но испытание временем и жизнью выдержали именно их отношения. Она его любила, не задумываясь ни о каких последствиях для себя лично. Им с Франком выделили угол в бараке, и вот тогда Нина вспомнила об обещанных привилегиях НКВД. Она обратилась к военкому Богословлага, в ведении которого находилось ее распределение с просьбой выделить им, семье дипломированных врачей, занимающим руководящие должности, квартиру. На что ей четко заявили: «Ваш муж – враг народа. О какой квартире может идти речь?» Осознавала ли тогда Нина на что обрекла она себя и своего будущего ребенка? Ведь никто в то время даже не предполагал, что у немцев в этой стране появятся равные со всеми права. Пока их положение было регламентировано только Указом Советского правительства о вечном поселении немецкого народа, с лишением всяческих прав, кроме одного, наказания каторжными работами в случае «побега с места ссылки».

– Я не боялась рядом с Александром Генриховичем ничего, – вспоминает Нина Михайловна свои ощущения того времени, – с ним было надежно и очень хорошо».

В один из дней к начальнику хирургического отделения лагерной больницы обратился военком Богословлага. Он говорил о том, что у него болен сын, и Франка необходимо доставить к нему домой. На что Александр Генрихович спокойно заявил: «Я направлю к

вам свою жену, она — хороший педиатр». «За мной прислали лошадь с розвальнями, – вспоминает Нина Михайловна, – розвальни были покрыты ковром, я уселась на них и поехала к военкому. Каково же было его изумление, когда он увидел меня на пороге своего дома?.. Ребенка я вылечила. И проехала на военкомовских розвальнях». Это была единственная привилегия, предоставленная НКВД.

Выпускник мединститута

Выпускнику Омского государственного медицинского института Александру Франку предсказывали блестящее будущее. 28 июня 1941 года

он получил диплом с отличием. А 21-го, в день объявления Великой Отечественной войны, секретарь комсомольской организации выпускного курса, коммунист Александр Франк выступал на митинге, призывая своих товарищей идти на фронт добровольцами. Сам он среди первых отправился в военкомат, его пообещали вызвать позже. А пока Александра оставили клиническим ординатором на кафедре госпитальной хирургии. Он от природы был талантлив и умен. В большой семье, где было восемь детей, родители заботились об их образовании. Корни семьи Франк уходили в Саратовскую землю, откуда семья в половине XIX века переехала в Алтайский край. И здесь, в 1916 году, в Славгородском районе в семье бухгалтера и домохо-

зяйки родился сын Саша. Бухгалтерское образование отца давало возможность учиться и детям. Их каждого обучали. И в последствии все дети Франков получили образование, трое, из них, стали врачами. Александр же первоначально выбрал иную профессию. В 14 лет он стал учителем сельской школы, а в 1931 году поступил в Западно-Сибирский техникум связи в городе Новосибирске и в 1934 году окончил его с отличием. Работал техник-инженером на телеграфе Омска. После одной из аварий, расцененной, как диверсия, коллеги спасли молодого специалиста – срочно отправили его по путевке в Ялту. Тогда он ареста избежал. В связь больше не вернулся. А в 1936 году поступил в Омский государственный медицинский институт имени М.И. Калинина. Видимо, все так и должно было случиться в жизни. Видимо, должен был он прийти в медицину через искания, чтобы именно здесь раскрыть себя и всецело посвятить делу единственному и любимому на всю оставшуюся жизнь.

Научный сотрудник кафедры госпитальной хирургии, Александр Франк каждый день ждал повестки в военкомат. К этому времени он был уже женат и имел сына Валерия, но твердо был убежден в том, что его место, дипломированного хирурга сегодня в госпитале, на передовой. 22 апреля 1942 года он наконец дождался повестки в военкомат. Его почему-то везли на машине в плаще, шляпе и желтых ботинках, прямо так, как он пришел утром

на работу в мединститут. В военкомате ему вручили повестку... не на фронт, в трудармию. Так, в костюме джентльмена, он и вошел в зону Богословлага. Образованный, умный человек с трудом понимал, что происходит с ним. Сознание отмечало колючую проволо-

Доктор Франк

Как-то в общем строю эков его заметил один из офицеров НКВД. Трудно представить, как они могли встретиться в этом месте и в это час, но это

ку, вышки с охранниками, бараки так называемого, пятого разъезда. В глаза бросился пафосный транспарант «За добросовестный труд добьемся скорейшего освобождения!» «Почему освобождения?» – мелькнуло в голове. Но вопросы здесь задавал не он. Он только отвечал. Вместе с другими трудармейцами этапом его отправили на сельхозучасток, а потом – на лесоповал. Неизвестно, как сложилась бы его судьба в дальнейшем, если бы не одна встреча. Случайная, а может быть, ниспосланная свыше.

произошло. Работая на кафедре госпитальной хирургии Омского медицинского института, Александр Генрихович читал лекции по специальности военным, будущему командному составу. И вот сегодня один из слушателей его курса, выделил доктора в строю, казалось бы, одинаковых лиц. Это определило его дальнейшее пребывание в зоне. Александр Генрихович стал врачом на сельхозучастке, спасая от смерти тех, среди которых он был еще недавно сам. А в 1945 году приказом по Богословлагу его назначают хирургом лагеря, в

1947 он становится начальником хирургического отделения лагерной больницы, с июня 1948 – начальником лагерной больницы и Дома ребенка. К моменту их встречи с Ниной Михайловной Александр Генрихович уже знал, что семьи у него больше нет. С первой женой жизнь не сложилась – разлучили годы, и вряд ли их можно за это упрекнуть. Никто из нас, живущих сегодня, не имеет права судить людей из той эпохи. Каждый поступал так, как мог поступить в соответствии с требованиями и условиями времени. Но разрыв с женой ни коим образом не повлиял на его отношение к первому сыну. Для Валерия Александр Генрихович навсегда остался отцом.

До 1953 года Александр Генрихович считался спецпоселенцем и ежемесячно проходил сверку в комендатуре. Это было морально тяжело, унижительно. В августе 1953 года доктор Франк был по сокращению штатов уволен из Богословлага. Это было единственное и самое замечательное сокращение в его жизни. С этого же времени он – хирург второй городской больницы Краснотурьинска. С 1955 года – уролог, с 1959 заведующий хирургическим отделением, с 1961 года – главный хирург города Краснотурьинска. Красноречиво о его деятельности в этой должности говорят многочисленные публикации в городской газете «Заря Урала» и областной «Уральский рабочий», посвященные доктору Франку. В 60–70-е годы они выходили в прессе с завидным постоянством.

Даже не зная Александра Генриховича, чувствуешь ту народную любовь,

которой он был справедливо удостоен, и ту степень ответственности, которую он, никогда не боялся взваливать на свои плечи. Дар врачевания ему был дан от Бога. Иначе, как объяснить его решительность на проведение самых сложных по тем временам операций? Он один из первых в области провел операцию на легких, освоил операции на позвоночнике при дискозах, не менее успешной была практика оперирования почек. По инициативе доктора Франка еще в 1955 году в Краснотурьинске впервые в области был применен, как средство обезболивания, эндотрахеальный наркоз, в то время, когда метод оживления делал в отечественной хирургии только первые шаги. Об этом и о многом другом он рассказывал в научных статьях, опубликованных в журналах «Хирургия» и «Вестник хирургии».

Но красноречивее всего о его хирургической практике рассказывают спасенные пациенты. «У нас на шахте случилась авария, – вспоминает Виктория Яковлевна Сергиенко, – мы с мужем вместе работали в Богословском рудоуправлении, а в шахте в тот момент находились на разных уровнях. Муж попал под завал. Когда его подняли на поверхность, в прямом смысле слова – места на нем живого не было. Кроме многочисленных внешних переломов, у него были разорваны все внутренние жизненно важные органы. Его доставили в больницу, вышел Франк и сказал мне, чтобы я вызывала родителей мужа. Сказал мне так, а сам ушел его оперировать.

Мы сидим втроем на кухне у Сергиенко – я, Виктории Яковлевна и Нина Михайловна. Женщины вспоминают,

крывались двери любых кабинетов. Он взял реванш у судьбы, теперь сам диктовал условия, а не подчинялся ей.

вытирая слезы и помешивая ложечкой чай. Раньше в этой квартире жила семья Франк и Нина Михайловна чувствует себя здесь, как дома.

– После того, как Александр Генрихович заштопал Мишу изнутри и снаружи, и поднял его на ноги, мы и подружались, – продолжает Виктория Яковлевна. – Франк всегда говорил, что такие пациенты, как мой муж, остаются в памяти надолго. А с Михаилом их связала многолетняя дружба. Когда Александр Генрихович с Ниной Михайловной решили уехать из Красногурьянска поближе к сыновьям, то эту квартиру получили мы. Для Франка невозможного не было, перед ним от-

С ним было жить легко, – говорит опять Нина Михайловна. – Он умел оградить меня от всяких проблем и больших забот. Он все делал в квартире своими руками, он прекрасно готовил, он планировал всю нашу семейную жизнь, где все было подчинено правильному образу жизни. Мы вместе ходили в лес, мы много путешествовали, посетив 16 стран мира. Он любил баню и бассейн, был оптимист и жизнелюб. Он всегда, где бы ни был, и как бы ни был занят, помнил о семье. Он любил своих сыновей, он многому их научил. Когда наш сын Миша, родившийся в 1958 году, стал получать паспорт, то Александр Генрихович предложил ему взять мою

фамилию, которую по его настоянию я оставила при нашей регистрации. Но Михаил ответил: «Нет, я буду носить твою фамилию, потому что горжусь тобой». Александр Генрихович никогда не вспоминал вслух о своем прошлом, хотя вряд ли смог забыть о нем. Неслучайно и сыну предложил отказаться от немецкой фамилии, видимо, даже в 70-х годах не был уверен в его безопасности. А ведь газетные полосы пестрели рассказами о знаменитом хирурге, об общественной деятельности коммуниста Франка и его научных трудах. Спасенные пациенты писали благодарности, а руководители города считались с мнением члена горкома партии, депутатом областного Совета, главным хирургом города А.Г.Франком. Он утвердил себя в жизни сам. Что думал этот человек, читая в 1973 году в городской газете «Заря Урала» следующие строчки о себе:

«Студенту Омского государственного института имени М.И. Калинина Александру Франку предсказывали большое будущее. Но в эти тяжелые годы жизнь распределяла будущее людей по-своему, она посылала их туда, где они были более нужны?.. Что думал по этому поводу Александр Генрихович, мы уже никогда не узнаем. Но вряд ли он считал свой труд на лесоповале Северного Урала более целесообразным, чем спасение людей на передовой Великой Отечественной войны. Ни об одном из них, трудармейцев 40-х, тогда правды не писали. Впрочем, правдой было и другое. То, что он сделал более 10 000 операций, стал Заслужен-

ным врачом России, Почетным гражданином города Краснотурьинска, где и сегодня в краеведческом музее хранятся трудовые награды доктора Франка, среди которых орден Трудового Красного Знамени.

Династия врачей

У Франка много учеников. Сегодня они работают по всей России и за рубежом. Но гордость его – сыновья. Они тоже стали врачами. Старший, Валерий, в Краснотурьинске вместе с отцом проработал 10 лет. Переехав в Свердловск, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию, стал профессором хирургии. Сегодня он живет в США, а его сын Игорь, внук Александра Генриховича, работает урологом в известной клинике Мэйо. Младший, Михаил, — главный уролог Екатеринбурга. Как и отцу, ему присвоено звание Заслуженного врача России. Его дочь, Мария Михайловна Франк, тоже врач, хирург-стоматолог. Врачами работали сестра и брат Александра Генриховича. И, конечно, его жена. Нина Михайловна Боброва всю свою трудовую деятельность посвятила медицине.

Умер Александр Генрихович Франк в 1989 году в возрасте 73 лет в городе Березовском. Его сердце остановилось, хотя казалось, что будет биться всегда.

2004 год

Приказ 1946 года

В своих исследованиях я обращалась не только к устным воспоминаниям очевидцев, но и архивным документам, со всей наглядностью представляющим условия работы и требования, сохранившиеся с Богословлага и в послевоенное время, распространяемые даже на вольнонаемных.

При перепечатке сохраняю подлинный стиль и форму документа, видимо, переданного на завод из судебных органов.

Директору ТЭЦ БАЗа
товарищу МОСИНУ А.П.
или Главному Инженеру ТЭЦ БАЗа
товарищу ШАПИЛЬСКОМУ И.И.

При этом возвращается материал на ВЕТРОВУ Татьяну Васильевну, Дурнёву Екатерину Павловну, Тёплых Лилию Николаевну, Ермакову Любовь Фёдоровну и СЕРГИЕНКО Владимира Андреевича для выполнения моего приказа № 91 от 9\4 – 46г. в частности:

§ 2

Материал на Ветрову Т.В. о привлечении её к ответственности за прогул, необходимо проверить её объяснение в части отсутствия у неё обуви, так как из справки от 8\4 – 46г. не видно, чтобы обувь она получала, кроме того требование о привлечении к ответственности Вами не подписано.

Материал на Дурнёву Е.П. неполный, необходимо проверить – выяснить действительные причины не выхода на работу, если она без уважительных причин, самовольно оставила работу, нужно по месту жительства Дурнёвой составить акт, подтверждающий что она по такому-то адресу проживает, но на работу не выходит или с такого-то времени не проживает, кроме того, к материалам необходимо приобщить справку, о том, когда какая обувь и одежда и на какой срок была выдана Дурновой. Проверьте, обратите особое внимание, по какой причине не выходит на работу после окончания декретного отпуска.

По материалам на Теплых Л.Н. надо проверить и обсудить её объяснение, в котором она пишет, что у неё нет обуви, что несколько раз ходила к начальнику цеха но ничего не добилаь, что ей не заверяли стандартной карточки, не получала хлеба и т.д. без тщательной проверки этих обстоятельств, без подтверждения неуважительности причин не прихода на работу такой материал Нарсудом принят быть не может.

В отношении Ермаковой Л.Ф. также необходимо проверить её письменное объяснение от 12\3-46г. в котором она указывает, что подавала заявление в отношении обуви, но ей ничего не дали и что до 11 числа не получала хлебных карточек. В справке от 11\3-46г. указывается на то, что Ермакова в разное время обувь и одежду получала, и справка от 11,4-46г. указывает, что ордера на кирзовые ботинки не получала, по этому материалу при такой неопределённости и путаницы в материалах ставить вопрос о привлечении к судебной ответственности невозможно.

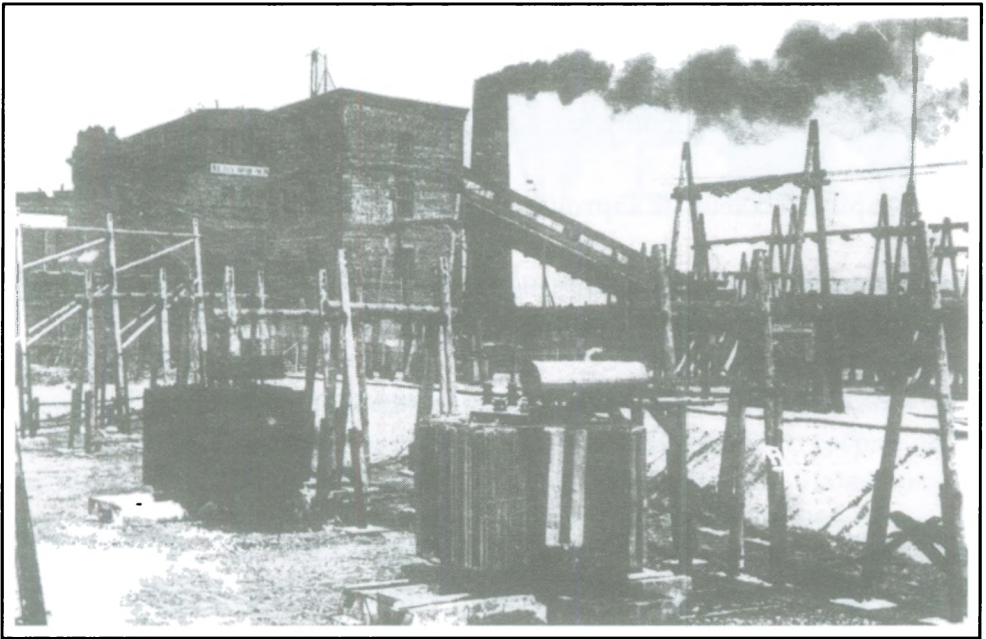
Материал на Сергиенко В.А. составлен безответственно и небрежно, акт от 21\3-46г. о том, что Сергиенко не находится в распоряжении 1-го раб.пос., неизвестно какими лицами составлен, где они работают, кто из должностных лиц участвовал в составлении этого акта. Акт надо составлять не на расположение посёлка, а на квартиру или общежитие, где проживает Сергиенко.

и.о. ДИРЕКТОРА ЗАВОДА \ПАВЛОВ\

Замнаркома

Богословская ТЭЦ строилась в годы Великой Отечественной войны как цех Богословского алюминиевого завода. Архивы тех лет содержат документы, красноречиво характеризующие цели и задачи сталинской стройки.

Сегодня уже не секрет, что в то время большинство специалистов завода и ТЭЦ составляли инженеры и конструкторы, оказавшиеся в лагере по 58-ой статье.

*ТЭЦ. Трансформаторы открытой подстанции, 22.07.1944
Фото из архива НКВД-СССР*

Специалистов среднего звена катастрофически не хватало. Старались обучить профессии каждого мало-мальски грамотного рабочего. Насколько ценились настоящие специалисты, свидетельствует следующий документ.

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 77 по управлению Богословского алюминиевого завода от 23 июня 1945 г.

В целях создания необходимых условий для работы одного из старейших энергетиков в системе Главалюминия, работающего на заводе и.о. начальника турбинного цеха ТЭЦ т. Аликина П.Г.

1. Моему помощнику по быту т. Чертыкину совместно с т.Териным оформить по выбору т.Аликина П.Г. участок для постройки дома, как индивидуального застройщика.

2. Главному архитектору завода т.Иоффе оказать максимальную помощь в строительстве дома т.Аликину П.Г. людьми, материалами и техперсоналом с таким расчетом, чтобы окончить строительство 1 ноября 1945 г.

3. Управляющему АПС т.Раскатову отоваривать продовольственные карточки т.Аликину П.Г. лучшими продуктами, без применения заменителей.

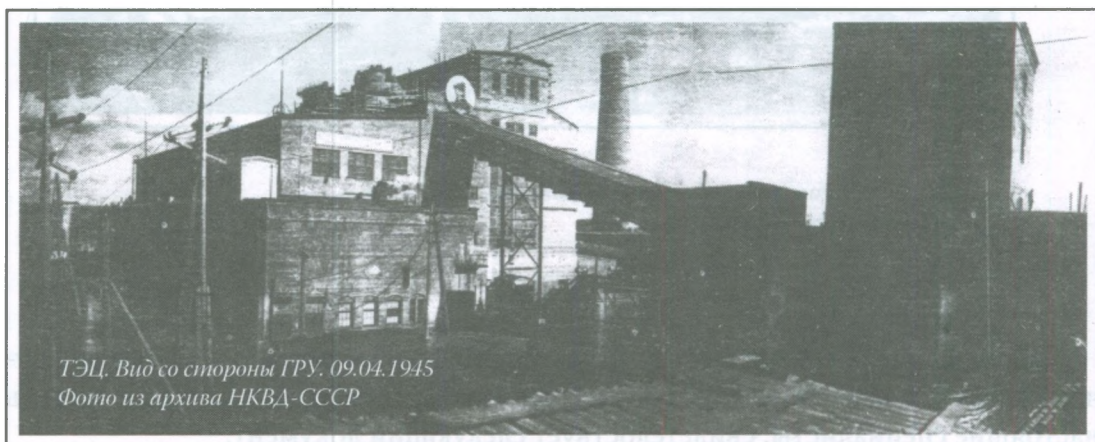
Обеспечить бесперебойную выдачу т.Аликину молока в размере 1,5 литра в день.

Отovarивать хлебные карточки хлебом из сортовой муки.

4. Начальнику автотранспортным цехом т.Калабину при всех условиях обеспечить т.Аликина транспортом к месту его работы и обратно.

И.о. директора завода

/Павлов/

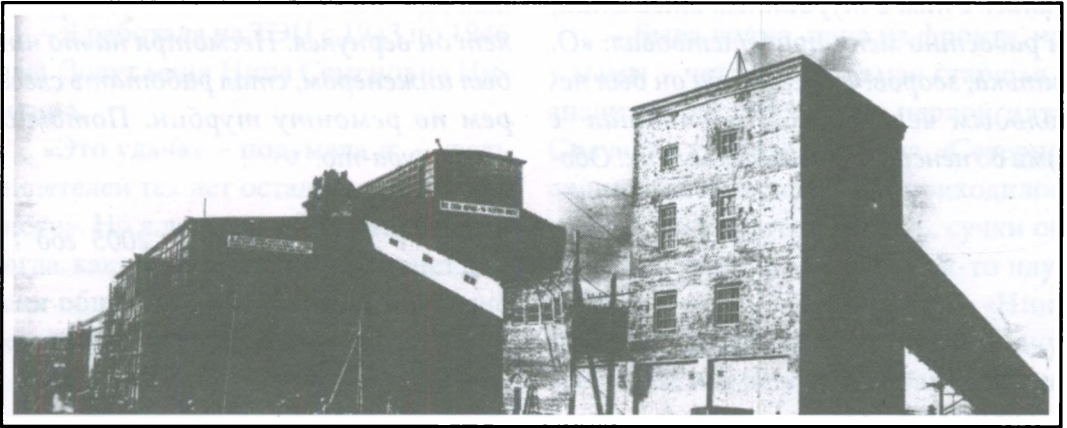

ТЭЦ. Вид со стороны ГРУ. 09.04.1945
Фото из архива НКВД-СССР

Что же за человек такой был Петр Григорьевич Аликин, которому оказывалось столько внимания? К сожалению, историко-производственный музей БАЗа других сведений по этому поводу никаких не имеет, а вот человек,

тителем наркома С. Орджоникидзе. В конце 30-х его сослали на Северный Урал.

22 июня 1942 года пустили в работу ВЭС – временную электростанцию. В это же время строилась ТЭЦ. Я тогда пацаном был, но уже работал на

ТЭЦ. Вид со стороны дробильного корпуса, 22.07.1944
Фото из архива НКВД-СССР

лично знавший Петра Григорьевича, нашелся. Им оказался Виктор Николаевич Романович, ветеран Богословской ТЭЦ, пускавший в 1944 году первую турбину.

– Я хорошо знал Петра Григорьевича. Родился он в Перми. Был, конечно, коммунистом. Другом его детства был Лобов. Вам это ни о чем не говорит? А между тем, это был известный на Урале большевик, после поражения революции в 1905 году перешедший на сторону анархистов. В гражданскую он уже здесь был предводителем отряда анархистов. Что же касается Петра Григорьевича, то он одно время был замес-

строительстве ВЭС. Так вот, когда эту станцию пустили, собрал нас директор завода Павлов и говорит: «Ну, вот что, ребяташки, нужно изучить оборудование и работать на его эксплуатации. Поедете учиться на центральную электростанцию Бокситового рудника». В Североуральск, значит. Только тогда еще города не было. Приезжаем туда, заходим к директору этой станции, которым и оказался Петр Григорьевич Аликин. Вот тогда мы с ним и познакомимся. Станция была небольшой, два котла да турбина, но мы могли на них обучиться работать. А значение ее было велико. Пять

минут отсутствия энергии для насоса водоотлива грозило затоплением всей шахты.

Обучившись, мы вернулись домой. И в сентябре 1944 года уже пускали первую турбину. Петра Григорьевича назначили к нам позже. Когда мы встретились с ним в турбинном отделении, он радостно меня приветствовал: «О, Витька, здоров!». Уже тогда он был немолодым человеком. Проработал с нами до пенсии. Умный был мужик! Обо-

рудование знал прекрасно, с ним мы пускали уже все остальные турбины.

Умер он в Краснотурьинске, уже будучи на пенсии. У него было два сына. Николай, танкист, с фронта без обеих ног вернулся. И Сергей – офицер, уже после войны сосланный по политическим мотивам на Камчатку. Через 10 лет он вернулся. Несмотря на то что был инженером, стал работать слесарем по ремонту турбин. Потом он уехал куда-то.

2005 год

Постоянный ток опасен для жизни

Раздался телефонный звонок, а потом женский голос в трубке:

– Я работала на ТЭЦ с 1943 по 1946 годы. Зовут меня Нина Семеновна Никитина.

«Это удача» – подумала я, – «ведь свидетелей тех лет осталось совсем немного». Но я даже представить себе не могла, каким удовольствием станет для меня общение с незнакомой пока мне женщиной.

ТЭЦ

Ни она сама, ни ее квартира, уставленная детскими игрушками и разложенными книжками, впечатления старости никак не производят.

– Это мы с Ромкой, правнуком, играем, – улыбается Нина Семеновна девической улыбкой.

Каждая игра у них с Ромкой – маленькое представление, в котором бабушка и сценарист, и режиссер, и автор-исполнитель. Ромке остается только подхватить игру и сыграть вместе с мишками и зайками свою роль. Кто еще доставит Ромке столько удовольствия? Родители, как известно, и не только Ромкины, заняты всегда.

От современных заек и мишек незаметно переходим к детству Нины Се-

меновны, менее беззаботному и радостному.

– Была война, папа на фронте, нас у мамы – четверо. Я самая старшая, а значит, и на работу мне первой идти. Сначала в колхозе работала, «Северное сияние» он назывался. Все приходилось делать: дрова заготавливать, сучки обрубать, полоть, поливать. Как-то иду с работы домой, соседка говорит: «Нина, у вас дома что-то случилось, плачут все». Бегу, ног не чуя от страха... Похоронка с фронта пришла, папа погиб. С мужиком жить и то семье тяжело было, а каково теперь маме одной с нами, четверыми, остаться?.. Во второй раз иду с работы, снова соседка предостерегает: «Опять у вас плач в доме стоит». Прибегаю: сестренка средняя ревет во весь голос. Оказывается, мама ей наказала яйцо стеречь, которое курица должна была снести, а она не уберегла. Курица яйцо снесла и расклевала его, пить захотела. Вот сестренка и ревела от горя.

И запомнилось это Нине Семеновне на всю оставшуюся жизнь, ведь каждое яичко, каждое зернышко из ее детства бесценными были. Да и детство закончилось рано. С 14 лет в колхозе трудилась, а уж как 16 в 1943-ем исполнилось, на строящийся завод пошла работать. Здесь попала на ТЭЦ в электрический цех. Цеха, как такового и не

было, а все принятые на ТЭЦ девочки были переданы монтажникам в УЭМ (уралэлектромонтаж), и из них была создана как бы детская бригада по шлифованию электрических шин для создания хорошего контакта при их монтаже.

*Н. Ударцева стоит слева,
М Слепова сидит справа*

—А бригада была — горе одно, — смеется Нина Семеновна, — такие же подростки, как и я. — Девочки, после ФЗО, вербованные из Казахстана, Шура Иванова, Аня Поспелова, Маша Дюженко, Полина Верея, Маша Луций, Катя Бургун, Нина Коломиец, мальчишки, осужденные из зоны, их под конвоем на работу приводили. Мы спрашивали у них: «За что же вы сидите?» Они, не стесняясь, рассказывали: «Из ФЗО удрали, первый раз из дома нас вернули, потом опять, так к мамке захотелось, снова удрали. Поймали, посадили». Представьте, было им по 15-16 лет, и к мамкам им хотелось, как нормальным детям, — вытирает подступившие слезы Нина Семеновна. Воспитатель был у них дядя Витя. Помню, как ждали они

его прихода: «Скоро дядя Витя придет». И мы тоже ждали. С дядей Витей и нам хорошо было. Шины мы шлифовали, но тут же и учили нас: «Шины эти будут под напряжением, ток будет проходить по ним». А заодно объяснят, что такое переменный, а что такое ток постоянный, и что он более опасен для жизни. Так мы овладевали азами электротехники. Позднее долбили дыры в бетонированной стене зубилом или шлямбуром для крепления приводов. Не получалось. Три раза по зубилу ударишь, а раз — по руке. Или наоборот. И отставать нельзя, соревнование ведь. Руки были все в синяках и ссадинах. Мастера, посмотрев на наши руки, жалели нас: «Девочки, вот война закончится, придут ребята с фронта, тогда вы будете работать на щите управления, на квалифицированных рабочих местах». Сказкой нам это казалось. А ведь напророчили. Со мной это случилось лет 15 спустя, когда я уже на пятой серии завода работала.

А на ТЭЦ был у нас сначала мастером Владимир Дмитриевич Самсонов. Подбирал он себе в бригаду подростково-мальчишек, чтобы могли они слесарями работать. Впоследствии пути наши разошлись, они ремонтниками стали, а мы — эксплуатационниками. Пока мы выполняли монтажные работы, мастером у нас был Гранд Константинович Церава. Он был умница, уже в то время имел два высших образования, для нас — непререкаемый авторитет. Был он страстным радиолюбителем, имел свою радиостанцию, за

что и пострадал. «Ловил» информацию, предсказывающую наступление Гитлера на Советский Союз. Не в «том месте» сказал «ненужные» слова. Был осужден как провокатор по 58 статье и получил 10 лет лишения свободы. Вот эти 10 лет он и отбывал в Богословлаге, участвуя в монтаже электрооборудования ТЭЦ.

Уже гораздо позже, где-то в середине 60-х годов прошлого века, Грант Константинович в числе одной из делегаций радиолюбителей приехал на родину А.С.Попова. Он надеялся встретить в Крсанотурьинске кого-нибудь из тех, с кем рядом работал на ТЭЦ. По телефонному справочнику искал знакомые фамилии. И вдруг: Слепова. Он набрал номер и пригласил к телефону Маргариту. И она подошла.

Рита Слепова была над девчонками старшей. В Богословлаге она оказалась, как член семьи врага народа, однако, это не помешало оставаться ей жизнерадостным человеком и постоянным растущим специалистом.

– Она была очень грамотной, все схватывала налету, – вспоминает Нина Семеновна. – Когда я пришла на ТЭЦ, Рита уже работала, и Самсонов, представляя меня ей, сказал: «Принимай, Слепова, еще один удар, Ударцеву в бригаду», это была моя девичья фамилия. Рита удар приняла и выучила не только меня.

Впоследствии она работала начальником смены электроцеха БАЗа. Известно, что все электрические аварии чаще всего случаются в непогоду.

Помню одну сложную ситуацию, когда Рита была на смене, при том вторые 12 часов. Вызвали начальника цеха, и он сделал замечания на действия Риты в условиях этой аварии. Она спокойно предложила ему занять место начальника смены и ликвидировать аварию не на одном участке, а по всей линии. Он отказался брать на себя такую ответственность. А Рита справилась. Это я вспомнила для того, чтобы показать, каким она была способным и грамотным электриком. А тогда, когда приехал Грант Константинович, мы втроем гуляли по городу. Он пытался вспомнить, где что располагалось раньше, но это не всегда получалось, потому что город сильно изменился. Мы стояли на набережной.

– Где-то здесь должны быть каскады воды, – размышлял Грант Константинович. – Но нет их, все изменилось. Мы очень были рады встрече с ним, и хоть он был порядком старше нас, мы воспринимали его как друга. Тогда же мы спросили его о том, не жалеет ли он о проведенных здесь 10-ти годах, на что Грант Константинович ответил:

– Пусть они обо мне жалеют. Собираясь в Краснотурьинск, он ходил по магазинам в Армении и покупал книги профессора Церабы, то есть, свои собственные, чтобы подарить своим знакомым. Рите он и подарил такую книгу, а мне достались его научные статьи из журнала.

Это было одно из событий в жизни Нины Семеновны, которое она вспоминает с удовольствием, но память сно-

ва и снова уносит ее в трудные годы юности.

– Им, местным, было легче, у них был дом, огород и мама рядом, которая обязательно чем-нибудь накормит.

А как тяжело было интернатовским и вербованным ФЗОшникам! Жили они в общежитии, располагавшемся недалеко от завода, в столовой получали только пайку хлеба, которую у них нередко отбирали заключенные уголовники. Часто, работая по две смены, мальчишки от усталости и голода теряли силы, замерзали. На этот случай у Владимира Дмитриевича Самсонова была веревка, с которой он мальчишек посылал на топливоподачу. Мастер всегда придумывал для этого причину, а на самом деле просто заставлял мальчишек шевелиться. Ведь движение – это жизнь. Узбеки, привезенные в трудармию и работавшие зольщиками на

Само их взросление стало испытанием: они не слышали грома пушек, но вынесли войну на своих плечах. Сегодня, глядя на электрическое оборудование ТЭЦ, даже трудно представить, как могли его эксплуатировать вечно уставшие, голодные, почти безграмотные подростки. Рядом с Ниной в электроцехе работали местные девчонки Надя Пищальникова, Мира Баранова, Лиза Караваяева, Люба Власова. Нина имела для того времени серьезное образование – семь классов, а с таких и спрос был строже.

– Электрических лампочек в войну постоянно недоставало. Нам надо проверить схему, а на объекте нет освещения, чтобы проверить схему на месте, подсоединяем лампочку к щитку постоянного тока, даже не задумываясь, что это опасно для жизни. Помню случай, когда одна из девушек пошла в целях

ТЭЦ, заманивали молодых девчонок-ФЗОшников самодельными конфетами из крахмала и сахара, и те «покупались»: сил не было терпеть постоянный голод.

экономии выкручивать лампочку на распредустройстве после ремонта масляного выключателя. Напряжение 10 тысяч вольт! Лампу она вывернула, но

при этом ее выбросило из камеры током так, что она оказалась лежать снаружи, а подошвы от ее ботинок остались в камере. Маша, конечно, пострадала, но осталась жива, а были случаи и смертельные. А еще был случай совершенно нестандартный для электриков, больше никогда ничего подобного я на производстве не встречала, но то, что я вам расскажу, было на самом деле. Мы пускали первую очередь ТЭЦ, и когда схема была практически запущена, обнаружили участок, где сильно нагревалась электрическая шина. А это недопустимо. Делать ремонт, не обесточивая всю схему, ни теоретически, ни практически нельзя. Напряжение 10 тысяч вольт! Но обесточить всю очередь невозможно! Мы это понимаем. И тогда Миша Вельданов, башкир по национальности, старший из нас, наверное, лет на пять-шесть, вызывался делать ремонт под напряжением в 10 тысяч вольт на зеленой линии. И сделал. Сегодня мне самой это трудно представить, тем более, трудно в это поверить современным эксплуатационникам.

Проблем хватало на всех участках. Оборудование, поступившее с Волхова и Тихвина, было настолько разуконплектовано, что на месте не знали, как его собирать. Нина Семеновна вспоминает, например, как они охлаждали подшипники двигателей с фазным ротором в турбинном отделении, которые постоянно грелись, возможно, из-за неправильной сборки. Девчонки таскали для этого в чулках (больше было не в чем)

холодные камни или снег и обкладывали подшипники. Но несмотря ни на что, первая очередь ТЭЦ, а за ней и вторая были пущены. Константин Салихов, Григорий Баев, Сергей Долганов, Павел Копанев, Геннадий Гардабудских, впоследствии начальник цеха, были первыми кочегарами. Сергей Коноплев был в то время водосмотром. Вспоминает Нина Семеновна и первых ДИСов – Владимира Антоновича Рыбчинского, Модьярова, Лишека, ... Романа Попьяна, Генриха Цилкина, Петра Дика. Уже тогда они были для нее уважаемыми специалистами, непререкаемыми авторитетами-электриками. И что поражало и вызывало полное непонимание, так это то, что такие влиятельные мужи, как, например, Владимир Антонович Рыбчинский, невытяжку становился перед проверяющими сотрудниками спецотдела КГБ. Они, грамотные, образованные специалисты, рапортовали о режимах работы ТЭЦ служивым, дяденькам с улицы, ничего не понимающим в деятельности предприятия, более того, воспринимаящим каждый сбой в работе как диверсию.

– Помню, как сгорел двигатель на транспортной ленте топливоподачи. Сгорел от перегруза. Но Машу Слепову долго держали в спецотделе, замучили всякими допросами, требуя, чтобы она созналась в умышленном вредительстве и назвала виновных. Но Маша отстаивала только одну версию: двигатель сгорел от перегруза, – рассказывает Нина Семеновна.

Но даже такие факты не могли повлиять на их отношение к делу и коллегам. Совсем юным электрикам, с туго подтянутыми от недоедания поясами, хотелось порой не только плакать от усталости, но еще и петь, и шутить. Девчонки сочиняли частушки, обо всем и обо всех, и в любую удобную минуту исполняли куплеты собственного сочинения.

До 1946 года проработала Нина Семеновна на ТЭЦ, потом поступила в Краснотурьинский техникум, очень хотелось ей стать профессиональным электриком. Но не получилось окончить техникум, разные обстоятельства были тому причиной. В техникуме в те годы в первую очередь готовили специалистов для металлургического производства. И Нина год отучилась на металлурга, но очень хотела быть электриком. Однако, чтобы перевестись на другую специальность и учиться от министерства энергетики, ей нужно было заплатить неустойку:

-А денег у меня не было. Мама собиралась на имеющиеся сбережения корову купить, и поэтому я не смела просить эти деньги. Корова в тот момент для семьи была важнее.

С образованием не получилось, но профессиональным энергетиком Нина все же стала. По иронии судьбы, случилось это на Богословском алюминиевом заводе. Взяли ее на работу на пятую серию, но это уже совсем другой разговор.

- Теперь, наверное, уже мало кто помнит, что на месте шестой серии Богословского алюминиевого завода раньше была пятая. Предприятие практически самостоятельное, особого секретного режима, - рассказывает Нина Семеновна. - Директором серии был Глушков. А начальником РПП, ртутной преобразовательной подстанции, Владимир Семенович Усенко. Здесь-то я и работала. Ис большой благодарностью вспоминаю своих руководителей, потому что научили они меня очень многому. Сами грамотные специалисты, они сочетали требовательность в отношении к делу и справедливость к людям. А мне такие люди очень нравились.

Нина работала на обслуживании ртутных преобразователей, даже не задумываясь о том, какое это вредное и опасное для жизни производство. Для повышения квалификации ее направили в Волхов, и она с удовольствием поехала в командировку. Волхов представился ей необычным городом, его много раз упоминали на ТЭЦ в связи с тем, что в войну оттуда поступило оборудование. И поездка оправдала все ее ожидания.

Пятая серия запомнилась ей сплоченным коллективом, новыми успехами в ее профессиональном становлении.

А жизнь продолжалась...

Нина вышла замуж, родила троих

детей, и дальнейшая ее трудовая биография складывалась в электроцехе алюминиевого завода, где она встретила многих своих коллег по ТЭЦ и еще долго работала рядом с ними. Например, с Маргаритой Слеповой. Нет уже в живых ее подруги, а Нина Семеновна, слава Богу, здравствует.

Ей выпали на долю пять операций и самое страшное горе – пережить смерть сына. Но есть дочери, шесть внуков и двое правнуков, о которых Нина Семеновна говорит с искренней теплотой и любовью. В них – ее продолжение.

Она не представляла, как расстанется с электроцехом. После выхода на пенсию три года подряд каждое утро садилась на трамвай и ехала до проходной завода. Там ходила, плакала, думала, вспоминала и возвращалась домой. Три года!..

А теперь у прабабушки Нины время занято другим. Весь день проводит в хлопотах о детях и внуках. Еще почитать успевает, и Ромке новую игру придумать. Скоро он из детского сада придет, вон и люди уже с работы домой торопятся.

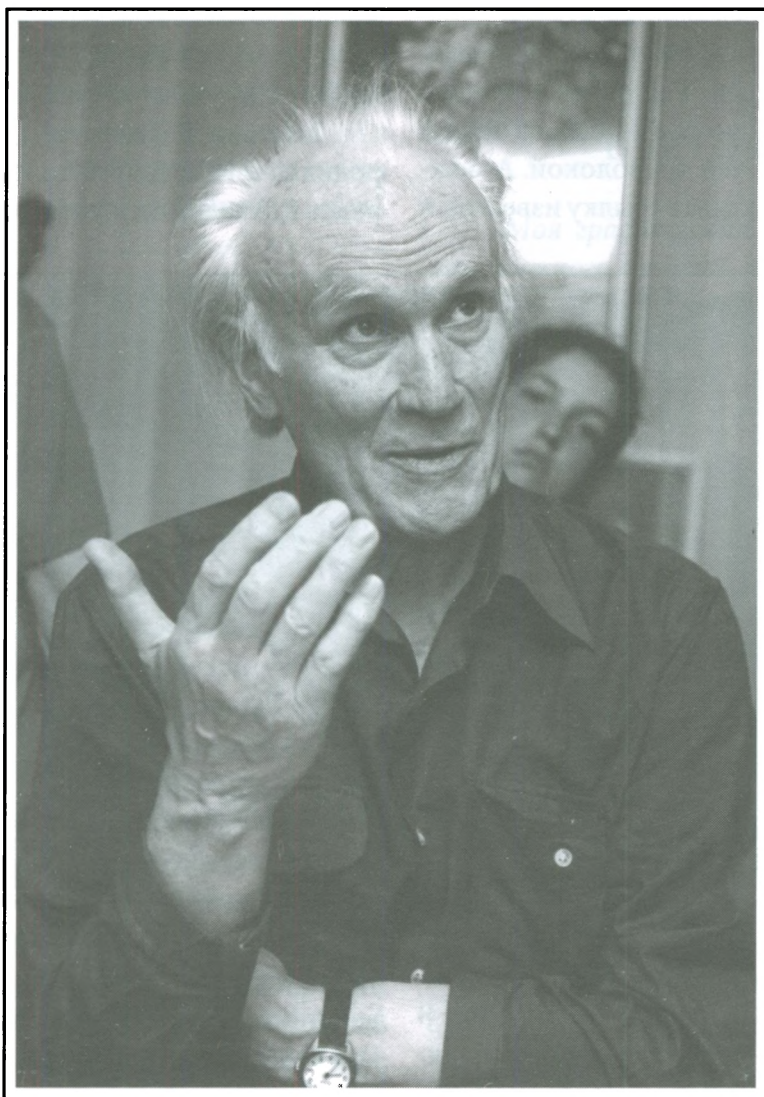
2004 год

*Современные виды Богословской ТЭЦ
Цех топливоподачи*

Уральский Вавилон в картинах художника

«Думая сегодня о пережитом, нужно признать, что те пятьдесят лет репрессий, которые выпали на мою судьбу, были наполнены усилиями, а временами и борьбой за сохранение человеческого достоинства, преодоление страха, недоверия и подозрительности, укоренившихся в народе в те годы».

М.В. Дистергефт

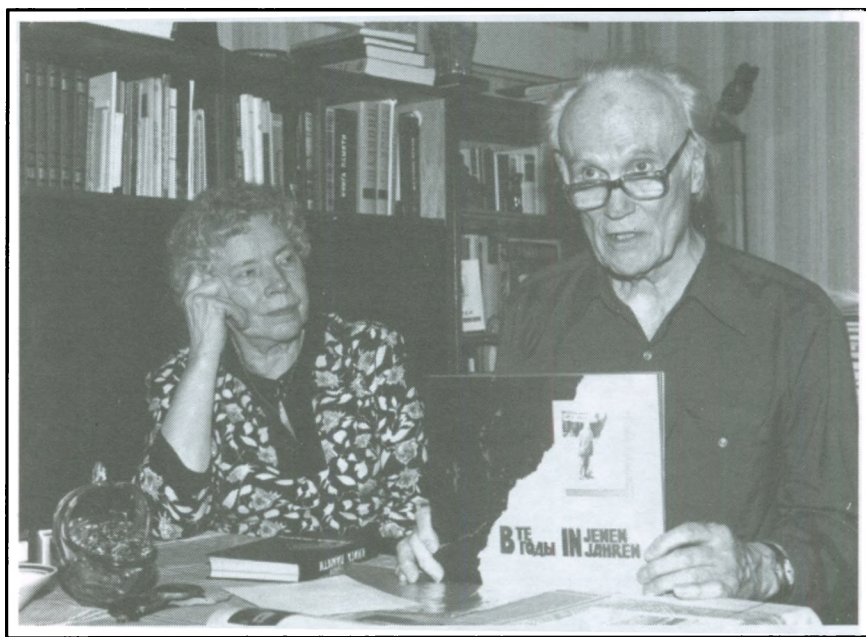

Сегодня уже немногие помнят о том, что в Карпинске в годы Великой Отечественной войны существовала зона немцев-трудармейцев, высланных на Северный Урал в соответствии с Указом Правительства о депортации немцев. Тем более, мало кто знает о том, какие люди сидели в нашем городе за колючей проволокой. А между тем, здесь отбывал ссылку известный

художника и услышать его рассказ о серии «В те годы», воспроизводящей сюжеты Карпинской зоны.

О ГЕРОЯХ

Михаил Васильевич Дистергефт родился в 1921 году. Учился в Ленинграде, в Академии художеств. Весной

на Урале, в Москве и за рубежом художник Михаил Васильевич Дистергефт. В лагере он познакомился со своей будущей женой Элеонорой Павловной, которая разделила с ним не только все тяготы неволи, но и осталась верным другом и единомышленником на долгие годы совместной жизни.

Сегодня они проживают в Нижнем Тагиле, где можно увидеть работы ху-

1941 года был призван в ряды РККА на действительную службу. С начала Великой Отечественной войны – в действующей армии. Артиллерист-зенитчик. По приказу командования в числе подбных по национальности был отозван в тыл.

Осенью 1942 года по повестке военкомата был мобилизован в угольную промышленность.

«...Ночью в грязных телячьих вагонах под конвоем привезли нас в город Карпинск на Богословские угольные копи. Здесь была зона со всеми ее атрибутами: колючей проволокой, бараками, вышками с «попками» наверху, и всеми «прелестями» тюремно-лагерного быта».

*(«Вспоминая те годы»,
М. Дистергефт).*

Но и здесь выживали люди и боролись за свое существование. Для М. И. Дистергефта – это было рисование. Без любимого дела он не мог жить.

Карпинский период (зона плюс поселение) закончился в 1951 году, когда художнику удалось добиться перевода на спецучет в Нижний Тагил, где Михаил Васильевич с отличием закончил художественное училище.

Первая выставка художника состоялась в 50-е годы, в выставочном зале Свердловского Горного института, и называлась «Богословские копи в дни войны». В 1967 году его принимают в Союз художников СССР. Он участник многих крупных выставок в Москве, Ленинграде, за рубежом.

Элеонора Павловна Дистергефт, урожденная Гронвальд, родилась в 1923 году. В 1937 году расстрелян ее отец, осенью 1942 года вместе с матерью репрессирована и она.

18 ноября 1942 года с эшелонам трудармейцев она прибыла в Карпинск. В Карпинской зоне познакомилась с Михаилом Дистергефтом. И 30 сентября 1944 года они поженились.

В Нижнем Тагиле работала экскурсоводом, главным хранителем и директором Государственного музея изобразительных искусств. Вела большую общественную работу по восстановлению памяти жертв политических репрессий.

В ТЕ ГОДЫ

«Моя графическая серия, отзвук трагического времени, памятный знак неушедшей беды, называется «В те годы». Она включает в себя 25 больших рисунков. Этот цикл имел широкую публикацию и получил премию в 1989 году».

М.В. Дистергефт

Михаила Васильевича Дистергефта я стала искать давно. Еще в 2001 году, прочитав в «Книге памяти», посвященной тагильчанам, жертвам репрессий 1917–1980 гг.» их с Элеонорой Павловной воспоминания, заинтересовалась необычными людьми, отбывавшими ссылку в Карпинске. Но связаться с ними быстро не получилось. Узнала, что проживают они в Нижнем Тагиле, а вот адрес и телефон найти не удалось.

Помогла найти Дистергефтов почти случайная встреча с работниками Государственного музея изобразительных искусств, где и сегодня экспонируются работы Михаила Васильевича и где много лет проработала Элеонора Павловна.

Они располагают к себе удивительным обаянием. В их квартире на стенах – работы Михаила Васильевича, выпол-

ненные маслом, и графика. Много книг. А они раскрывают одну. Прекрасное издание альбома «В те годы» на русском и немецком языках, где размещены графические работы, как раз о том времени. А дальше – совместный рассказ о пережитом. Волнующий. Эмоциональный. Со слезами на глазах. Трудно представить, что все, о чем нам рассказывали, происходило в Карпинске.

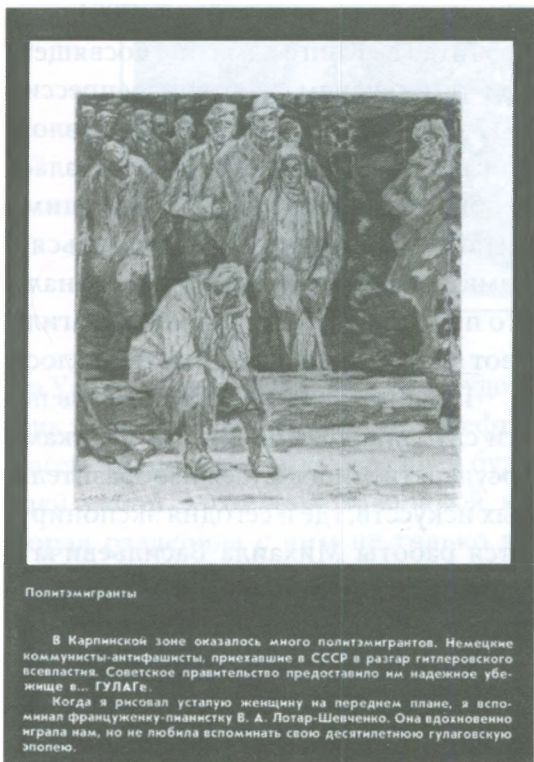
Михаил Васильевич открывает альбом:

– Этот триптих называется «Без права переписки». Такое понятие существовало в те годы. Хозяева положения на все запросы людей, искавших своих арестованных родственников, часто отвечали «осужден без права переписки». Как правило, это значило, что че-

ловека уже нет в живых. «Так отвечали нам на все запросы о моем отце», – добавляет Элеонора Павловна, – в то время, как он был расстрелян, практически сразу после ареста, в 1937 году».

– На другой работе – убитая женщина. Зона была огорожена колючей проволокой, по углам стояли четыре вышки с вооруженными охранниками. После того, как я сильно переболела, меня с угольного разреза убрали, и я стала работать внутри зоны в больнице, – рассказывает Элеонора Павловна. – Как-то захожу в больницу, а наша санитарка стоит и плачет. Спрашиваю, что случилось? Она показывает на женщину, тяжелораненую. Оказалось, что она развешивала белье близко к забору, и «попка» с вышки ее в упор расстрелял. А у нее в Серове трое детей осталось. Женщина умерла на наших глазах, так страшно, так жалко ее было. Таким же образом были застрелены еще двое: старик, собиравший щепки внутри зоны, и мужчина, который возвращался в барак и, обессиленный, навалился на забор, хотел, наверное, быстрее перелезть.

До перевода в больницу Элеонора Павловна копала ямы под столбы для трамвайной линии, работала выборщицей на разрезе. Идет транспортерная лента с углем, а женщины руками выбирают породу. Как-то у Элеоноры Павловны рукавичка зацепилась за породу. И сбросить ее невозможно: руку вслед за породой по ленте потянуло, прямо в бункер. Не на шутку она испугалась, но, слава Богу, обошлось. Мотористкой

Политэмигранты

В Карпинской зоне оказалось много политэмигрантов. Немедленно коммунисты-антифашисты, приехавшие в СССР в разгар гитлеровского всевластия. Советское правительство предоставило им надежное убежище в... ГУЛАГе.

Когда я рисовал усталую женщину на переднем плане, я вспоминал французскую планистку В. А. Лотар-Шевченко. Она вдохновенно играла нам, но не любила вспоминать свою десятилетнюю гулаговскую эпопею.

была на подаче угля. Мороз до 53 градусов доходил. Постой-ка на улице в пальтишке на ватинчике, ничем не прикрываясь от ветра! Постой-ка, отработай, да выживи...

– Картина «Изгнание» – это отражение ссылки, – продолжает Михаил Васильевич, – целыми семьями привозили людей в лесистую местность, выгружали, и поезд уходил. Нас привезли в бараки, утром проснулись, уже все бараки обнесены колючей проволокой. В одном бараке находилось 18 человек, трехэтажные нарты, печка-буржуйка, которую топили углем. А уголь нужно было принести с разреза. Каждый после работы должен был нести уголь. Изможденные от работы и голода люди по морозу и пурге должны были нести куски угля. Иначе и в бараке согреться было нечем. Так и называется следующая картина – «Несущие уголь». А вот здесь изображен отдел профилактической помощи, мы называли его отдел помощи подыхающим. Сюда переводили доходяг. Обрато оттуда никто живым не возвращался.

– Я работала в больнице, – это опять говорит Элеонора Павловна, – и видела в окно короб, который в течение дня наполняли трупами, а вечером подъезжала машина и увозила их. Везли на кладбище и сбрасывали в общую могилу.

– А это – сюжет из жизни Нижне-Тагильского лагеря, – комментирует следующую графику Михаил Васильевич, – у нас, в Карпинской зоне, университетов не было, а здесь сидели очень интересные люди. Например, известный на весь

мир спелеолог Петр Николаевич Бадер. Фигура мирового масштаба. Или академик Б.В. Раушенбах, который работал вместе с Королевым в области космонавтики.

Сидело в заключении много и других профессоров с известными именами. Так вот они собирались вечерами, за ними наблюдали, чтобы они не придумали какой-нибудь антисоветской организации, и каждый из специалистов читал лекции из своей области. Говорили все на немецком языке, совершенствуя его в зоне: «Раз нас посадили за то, что мы немцы, значит, мы и будем говорить на немецком языке».

Среди профессорского состава был Павел Николаевич Рикерт, «настоящий» немец, бежавший из фашистской Германии в Советский Союз. Он владел литературным немецким языком и учил говорить на нем остальных.

– «Победа за колючей проволокой», – продолжает Элеонора Павловна. –

Даже Победу нам было встречать тяжело. Если бы вы знали, как было страшно ощущать на себе отношение местных жителей! Они воспринимали нас как убийц их родственников, погибших на фронте. После болезни я работала в бухгалтерии разреза. У главного бухгалтера сын погиб на фронте. Знаете, как он смотрел на меня! Мне казалось, что он готов уничтожить меня взглядом.

– А вот здесь я изобразил первые послевоенные выборы, – это говорит Михаил Васильевич. – На выборы нас погнали строем. Впереди несли портрет Берии. Разве это был не фарс?

А вот здесь нам читают Указ о вечном поселении, изданный Верховным Советом СССР. Нас всех собрали в столовой и зачитали его вслух. Указ гласил, что мы определены на вечное поселение, и если мы отлучимся от места поселения более чем на 3 километра, это будет расцениваться как побег, за что предусматривается 20 лет каторжных работ. Это была трагедия! То, что мы попали в лагерь было полтрагедии, а вот вечное поселение – это настоящая трагедия!

– А у нас уже был маленький сынишка, – с горечью добавляет Элеонора Павловна. И в этой горечи до сих пор звучит тревога за будущее сына, а вернее, за возможное отсутствие этого будущего.

– А вот эта картина, посвящена иностранцам, – продолжает Михаил Васильевич. – Среди нас было очень много коммунистов-антифашистов, приехав-

ших из Германии в СССР в разгар гитлеровского всевластия. Советское правительство предоставило им надежное убежище – ГУЛАГ. Это Вера Августовна Лотар-Шевченко, блестящая французская пианистка, которая позже давала концерты по всем городам страны. А вот это – прибалты на уральском рынке меняют скрипку на морковку. Здесь вы видите триптих по мотивам Варлаама Шаламова, идея которого звучит так: «Не лезь, не бойся, не проси», – закон всех лагерников, выведенный им. Это тоже триптих – «Уральский Вавилон». Библейская история Вавилона оказалась губительной для города и людей. На Урал в начале 40-х годов были депортированы представители самых разных национальностей, но они понимали друг друга, их объединяло одно большое общее горе. Люди общались без знания языка.

– А это Михаил Васильевич изобразил, как мы выходим из лагеря втроем. У нас уже был маленький сынишка, – говорит Элеонора Павловна. «Позади – зона, впереди – поселение» – так называется картина. Приехав в Нижний Тагил, мы еще много лет ходили на отметку в комендатуру и сынишку пятилетнего таскали с собой. А в Карпинске, когда у нас родился сын, нам разрешили жить вне лагеря. И жили мы в доме, расположенном на углу, там, где от улицы Луначарского к базару поднимаетесь. Полы были дощатые, сбиты наспех, из щелей холод валил, я тогда научилась быстро сынишку пеленать, чтобы не заморозить его.

Зона трудармейцев располагалась примерно в том месте, как от базара идти вниз к разрезу. На трамвае ездили в зону военнопленных, которая находилась в так называемом Берлине.

Уехав из Карпинска в 1951 году, я больше туда не возвращалась, а Михаил Васильевич был там последний раз в 1968-м. А трамвай до сих пор в вашем городе по кругу ходит? На нем можно было доехать до нашего лагеря и зоны военнопленных. Он шел еще мимо большого кинотеатра, забыла, как он называется.

Последняя картина альбома - «58 статья. Враги народа». Со временем открывается все больше мест тайных расстрелов-убийств, содеянных в те годы, и массовых захоронений.

- Многочисленным жертвам тоталитаризма я посвящаю последний лист своей серии. С болью в сердце хотелось бы всех поименно назвать, - закрывает книгу Михаил Васильевич. Весь ее тираж, изданный в Москве, ушел за границу. Самому художнику дали только 20 экземпляров для проведения презентации в Нижнем Тагиле.

Имя Михаила Васильевича Дистергефта включено сегодня в составленный в Германии «Всемирный лексикон художников». Выходит он в Лейпциге и Мюнхене. Имя Михаила Дистергефта можно найти в 28-ом томе, рядом с Диснеем. К сожалению, даже сам художник не имеет этого издания, купить словарь ему предложили за 460 долларов, что совсем не по карману российскому художнику. Но есть в семейном

архиве ксерокопия титульного листа и той страницы, где написано о Михаиле Васильевиче.

Семейный архив - это отдельный разговор. Огромный материал, собранный Элеонорой Павловной о своем муже, начиная с 1954 года. Здесь оригиналы и ксерокопии газетных статей, буклеты выставок, письма, брошюры - все, что когда-либо было напечатано и издано о художнике Дистергефте. Просмотрев вместе объемную папку, мы убедились, что изучать ее надо не один день.

Занимаясь восстановлением памяти жертв политических репрессий, семья Дистергефт из года в год все больше и больше узнает о новых тайных захоронениях тех лет, не обязательно немецких. Кто бы мог подумать, что, например, след Катинского дела может отыскаться и на Северном Урале? Страшная расправа НКВД над несколькими тысячами ни в чем не повинных польских офицеров накануне Великой Отечественной войны в местечке Катюнь нашла

Элеонора Павловна знакомится с первой книгой «За колючей проволокой Урала»

свое продолжение под Верхотурьем, куда пришел эшелон из Варшавы с отправленными в ссылку поляками, знавшими об этой кровавой бойне. Они были обречены на ссылку и смерть на Северном Урале только за то, что знали правду.

Об этом эпизоде Михаил Васильевич прочитал вслух, а я вспомнила строчки, написанные им:

«Думая сегодня о пережитом, нужно признать, что те пятьдесят лет репрессий, которые выпали на мою судьбу, были наполнены усилиями, а временами и борьбой за сохранение человеческого достоинства, преодоление страха, недоверия и подозрительности, укоренившихся в народе в те годы».

Сохранение человеческого достоинства равносильно чувству свободы,

но сохранить его дано не каждому. Супругам Дистергефт это удалось.

А потом началась наша переписка. К сожалению, я получила только два письма от Михаила Васильевича. Переписка наша оборвалась внезапно, хотя, казалось, будет долгой. Я звонила на их домашний телефон, посылая открытки к праздникам. Тщетно. А через год раздался звонок из Германии. Говорил незнакомый мне Е.П. Эссер, который звонил по просьбе М.В. Дистергефта. Объяснил, что Михаила Васильевича привезли в Германию тяжело больного, недавно его прооперировали. «Он плохо еще говорит, но ясно мыслит. Просил позвонить Вам, сообщить о себе, передать большой привет!» - бодро сообщали мне на другом конце провода. Я была искренне рада и благодарна.

Н. Тагил
04.05.04

Уважаемая

Наталья Михайловна!

Хочется поблагодарить вас за присланную нам книгу памяти! Спасибо, большое! Это большой подвижнический труд - вот только усилиями таких энтузиастов останется что-то в истории о трудных судьбах миллионов русских (и не только - Россия всегда была многонациональной) людей.

Книга очень содержательная! Интересна разнообразием подлинных материалов, убедительных документов, фотографий и др.

Мне приятно было узнать, что Вы видели нашу вторую книгу и даже цитируете из нее. (тираж 1000 экз.). Я Вам послал 1-ую книгу (1994 г.) - тираж был 30000 экз. Таким образом, у Вас будет представление о моей серии рисунков и даже «портрету» меня и моей жены. А также (авторские) наши воспоминания.

Да, наша Карпинская эпопея не забудется никогда (1942 - 1951)!...

Многое вспоминается - было все! Но хорошее - тоже!... В профессиональном смысле на ноги, как художник, я встал именно там.

Интересно, что станется с моими картинами-пейзажами Богословских копей, которые украшали кабинеты самого высокого начальства? В связи с ликвидацией «Вахрушевугля» как градообразующего предприятия, куда они денутся? Есть один ответ - краеведческий музей! Каков он, может спасти, вместить в экспозицию или хотя бы в хранилище?

К слову, я прошу Вас связать меня с этим музеем, если он в рабочем состоянии. Я имею в виду всего лишь адрес и Ф., и., о., директора.

При возможном посещении Тагила, рады бы были познакомиться с Вами.

Желаем Вам доброго здоровья и успехов в благородном деле, которым Вы занимаетесь. Моя жена, музейщик с 30-летним стажем, искусствовед-реставратор, присоединяется к моим словам.

М. Дистергефт

Н. Тагил

27.06.04

Уважаемая, глубоко уважаемая

Наталья Михайловна!

Редкостный Вы человек, достойный глубокого уважения за все Ваши труды, мысли, желания, идеи... в деле сохранения истории - подлинной, а не удобной-удобной, лишь «определенной» части общества.

Почему правда всегда после, потом, спустя годы?...?

Почему опять вернулось больше, чем при....?

Мы понимаем друг друга вполне, совершенно. И, конечно, нам надо встретиться.

Я об этом писал Вам, но у меня такое чувство, что мое письмо Вы не получили, и особенно я уверовал в это, когда пришла ваша бандероль с вырезками из газеты, где Вы придумали приз моего имени. И спрашиваете моего согласия. Прежде всего - спасибо! Лора Павловна читала мне вслух дрожащим голосом, а где-то и со слезой... Словами мне, все, что мы чувствовали, не передать... Поэтому я сразу перейду к главному - это то, что касается премии моего имени.

Поймите меня, это не очень удачное решение хотя бы потому, что фамилия моя тяжелая, трудная, неблагозвучная. Всю жизнь я преодолеваю эту проблему и вижу: если ее можно не называть, ее обходят, пропускают...

К тому же, в Краснотурьинских лагерях и Карпинске были другие достойные люди. Ну вот например, кинорежиссер Правов, автор фильма «Бабы рязанские» и др.

(И., о. не знаю), Николай Эрдман, автор сценария к картине «Веселые ребята» (Кто не знает такое кино?) Но никто не знает автора. Или Петр Вельяминов, киноактер и очень известный, народный артист РФ. Я был знаком и дружил с художниками лагерного театра Брониславом Перко, Александром Дельва, Вениамином Гартунгом (который потом оказался главным художником Н. Тагильского драматического театра).

Или вот еще очень трогательная фигура - Владимир Александрович Леонгардт - заведующий литературной частью Большого театра СССР, которого посадили уже в зоне за одно слово правды. Для меня было бы дорого, если это имя как-то где-то сохранится (сохранилось бы!) Ведь он исчез навсегда! Я хочу назвать имена не менее интересные, которые носили яркие талантливые люди. Но скажу еще лишь - Рукк Николай Николаевич - генерал, Зам. командующего Уральским В.О. по капитальному строительству. В Карпинске он был счетоводом на кирпичном заводе (интересно?).

Вот примерно то, что вспомнилось вдруг, а если подумать?... Для Вашего конкурса-приза разве этого мало?

Извините, но свое имя я отвергаю и еще потому, что я есть, живой еще. Это неудобно и нескромно!

В письме моем к Вам я просил познакомить меня с директором краеведческого музея. Это связано с ликвидацией треста «Вахрушевуголь» и судьбой моих картин-панорам, которые украшали все начальнические кабинеты. Может быть, есть возможность их сфотографировать. Хорошо? Я полагаю, что они - картины - должны попасть в музей - это тоже история города.

Итак, мы ждем встречи - жена очень часто вспоминает Вас и перечитывает Ваши письма. По приезде в Нижний Тагил позвоните, у нас можно и остановиться. Сердечный привет от Э.П.

М. Дистергефт

А примерно через месяц все тот же Евгений Павлович Эссер сообщил о смерти М.В. Дистергефта. редакция городской газеты «Карпинский рабочий» попросила меня написать некролог.

«Каким длинным может быть путь от уральского городка Карпинска середины XX века до надгробной плиты на германском кладбище? Продолжительностью всего лишь в

жизнь. После тяжелой болезни на 84-м году жизни умер известный немецкий художник Михаил Васильевич Дистергефт...»

Я откладываю ручку и вспоминаю вопрос из его письма, видимо, мучивший всю жизнь: «Почему правда всегда после, потом, спустя годы?...»

2005 „Уж“

Хлебной корочки запах, зоны колючий забор.

Есть в Карпинске старая часть города, которая вот уже более полувека называется в народе «поселком» или «Берлином». Маленькие, едва заметные из-под земли, однотипные домики влачат свое жалкое существование на улицах Угольной, Горняков, Северной, Тельмана. Казалось бы, уже давно пора стереть их с лица земли, но, видимо, потому они еще и продолжают жить, что человеку трудно расставаться со своим прошлым, каким бы горьким оно ни было. В народных названиях этой части города отражается ее историческое прошлое. Начало «поселку» в 30-х годах положили высланные кулаки спецпереселенцы, в 40-х здесь держали в зоне немцев-трудармейцев. Название улиц тоже неслучайно. И в 30-х, и в 40-х здесь жили, а вернее, выживали те, кто работал на угольных копах.

А работали люди здесь разные. Среди согнанных со всей страны в трудармию немцев было немало известных личностей, как, например, кандидат технических наук, москвич по происхождению, Георгий Федорович Гебель.

«В 1943 году с фронта на Северный Урал, в Карпинск, был направлен кандидат технических наук Г.Ф. Гебель. При морозе за сорок градусов добрался он до основного цеха рудоремонтного механического завода, почти не в состоянии говорить. Обессиленный до того, что не мог

сидеть. Только лежать. При этом, как и всех остальных, его определили за колючую проволоку, посадили на голодный паек и направили работать на рудоремонтный завод. К этому времени из управления треста «Вахрушевуголь» был направлен на этот же завод талантливый карпинский инженер Иван Николаевич Воложенинов. Г.Ф. Гебель, И.Н. Воложенинов, а потом и И.Н. Кесслер были настоящими соратниками по технической службе завода. Каждый из них имел за спиной большой опыт в инженерной и преподавательской работе, обладал большой эрудицией, инициативой. Они практически были взаимозаменяемыми на ответственных должностях начальника технического отдела, главного конструктора и главного технолога».

Всех троих специалистов лично помнит жительница Карпинска, ветеран рудоремонтного завода Эльза Яковлевна Вальц, которая маленькой девочкой жила в бараке вместе с матерью, высланной в 30-х годах в район поселка Сосьва, а в 40-х направленной в трудармию на угольные копи. В ее детских воспоминаниях осталась и зона, и бараки, и люди...

– В ноябре 1942 года маму мобилизовали на работу на угольные копи. И только через полтора года, где-то в апреле 1944-го, мать, и то без разрешения начальства, забрала нас к себе. С вокзала мы шли по широкой дороге через

лес, потом вдоль нее выстроилась улица Ленина. Приехали мы уже вечером, и первое, что бросилось в глаза, это обилие электрических огней. Мы с братом их, по-моему, вообще в первый раз увидели. Поселились мы в бараке номер шестнадцать. Находился он на улице Почтамтской, и проживали в нем большей частью работники рудоремонтного завода. Жили тесно, и комната, в ко-

вая. Вокруг – колючая проволока, по углам – вышки. На них и в проходной стояла военизированная охрана. Вернувшись с работы, взрослые не имели права выходить из зоны. Мы же, дети, выходили свободно.

Наш уголок был на втором ярусе нар, на месте, предназначенном для двоих, мы расположились втроем. Тут же стоял сундучок с выпуклой крышкой и

Рудоремонтный завод. Эскаваторный цех, 1960 г. Пятеро на этом снимке, бывшие трудармейцы из 16-го барака. Элла Ивановна - в центре.

торой обитали ИТРовцы – в крохотной комнатухе их было пятеро – нам казалась роскошью. В остальных комнатах были трехъярусные нары, и в каждой жило по восемнадцать человек. В нашей комнате жили женщины с детьми. Общими в бараке были кухня и сушилка. Всего в зоне было восемь барачков, в одном из них находилась столо-

ручкой на ней. Это был мой письменный стол. Мама работала уборщицей. Триста рублей, получаемых ею, были чисто символическими. Ну что можно было купить на эти деньги? Булка хлеба стоила до четырехсот рублей, литр молока – сто рублей. Люди дорожили любыми обносками, пахучая корка хлеба не выходила из головы. По пропускам

мы ходили в столовую. Кормили баландой и один раз в день давали что-нибудь на «второе».

Самым тяжелым временем были зима 1942–43 годов и наступающая весна. Люди сперва тощали, потом начинали умирать от голода. Каждую ночь лошадь с санями объезжала все бараки, собирая трупы. Хоронили в братской могиле за подстанцией, расположенной у выезда из Карпинска на Волчанск. В любом бараке можно было видеть сильно ослабевших людей, которые не могли сходить даже в столовую за хлебом, а там нужно было еще выстоять огромную очередь. Люди занимали ее с середины ночи. Дежурили поочередно, по одному человеку из комнаты. Купленный хлеб развешивался самодельными весами и подобранными по массе незатейливыми «гирями».

В военные и первые послевоенные годы были очень суровые зимы. Помнится, что самая низкая температура, за-

фиксированная тогда в разрезе, была минус 56 градусов. Если ослабевшие люди по дороге с разреза останавливались и приседали отдохнуть, то погибали, замерзая. Стояли густые продолжительные туманы, бывало, люди блудили по городу в поисках дома. Выручали мерные удары колокола с пожарной каланчи.

Осенью 1945 года колючая проволока вокруг зон была снята, вышки разобраны. Мы воспряли духом. Но только в 1947 году нам разрешили занять земли под огороды. Место отвели там же, за подстанцией, на нашем кладбище. Долгие годы в междурядьях там выкапывались человеческие черепки и кости.

На многих предприятиях Карпинска можно было встретить в то время работающих военнопленных. Были они и на рудоремонтном заводе, и в энергоуправлении, и на строительстве. В это время начиналась прокладка трамвайных путей. Велась она чисто на общественных началах, бесплатно,

Рудоремонтный завод, 1949 г. Сидят: Слева - Г.Ф. Гебель, главный технолог, справа - Н.Г. Кесслер, главный конструктор, стоит вторая справа Э.И. Кениг, конструктор.

а дело спорилось. Возводился стадион, жилой массив, появился техникум. Недостатка в энтузиазме не было».

Среди семейных фотографий Эльзы Яковлевны есть снимок 52-го года, на котором она запечатлена рядом с баракком № 16, вместе с козой и подружкой Эллой. Девушки уже повзрослевшие. Бараки постаревшие, но целые. В эти годы Эльза с Эллой работают на рудоремонтном заводе, Эльза – в техническом отделе, а Элла – в конструкторском. Вспоминая те годы, Эльза Яковлевна отмечает особые отношения в коллективе инженерных работников, которыми руководили настоящие интеллигенты, люди большого ума и таланта. Собранные в военные годы сюда, за колючую проволоку, они самоотверженно служи-

ли своему делу, превращая завод из кустарных мастерских в предприятие с передовой индустриальной базой.

Сегодня многих из них уже нет, а память о них жива. И по сей день стоят металлические решетки, выполненные в чертежах Г.Ф. Гебелем, вокруг бывшего парка угольщиков и городской больницы. Георгий Федорович долгие годы добивался освобождения от комендатуры и возвращения в Москву. А когда добился, сердце его не выдержало. Он умер в Карпинске.

Ушла из жизни в прошлом году и Элла Ивановна Кениг, оставив о себе на заводе память как о замечательном конструкторе. Подруге же она завещала все, в том числе и фотографии, трепетно хранящиеся ею.

2001 год

В условиях прав и свобод

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья. Такими словами начинается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, известный в народе как Сталинский, хоть подписан он был Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. Калининым. Однако никто не сомневался в том, что сама идея принадлежит непосредственно Иосифу Виссарионовичу, изошренно отправляющему на голгофу миллионы ни в чем не повинных людей.

Далее в данном указе говорится о том, что «во избежание серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем чтобы переселяемые были наделены землей, и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах».

О том, как «оказывалась государственная помощь переселенцам», свидетельствуют многочисленные лагеря

трудармейцев, в том числе и зона, находившаяся в 40-х годах в Карпинске. Девочкой-подростком оказалась в ней Анна Матвеевна Эйдемиллер (в девичестве Гильфер), проживающая сегодня в Волчанске.

Она мне позвонила, и мы с ней встретились.

Что сразу поразило, так это начитанность Анны Матвеевны. И газету «Карпинский рабочий» она читает регулярно, заочно знает многих корреспондентов. Помнит материалы почти двадцатилетней давности и до сих пор неравнодушно говорит о них.

Обостренное чувство справедливости, характерное для этой уже немолодой женщины, и подвигло ее на единственную в жизни встречу с журналистом.

– Я поняла, что надо успеть рассказать, – с волнением произносит она.

История ее жизни, наверное, не менее и не более трагична, чем судьбы других представителей этой национальности, а поэтому имеет полное право прозвучать в 64-ю годовщину со дня выхода августовского Указа, как реквием по невинно загубленным душам, чья смерть была предопределена этим документом. Другие же документы, в том числе и о реабилитации, подтверждают огульность и надуманность обвине-

ний августовского Указа. Я умышленно не комментирую их, сохраняя подлинный стиль всех источников, только сопоставляю с искренними воспоминаниями женщины, записанными на диктофон.

«...ВО ИЗБЕЖАНИЕ СЕРЬЕЗНЫХ КРОВОПРОЛИТИЙ»

– Родилась я в Одесской области в 1926 году, – начала свой рассказ моя собеседница. – Моих родителей раскулачили. Жили мы в селе. Мама с папой держали лошадь, корову. В семье было пятеро детей, все девочки. При ссылке один ребенок умер в дороге. Сначала папу забрали. Соединили нас только на Урале, на станции Коптяки. Мне тогда четыре года было. В Коптяках прямо на станции варили есть, ягоды в лесу собирали, которые мы первый раз на Урале увидели. А потом нас отправили в спецпоселок – Новую Лялю. Поселили нас в барак с огромными щелями. Папа сам их конопатил, чтобы холод не поступал вовнутрь. Холод нас измучил. Мы бредили Украиной, это же был цветущий край в отличие от холодного Урала, и мы каждый день только про Украину и говорили, и папа, видимо, решил туда бежать. Он очень работающий был. Работал много. Он все деньги копил, чтобы убежать, мы ведь под комендатурой жили. А он все равно решил убежать. Это была великая

его тайна, а предал его друг, рассказав обо всем коменданту. И папу посадили. Мы приставали к маме: «Где папа, где папа?». Она отвечала, что скоро приедет.

После ареста отца нас сразу выгнали из отремонтированного им барака и поселили в другой, который опять светился щелями. Мама осталась с четырьмя детьми одна. Она очень горевала, ведь никаких доходов у нас не было. Мама не работала – ее никуда не брали. А ведь она была из дворян. Отец ее был дворянином. Мама часто про него рассказывала. Он был учителем и имел небольшое имение. Мама, 1905 года рождения, окончила четыре класса, что для девочки в то время было очень много. Где остался дедушка, я не знаю. И что с ним стало, нам тоже неизвестно. Но маме кто-то присылал крупу. Она варила нам из стакана крупы похлебку. Это все, что мы ели.

А как-то проходит мимо наших окон незнакомый мужчина, сестренка говорит: «Ой, как на папу походит». А мужчина как раз заходит к нам и спрашивает: «Вы не знаете таких-то, где они теперь живут?». Это и был наш папа. Но пожил он с нами недолго. Устроился работать шорником на бумажный комбинат и вскоре умер. В заключении о смерти написали, что умер он от тифа, а люди говорили, что он получил смертельную травму на бумажном комбинате. Никакой пенсии нам не назначили. Мама от горя сошла

с ума, заболела шизофренией. Ее положили в Серове в больницу, а мы, четверо девчонок, остались одни. Пришел комендант, чтобы отправить нас в детский дом, но какая-то наша дальняя родственница, жившая здесь же, не позволила, сказав, что наша мать совсем этого не перенесет. Тогда ей разрешили взять страшную сестру к себе, а нас, младших, отправили все же в детдом, в Новую Лялю. И мы там жили. Когда мама вернулась из больницы, сразу приехала в детский дом и стала просить: «Отдайте мне еще хоть одну», и тогда отдали меня.

В нашем спецпоселке была школа. И, что удивительно, в ней были немецкие классы. По-русски мы уже говорили, научились очень быстро, хотя на Украине не знали ни одного русского слова. Но в первый класс я пошла в немецкий. Моего первого учителя звали Адольф Генрихович Штензих. Я прouчилась у него два года, до детского дома. А когда возвратилась, этих классов уже не было, видимо, расформировали. И я пошла в русский класс. Стоянов Иван Арсентьевич стал моим первым русским учителем.

В спецпоселке мы жили до войны. С наступлением войны нас выслали на лесозаготовку Караул. Как выслали? Посадили на подводу и повезли. Мы ведь были беднотой голимой - с собой и взять нечего. От Караула еще в поселок Малую Лапту увезли. Там лапти плели. И мама стала работать, и нас, подростков, заставили.

По ледяной дорожке на санях бревна вывозили. Уже осень была. Сани большие, их нагружали доверху. А мы дорожки вырубали и чистили. Так я работала до трудармии, что осталось без внимания при начислении пенсии. Там тоже был комендант, и он разместил нас по квартирам.

- Вам объяснили, за что вас снова выселяют? - спрашиваю я.

- Нет, никто ничего не говорил. Мы были под комендатурой, мы были невольные люди, подчинявшиеся всякому приказу. До сих пор не знаю, почему нас выслали из Новой Ляли. Но предполагаю, что из-за того, что эвакуировали туда военные заводы. Или, может быть, был какой-то приказ.

Не приказ, а Указ от 28 августа 1941 года. Немцы, высланные ранее, не только из Поволжья, но и из других регионов СССР в результате политики раскулачивания, вновь переселялись. В чем был великий смысл переселения из Новой Ляли, например, в Малую Лапту, понять трудно. Уральская тайга и холодная зима были самыми надежными стражами, от них было трудно убежать.

- И вот я там работала, малолеткой, - продолжает Анна Матвеевна. - Нам тогда надо было учиться, а мы работали. Учиться нам не позволили.

А осенью нас взяли в трудармию, в Карпинск. Со всех поселков собрали очень много людей и пешком повели в Карпинск. Нас было так много! И все шли пешком.

**«...И ЧТОБЫ БЫЛА ОКАЗАНА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПОМОЩЬ»**

- Шли несколько дней, - рассказывает Анна Матвеевна, - помню, что проходили через поселок Каквинские Печи. Пришли в Карпинск, нас в бараки расселили. В бараках - трехэтажные нары. В лагере было три зоны, все они располагались рядом, если ехать из Волчанска в Карпинск, то лагерь находился справа. Комнаты были небольшие, а жили в них по пятнадцать человек. Я была подростком. Нас забрали вместе со старшей сестрой Элей, а маму оставили в Лапте.

Еще до трудармии я навещала сестер, которые остались в детском доме. Как-то мама мне говорит: «приведи младших, хоть повидаться», она думала, что начнет работать, жизнь наладится и она заберет девочек, Я пришла к ним, а их увезли, даже ничего нам не сообщив. Сестренки были дошкольницами, и весь детский дом куда-то увезли. И мама стала их искать, искать, писать везде. и нашла их уже во время войны в городе Аханске. А ехать ведь нельзя, никуда нас не отпускали. Под комендатурой мы! И мама так плакала, плакала, утешая себя тем, что война кончится и она заберет детей к себе. А одну из сестер тем временем уже отдали на удочерение. Мама писала: «Верните дочку в детдом, я сама своих детей заберу». И ее отдали обратно. Сменили ей только отчество. До сих пор

она одна из нас четверых живет под другим отчеством. Но мама детей своих уже не увидела, погибла в 1944 году.

Ее оставили в Малой Лапте. Первого мая она вышла на дежурство. всех переселенцев обязывали по ночам с колотушками дежурить. И вот она вышла на дежурство и больше ее никто не видел. Мы узнали об этом только 14 мая. Кто-то пришел в зону к своим и сказал нам, что наша мама потерялась. Нашли маму убитую в лесу. К тому времени она завела уже коз и держала их в подвале. А в войну за кусок хлеба убивали, не то что за козу. Очень бедно мы жили. Но вот были у мамы уже козы, ягоды, которые она собирала. Ее нашли в лесу и похоронили без нас, и нам никто даже не сообщил. Потом уже старшая сестра со своим будущим мужем выпросилась у коменданта и, опять же пешком, сходили туда, поклонились маминой могилке, поправили ее, забрали чудом оставшихся коз и привели их на Волчанку.

В зоне мы работали на разрезах. Я работала на выборке угля. С разреза в зону мы ходили всегда пешком и еще обязательно несли кусок угля. К зоне шли по натянутой веревке, друг за другом, если уголь не несешь, в зону не пускают. Холодно, очень холодно. А еще уголь в руках нести надо, чтобы отапливать печки в бараках. Я заболела и вообще идти не могла. Два раза меня освободили от работы, совсем я дистрофиком была. От работы освобождали, но не лечили. Мы просто лежали и ждали, когда умрем. Кто выживет, снова дол-

жен идти на работу. Выжила и я... Настоящий концлагерь был, только не признают этого теперь. На работу нас всегда вели строем, под охраной с автоматами. и зоны охранялись автоматчиками с вышек. Тогда была война, была война! – с горечью восклицает Анна Матвеевна, словно в оправдание действий правящего режима.

– Помню, что начальником разреза в Карпинске был Гончаров – продолжает она. Начальником участка был Сбарский, мастером – Силюхин. А потом уже, в 1944 году, нас, сорок человек, из Карпинска переправили на Волчанку, где была сделана вскрыша разреза, чтобы добывать первый уголь. На Волчанке нас разместили в брезентовых палатках, рядом с зоной волчанскстровецев, которые и делали вскрышу, а мы назывались угольщиками. В палатке мы жили и летом, и зимой. Летом – жара невыносимая, а зимой – холодина невыносимая. Печки были железные, но грели они плохо. Нары были двухэтажные. Здесь мы познакомились с Николаем. Через год нас переселили в барак, освобожденный, видимо, после заключенных.

Этот дом, в котором мы сейчас живем, построили в 1945 году и дали здесь комнату моему свояку, мужу сестры. Мы тоже тогда сошлись с Николаем и хотели остаться в бараке, но свояк говорит: «У вас ничего нет и у нас тоже. У нас хоть ложки-чашки есть, пойдемте с нами». И мы жили, пять человек в одной комнатке. И дружно жили сколько лет! А потом им дали другую комнату, а мы остались здесь.

Анна Матвеевна и Николай Егорович Эйдемиллер, 1950 год

В Волчанске тоже был комендант, отмечал нас перед работой и после возвращения в палатку. До 1956 года мы все время были под комендатурой, а так с 1931 года. В общем, всю жизнь. Несмотря на то что работали мы принудительно, государство это нам теперь никак не компенсирует.

– А Вы помните День Победы?

– Конечно, так радовались все! Надеялись, что с Победой закончатся наши страдания. Все время на что-то надеялись... Правда, Николай? – обращается она к мужу.

Николай Егорович Эйдемиллер родом из Ленинградской области, мальчишкой учился в школе ФЗО, в километрах 250-ти от Ленинграда. Они дол-

жны были строить электростанцию, но тут началась война. И им пришлось грузить предназначенное для новостройки оборудование, с которым их и отправили в Московскую область.

- Из Молотова военкомат нас направил в Карпинск. В Карпинской зоне я встретился со своим однофамильцем из той деревни под Ленинградом, где мы вместе жили. Он был старше меня, человек грамотный, военный. А встретились в одной зоне.

Когда мы на Волчанку прибыли, то сначала строили пути, - рассказывает Николай Егорович. - Строили временные эстакады, потом добычные участки - четвертый, второй, первый. Сначала я работал простым рабочим, а потом попал на машину, помощником машиниста, были маленькие деревянные машины (экскаваторы). Потом пришел новый экскаватор, и моего машиниста первели на него работать, а я остался машинистом на своем. Здесь же и трест был, где принимали экзамены на машиниста.

- Ковш знаешь? - спрашивают.

- Знаю.

Так всю жизнь на экскаваторах и проработал.

- Коля, ты ведь первый ковш угля поднимал, - подсказывает Анна Матвеевна.

- Ну, было дело.

- Об этом даже в газете писали, только в фамилии ошибку сделали, - поясняет Анна Матвеевна. - В 1975 году ушел он на пенсию. Потом, правда, грузчиком работал, рубщиком мяса. А я бо-

лела часто, все время меня хоронили. Операцию тяжелую перенесла, семь ребер у меня убрали. Полиартрит еще с детства был. А я даже не инвалид, не признали таковой. Трех дочек родила, всех с Колей вырастили. Сейчас за внуков душа болит.

- Анна Матвеевна, а сестер Вы своих нашли, которых в детском доме оставили? - задаю мучающий меня вопрос.

- Да, нашли, хоть и возили Каролину с Розой по всей стране. Мамы уже в живых не было, мы с Элей их разыскали. До сих пор все живы, слава Богу! Одна сестра живет здесь, на четвертом, вторая - в Талды-Кургане, а старшая, Эля, - в Германии.

ПОЛНОСТЬЮ РЕАБИЛИТИРОВАНЫ

- Справки о реабилитации мы получали в Карпинске, - показывает мне документы Анна Матвеевна, - в 1994 году приезжало из области начальство, в том числе помощник прокурора области В.А. Волков, им и справки все подписаны. Нас, бывших трудармейцев, было много. Как толпой в лагерь гнали, так толпой и реабилитировали. Я посмотрела свою справку и говорю, неправильно написали мой возраст: «по достижении 16-ти лет», мне ведь еще не было 16-ти, когда меня в трудармию взяли, я была малолеткой. На что этот Волков мне грубо ответил: «Если вас это не устраивает, то вообще ничего не получите». Я скорее взяла справку и ушла.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Прокуратура РФ

Прокуратура Свердловской области

№ 13\1652-94

Дана Эйдемиллер (Гильфер) Анне Матвеевне 1926 года рождения в том, что она в марте 1931 года была подвергнута политической репрессии: незаконно по социально-классовому признаку выселена из Одесской в Свердловскую область, в 1946 году поставлена на учет по национальному признаку, где по достижении 16 лет была поставлена на учет как ссыльная, привлекалась к принудительному труду, находилась на спецпоселении в условиях прав и свобод до 18 января 1956 года. На основании ст. 1.3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года полностью реабилитирована.

Старший помощник прокурора области

Советник юстиции

В.А. Волков

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Прокуратура РФ

Прокуратура Свердловской области

№ 13\1654-94

Дана Эйдемиллер Николаю Егоровичу 1925 года рождения в том, что он в феврале 1942 года был подвергнут политической репрессии: незаконно, по национальному признаку выселен из Пермской в Свердловскую область, где привлекался к принудительному труду, находился на спецпоселении в условиях прав и свобод до 18 января 1956 года. На основании ст. 1.3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года полностью реабилитирован.

Старший помощник прокурора области

Советник юстиции

В.А. Волков

– Нас сюда, когда присылали уголь добывать, специалистов мало еще было, – вспоминает Анна Матвеевна. – В Карпинске я работала на выборке, здесь – мотористкой. А потом и мастером была. А сведений о моей зарплате никаких не сохранилось. Говорят, что справок о том, что я на разрезе работала, в архивах нет. Сегодня вся моя пенсия составляет 1600 рублей,

больше не заработала, а трудовой стаж насчитывает 57 лет, 2 месяца и 29 дней вместе с трудармией. Зарплата же для начисления пенсии взята только за послевоенные годы. Как же жить сейчас на эти деньги? И что власть думает о нашей жизни? Раньше времени нас на погост отправляет.

Власть думает, что не отвечает за преступления прошлой власти.

2005 год

Камень для плотины

Сосновка – один из самых молодых поселков в Карпинском районе, хотя жизнь еще в девятнадцатом веке проходила недалеко отсюда, километрах в двадцати, в поселке Боронском. Это же болотистое место люди обходили стороной. Основанием Сосновки считают 1945 год, когда из Краснотурьинска, из зоны Богословлага, сюда были направлены первые немцы-трудармейцы для заготовки леса, необходимого для строительства корпусов Богословского алюминиевого завода.

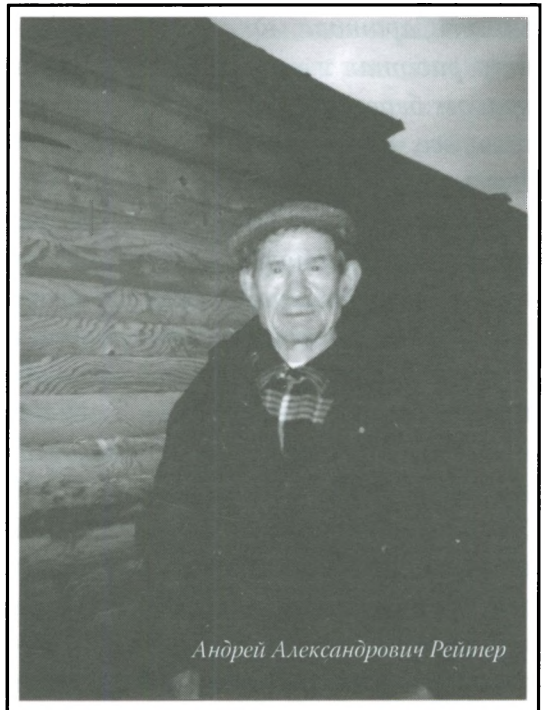
-А нас привезли уже в 46-ом, - рассказывает Андрей Александрович Рейтер, - сторожил поселка. – Тогда здесь только три барака стояло, общежития для мужчин. Все мы были из бывшего лагеря, говорили между собой по-немецки, русский знали плохо. Колючей проволоки здесь не было, вышек с охранниками тоже, но и свободнее мы не стали. Я был старшим по бараку и со списком ходил к коменданту отмечать всех. Комендант тот, и сейчас живет в Краснотурьинске, видел я его, венниками на базаре торгует.

Дом Андрея Александровича расположен на возвышенности, улица тоже Нагорной называется. На старых же фотографиях первые бараки, и

правда, стоят среди болота, подходы к ним - по высоким лежневкам, вокруг – сосновый бор. Вот и назвали это место в последствии Сосновкой.

- Работал я грузчиком сначала в лесосеке, потом на нижнем складе, - вспоминает Андрей Александрович. – В деляне в 40-е годы уже лошадка лес грузить помогала. Тянула вверх по наклонной плоскости сваленные хлысты, а мы потом тащили их в машину.

Смотрю я на хрупкого, невысокого роста Андрея Александровича, и не

Андрей Александрович Рейтер

представляю его в роли грузчика огромного хлыста. А он, словно читая мои мысли, продолжает:

-Здесь уже было легче, самое страшное время осталось позади, - тихо говорит он.

Из деревни Кауц Республики Немцев Поволжья семью Рейтер выслали 17 сентября 1941 года с последним эшелонном. Андрею шел тогда 21 год, он был женат, имел двухлетнего сына. Его отца как врага народа забрали в 1938 году. Еще раньше была репрессирована семья самой старшей сестры Марии и отправлена в Котлас. Теперь настала их очередь – Андрея, его жены с ребенком, его семи братьев и сестер, их матери.

-Я работал в колхозе трактористом, - вспоминает Андрей Александрович, - мог управлять и комбайном. Деревня наша находилась в ста километрах от Саратова, на левом берегу Волги, а работал я в русском колхозе, на правом берегу. Оставили дом, хозяйство, все, что было нажито своим трудом, - медленно говорит Андрей Александрович, и также неспеша, продолжает, - в вагоне только нары в три яруса. Очень много народа. В Сибирь ехали долго, потом нас выгрузили на станции, перегрузили на пароход и по реке повезли дальше.

В тихом монотонном рассказе Андрея Александровича не чувствуется ни боли, ни обиды. Все давно перегорело. О людях он говорит, как о неодоушевленных существах, которых бессмысленно перегружали туда-сюда. Они и не понимали смысла в своем переселении,

угнетала неопределенность, болела душа за оставленный дом. В Омской области он опять работал в колхозе.

- Да какой там колхоз, - разочарованно усмехается Андрей Александрович. - Разве это хозяйство? Хлеб там не рос. У нас на Волге какой пшеница была, а яблоки, груши?!

В новый 1942 год, 2 января, его жена родила дочь, которая прожила всего двадцать дней. А вскоре – вновь расставание. Андрея со старшим братом призывают в трудармию. 17 февраля 1942 года их привезли на Северный Урал и выгрузили на 14 разъезде. Армия оказалась зоной с колючей проволокой, вышками и охраной.

-В бараках были нары в два яруса, а на них - ничего, - словно и теперь удивляясь, - вспоминает Андрей Александрович. - Поверх досок стелили то, что было надето на нас.

Утром одежду одевали на тело и шли под конвоем на работу. Охранники с ними не говорили, но каждый из них знал, что «шаг влево, шаг вправо – расстрел». Первые месяцы пребывания в лагере, Андрей «делал» камень для строительства плотины. Он так и говорит «делал». Заключенные долбили зубилом в скале отверстие под взрывчатку, потом рабочие ее туда закладывали, и взрывом разносило камень на части. Они грузили осколки и вновь долбили скалу. Удар по зубилу, еще удар и опять удар.

Андрей Александрович складывает пальцы, так, как в них лежало зубило, и я физически ощущаю, как боль

отдает в палец, в ладонь, в руку и во все тело.

– Однажды один из наших во время взрыва не успел отойти, - продолжает Андрей Александрович, - огромная глыба сверху накрыла его.

– Много умерло людей на плотине? – спрашиваю я. –

Он поднимает голову, смотрит на меня и... молчит.

И я понимаю, что 3500 фамилий, перечисленных на установленном у плотины мемориале – это только часть тех, кто погребен в братской могиле на дне Богословского пруда.

– Нас никто не считал, нам ничего не объясняли. От нас требовали только работы и повинования, - тихо продолжает Андрей Александрович. – Я бы тоже, наверное, умер на плотине, но меня перевели в лес, на тот участок, который теперь называется Брусничным.

А тогда это был 20 километр. Разъезды, участки в лесу, поселения – все обозначалось номерами. Эта система была принята в НКВД с учетом особой секретности. Поэтому все воспоминания невольников Северного Урала пронумерованы. И Сосновка была сначала не поселком, а 3-м леспромхозом. Несмотря на то что бараки стояли среди болот, питьевой воды здесь не было, что очень затрудняло положение первых людей, прибывших сюда. И все же это место было райским по сравнению с лагерем. Здесь их уже не били, не пугали автоматной очередью, не травили собаками. А работы они сами никакой не боялись.

– После заготовки леса перевели меня на нижний склад, опять грузчиком. Там я и доработал до пенсии, – словно, подводя итог, заканчивает Андрей Александрович.

Сосновка – немецкий поселок. Все трудармейцы, прибывшие сюда в 1945-46-ом годах осели здесь. Кто-то из них воссоединился с семьей, другие женились здесь, когда в начале 50-х годов по оргнабору в Сосновку прибыли женщины с детьми, матери-одиночки. Предполагают, что данная акция была спланирована «в центре» именно с целью закрепления на Северном Урале немецкого мужского населения. Намерения оправдались. Русские женщины стали сходиться с мужчинами-немцами, рожать детей, которые при этом оставались на фамилиях матерей. За детей и их будущее боялись. А в общем на Сосновке ни тогда, ни потом не было межнациональной неприязни. Русские с немцами жили здесь дружно, что не было характерным явлением для Северного Урала 40-х годов. Может, причина тому и есть женский оргнабор. Так или иначе, но не было на Сосновке и теперь нет между усадьбами высоких заборов, скрывающих соседей друг от друга, нет массивных ворот, с обязательной табличкой «Во дворе злая собака» - отличительная особенность не только поселков Северного Урала, но и частного сектора в городах. Сосновка, и правда, какая-то открытая, светлая. С аккуратными калитками из низкого штакетника и цветами у окон, опять же не уральскими, а привезенными из средней полосы России.

А к Андрею Александровичу Рейтеру в начале 50-х приехала из Сибири вместе с сыном его немецкая жена. Здесь у них родилось еще четверо детей. И прожили они в мире и согласии долгую жизнь. В юбилейный для Сосновки 1995 год большую семью Рейтеров чествовали в местном клубе. Я смотрю на фотографию и не могу скрыть удивления. Вся сцена занята большими и маленькими людьми, женщинами и мужчинами.

-Тогда нас было 34 человека, - рассказывает внучка Андрея Александровича Лиля, с семьей которой он сейчас живет. - Видите, в центре дедушка с бабушкой сидят, нам с сестрой-близняшкой Викой еще по десять лет было. А сейчас мы с ней уже пединститут

окончили, и семья наша за эти годы увеличилась, - говорит Лиля, качая на руках месячного сына Сашу. - Сейчас у дедушки только правнуков 22, а есть еще пра-правнуки.

- Сможете вспомнить всех? - смеюсь я, - обращаясь к Андрею Александровичу.

И он серьезно отвечает:

-Правнуков точно назову, да и праправнуков тоже.

- В доме этом уже, наверное, все не поместиться?

- Нет, - улыбается Лиля. - Раньше стол был специальный, стулья, которые держали для такого случая, посуда специальная была, а теперь и этого всего не хватит, чтобы всю семью в доме собрать.

Сосновка осенью

Усадьба А.А. Рейтера добротна и ухожена. Во дворе - ни соринки. Восхищаюсь этим вслух.

-Я порядок люблю, - говорит Андрей Александрович. - А поэтому за двором смотрю.

- Сам? - удивляюсь я, помня, что хозяину уже 80.

- Дедушка у нас удивительный, - рассказывает Лиля. - Он не только за домом смотрит, при необходимости и сготовит хорошо. Сам тесто опарное ставит, плюшки, булочки испечь может. На зиму помидоры, огурцы закатывает. Он все умеет делать. Раньше, когда семья вся вместе собиралась, на гармони играл, пел.

Андрей Александрович смущенно улыбается,

- Да я так для себя, не учился ведь. Когда на Волге жили, в семье все на му-

зыкальных инструментах играли - гармони, цимбале, баяне. Семья большая была. Нас, детей, десятеро было. Старшей сестре в этом году 90 исполнилось, в Германии она живет. И сын мой старший с семьей там.

В трудные 90-е годы из Сосновки уехало много немецких семей. Отъезд был массовым. Всем ли хорошо на исторической родине - вопрос другой. Уезжали в основном из-за того, что Вагранский леспромхоз, единственное промышленное предприятие поселка, обанкротился. Не стало работы. Замерла жизнь на Сосновке.

- А вы почему не уехали? - обращаюсь к Андрею Александровичу.

- Не хочу, - тихо говорит он. - Кем я там буду? Русским немцем?.. Нет, Сосновка - родина моя.

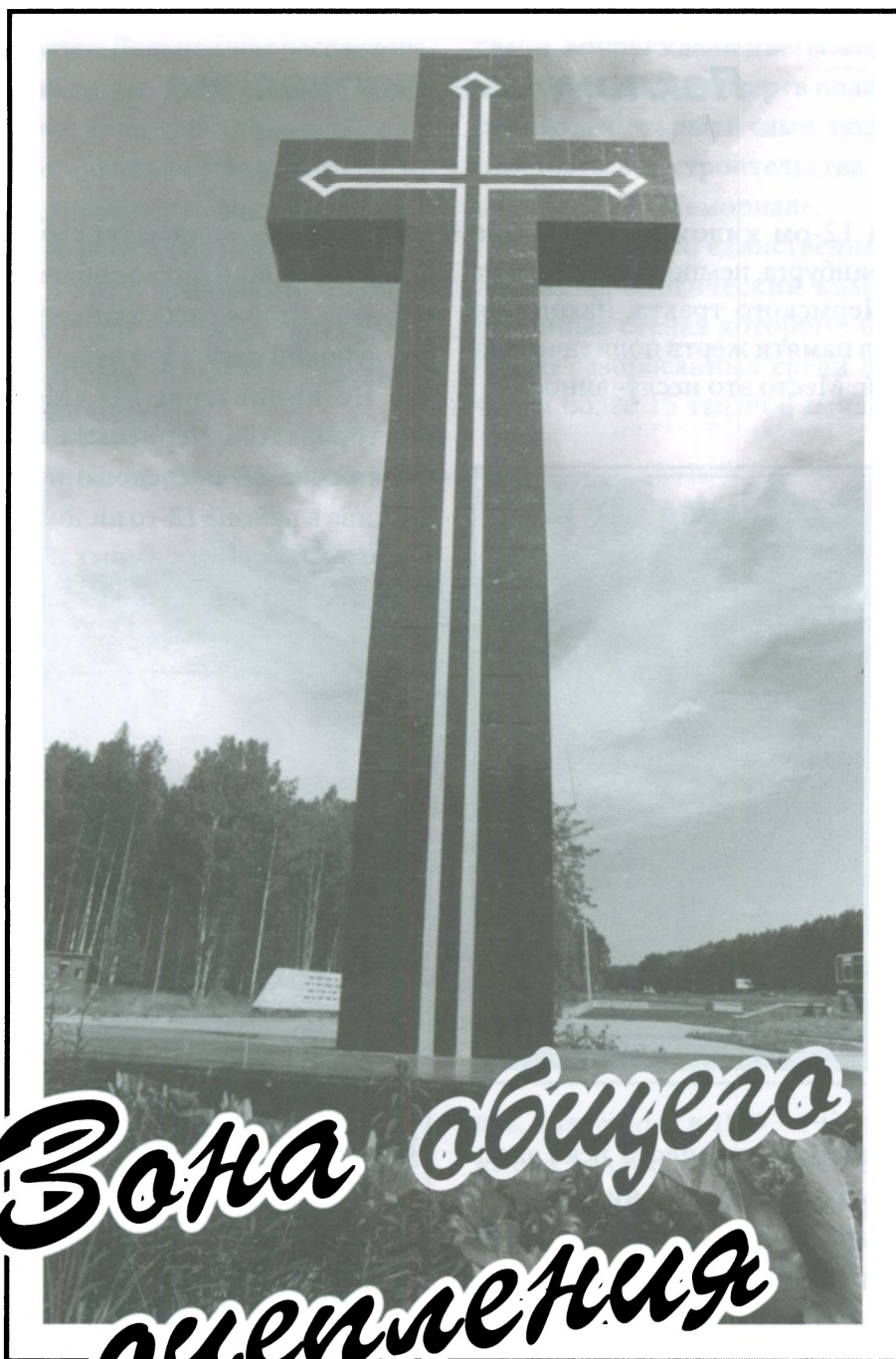

– Родина?.. – переспрашиваю я.

Он молчит. На вид хрупкий человек, до сих пор говорящий с сильным немецким акцентом. Оглядываю уютный дом, где в каждом уголке притаились любовь и забота. В доме на

Волге заложили Андрею то, что пронес он с собою по жизни – любовь к ближнему своему, уклад и национальные традиции немецкой семьи. Двадцать два правнука! В этом весь смысл жизни его.

2004 год

**Зона общего
оцепления**

Часть 3

Поклонение и покаяние

На 12-ом километре от Екатеринбурга, немного в стороне от Пермского тракта, находится Мемориал памяти жертв политических репрессий. Место это неслучайное.

ки, в 1988 году, один из тех рабочих пришел в Екатеринбургское общество «Мемориал», чтобы рассказать, что оставило глубокий след в его душе.

По инициативе ЕО «Мемориал» мэр города А.М. Чернецкий отдал распоряжение об исследовании лесного массива в районе 12-го километра Пермского тракта. Был вырыт шурф, метр на метр, в котором обнаружили остан-

В 70-х годах прошлого века здесь строилась база для биатлонистов. Экскаваторщики, готовя котлован под фундамент, поднимали на поверхность грунт, перемешанный с человеческими останками. Вскоре в КГБ у рабочих взяли подписку о неразглашении этого факта. И только с началом перестрой-

ки 31-го человека с пулевыми отверстиями в черепах. Дальнейшее расследование показало, что данное захоронение относится к концу 30-х годов XX века, когда в застенках Свердловского НКВД были расстреляны тысячи невинных людей. Ночью тела убитых вывозили на машинах в лес и закапывали в общий ров. Насколько высокой была плотность захоронения, можно судить по исследованию шурфа.

ры и на окно кормушки стали ставить свечи, вокруг клали цветы. Изначально Мемориал памяти жертв политических репрессий открыли сами люди, вскоре инициатором строительства памятника стало ЕО «Мемориал».

Сегодня это единственный в стране мартирологический комплекс, на каменных стенах которого, будто случайно разбросанных среди леса, значится более 15 тысяч фамилий ураль-

В конце 90-х годов весть о месте найденного захоронения разлетелась среди тех, чьи родные пропали в застенках НКВД и КГБ в 1937 - 1938 годах. К месту захоронения стали приезжать люди, чтобы поклониться праху безвинно убитых. На соснах стали появляться таблички с фамилиями, кто-то привез сюда дверь от тюремной каме-

цев, казненных в 1937 - 1938 годах, чьи имена удалось установить Екатеринбургскому обществу «Мемориал». Но остались еще десятки тысяч уничтоженных хлюдей, чьи места захоронения до сих пор неизвестны. Мемориал на 12-ом километре - это общее место поклонения тем, кого пропустила через свои жернова сталинская репрессивная ма-

шина на Урале. Это – место народного поклонения, и, хотелось бы надеяться, частичного государственного покаяния. Это – образ народной трагедии.

На стенах Мемориала фамилии и тех, кто был арестован на Северном Урале, возможно, здесь покоятся и те,

кто без вести исчез «за колючей проволокой». Ходить среди плит Мемориала жутко: не покидает ощущение, доносящихся из-под земли стонов. С расположенной неподалеку базы биатлона слышны выстрелы. Каждый раз неожиданно, будто в спину. У памятника – всегда цветы.

Нас гоняли как собак

И как только вы находите бывших кулаков и трудармейцев? Как узнаете такую горькую правду и пишете о страшном том времени? – искренне удивляется Иван Иванович Рудольф. А между тем, он сам нашел нас. Сначала написал письмо в редакцию, потом лично приехал

лишь об этом вслух говорить! Ведь сегодня сказал, а завтра уже десять лет лагерей получил. Знаете, я с 1933 по 1943 год хлеб далеко не каждый день ел. Люди сотнями от голода умирали. Мне 84 года, и я не перестаю удивляться, как я выжил и почему я живу до сих пор?!

из поселка Рудничный. В свои 84 года не посчитался с расстоянием и усталостью, чтобы поведать о боли, не только о своей.

– Страшное время было! Сколько народа безвинного загубили! А как боя-

ИЗГНАННИКИ

Может быть, выжил он для того, чтобы наестся вдоволь хлеба. Хотя, много ли надо теперь старику? Вот и сейчас в сумке у него буханка. Может

быть, дня на два им с женой хватит. Буханка ржаного хлеба... В любой момент подошел и отрезал кусочек.

- Знаете, кто не испытал чувства голода, о нем не сможет рассказать никогда.

Наверное, он прав, мой очередной герой большой истории о правде жизни. Он, как и его братья по несчастью, до сих пор помнит вкус той лагерной баланды, что не давала умереть совсем, продлевая изо дня в день жизнь, которую и жизнью-то назвать никак было нельзя.

А ведь совсем не для голода и скитаний родили мать с отцом его и еще десятерых детей. Надеялись жить дружной семьей в деревне на Волге, недалеко от Саратова. Все необходимое для этого было - дом, земля, шесть лошадей и пять коров. Ноги, руки, слава Богу, были! Да еще какие руки! Работящие, к земле и хозяйству охочие. Глава семьи Иван Васильевич Рудольф грамотным был человеком, по тем временам образование получил важное, выучился он в Саратовском земельном училище. Понимал толк в агрономии и других сферах сельского хозяйства. Детей своих тоже выучить мечтал, да горе на них свалилось жестокое.

- В 1929 году разорили нас. Все-все забрали, отца увели, а нас, одиннадцать детей от четырех до четырнадцати лет с матерью в степь вывезли и бросили там. Дескать, хоть живите, хоть помирайте - ваше дело, - рассказывает Иван Иванович.

Ему в то время было десять лет. И помнит он хорошо и степь ту, ставшую внезапно холодной и равнодушной к людям, и горе матери своей, и сестренки и братьев младших, жавшихся на ветру друг к другу, как котята беспомощные. Пытались приспособиться жить в степи. Мать и младшие дети пошли в соседнее село за подаванием. Подавали не все. Кто-то гнал их от своего двора, как проклятых властью. А они ничего не понимали, за что и почему их враз лишили крова, угнали куда-то отца, а их беспощадно гоняли по родным местам. Старшие, в том числе и Иван, нанялись в работники.

Со временем выяснилось, что Иван Васильевич находится на поселении на каком-то Урале, под каким-то Ивделем. Слова эти чужие ни о чем его жене не говорили. Но она на все была согласна, только чтобы очутиться у надежного мужнина плеча, а не мыкать одной с детьми горе горькое.

- Помню, что зиму с 30 на 31 год пережили мы в соседней деревне, найдя себе какой-то временный приют, - продолжает Иван Иванович, - пока кто-то не донес властям, что мы там прячемся. И нас снова погнали. Гнали, как собак... Страшное дело! Мать все письма отцу писала, чтобы он нас к себе забрал. Письма долго ходили. И к тому времени, как мы ехать к нему собрались, уже три сестры от тифа умерли. С оставшимися в живых, мать как-то добралась до станции Бокситы, а до Ивделя было еще далеко. На станции мать заболела и слегла. На счастье, с того лес-

промхоза, где находился отец, оказался на станции возница. Узнав, кто мы такие, сказал, что знает отца, и взял меня с собой.

Первый раз после саратовских степей Ваня видел такую глушь лесную! Он ни слова не понимал по-русски и плохо понимал вообще, что с ними происходит. Иван Васильевич обнял сына:

– Ты ешь, сынок, ешь! – кормил он его скудной похлебкой, показавшейся Ване просто роскошной, – наголодался, бедняга!

Совсем непросто ссыльному кулаку было выхлопотать у коменданта разрешение взять телегу, чтобы привезти со станции детей и больную супругу. Только спустя три дня Иван Васильевич отправился за родными. Как оказалось, затем, чтобы довести детей и похоронить на глазах умершую жену.

Я так хотел учиться.

– *Всю жизнь отца своего благодарил за то, что выучить он нас старался. В деревне под Ивделем мы пошли в школу. Время было такое, что образованных и даже грамотных людей было мало. Оканчивали три-четыре класса и скорее торопились работать. А отец настаивал, чтобы мы учились. В 40-м году, мне исполнился 21 год, а я только окончил десять классов. Директор школы преподавал географию, мне очень нравился этот предмет, и я поехал поступать в Пермский пединститут на геофак.*

Иван Иванович говорит, что ему повезло на экзаменах. Особенно с русским. Сдал он его «хорошо», а историю

с географией на «отлично». Только не в одном везении здесь дело. Очень уж науки о земле его интересовали: где какие моря и горы находятся, какие ископаемые имеются. Да и русский он уже освоил хорошо. Слушая его сейчас, ни за что не догадаешься, что не владел он языком совсем.

– *Я так хотел учиться, – говорит он с сожалением о своей несбывшейся мечте. – Первый семестр на «отлично» окончил. Когда заканчивал курс, уже говорили о надвигающейся войне. Время было беспокойное. Мы знали, что нас призовут на службу, я все экзамены постарался сдать хорошо, чтобы после армии продолжить учебу.*

Не было ничего удивительного в том, что их, вчерашних студентов, призывали на службу. И строительство аэродрома недалеко от Северодвинска в Архангельской области было вполне по плечу молодым парням. Жили сначала в палатках. Получали армейский паек. Неподалеку были лагеря и зоны, образовавшиеся здесь в избытке в 37 году. Но тогда Иван о заключенных не думал, хотя и вместе приходилось работать. С началом войны зеков угнали на север, а красноармейцев перевели в их бараки, что тоже воспринялось ими, как должное.

В порту разгружали англо-американские корабли с танками, самолетами и консервами. Не придали семеро красноармейцев с немецкими фамилиями значения и тому, что им приказали собираться и с помощником старшины отбыть по месту назначения. Армия

– дело подневольное, знай, выполняй команду вышестоящего! В Северодвинске старший над ними ходил куда-то с бумагами, а они, ничего не подозревая, отдыхали в сквере. Обратит внимание на движущуюся строем колонну Ивана заставила немецкая речь: «Куда это наших так много?» - подумал он. Но тут его пригласили в комендатуру и, как самому грамотному, приказали составить список. Аккуратным почерком выводил он немецкие фамилии красноармейцев, пока не бросил на документы случайный взгляд. Кровь застучала в висках! «Граждан немецкой национальности в следующем составе причислить к Северному железнодорожному лагерю» – не веря своим глазам, читал он. «Как к лагерю? Почему? За что? Гитлер, ненавистный Гитлер был фашистом. А они – немцы. Свои! Советские немцы! Родившиеся и жившие в этой стране! Их – в лагерь? Не может быть!» – Иван выводил фамилии, а мысли пронеслись в голове. Мысли. Только мысли. Что-то здесь было не так. Что?..

Прошел уже почти год с момента выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Потом – подобные указы о переселении с Украины. Крыма. Московской и Ленинградской областей будут выходить в течение всего сентября-ноября 1941 года. Но тот августовский Указ. был первым, перечеркнувшим будущее целому народу. Строчки его гласили: «Среди немецкого населения, проживающего в районах

Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья...» Данный документ изначально искажал действительность. Тысячи немецких крестьян, в приволжских деревнях, малограмотных и выживающих собственным хозяйством, вряд ли вообще догадывались о таких понятиях, как «шпионы» и «диверсанты», не каждый знал о существовании чужой для них страны Германии. До того времени, когда немцев из Красной Армии стали отправлять в лагерь, многие из них успели совершить немало подвигов. О героически погибших защитниках Брестской крепости, красноармейцах немецкой национальности, успела до выхода августовского Указа написать «Комсомольская правда».

Но обо всем этом в силу малой информированности в то время Иван даже не подозревал.

220 человек – подвел он итог, написав фамилии. Они, молодые парни, должны сражаться на фронте, бить фашистов, строить аэродромы, разгружать корабли. А потом, ведь скоро победа, и ему надо вернуться в институт. Он должен учиться, чтобы потом помогать младшим сестренкам и братишкам. Он станет учителем и будет в школе учить детей географии.

География... пока он карту Родины изучал не по карте. Его гнали с теплых приволжских степей, теперь гонят куда-то от холодного Белого моря. Вот

уже и он в той колонне, которую еще недавно наблюдал со стороны. «Бежать! Надо бежать!» - стучит в голове. Он оглядывается по сторонам и понимает, что бежать некуда. На станции у товарняков они спрашивают девушку, стучащую молотком по колесам вагонов:

-Куда нас повезут?

Она не отвечает. Она пишет мелом «на север». Куда же еще севернее?..

-Это было 30 или 31 июля 1942 года, - замедляет речь Иван Иванович, - словно хочет припомнить что-то еще. - А какое сегодня число?

-31 июля 2002 года, - отвечаю я.

-Значит, ровно 60 лет прошло с того дня. Ровно 60, - качает он головой, словно сомневаясь, - а будто все было вчера.

ТРУДДОХОДЯГА

«Еще севернее» оказались лагеря, затерянные в бассейне Печоры. 5 августа 1942 года взору недавних красноармейцев открылся забор с колючей проволокой, окруженный сторожевыми вышками. И все-таки Иван отказывался верить во все происходящее с ним. Что отделяло его, вчерашнего студента и красноармейца, от дня настоящего, в котором он - узник? Какую черту он переступил? Кто его жизнью распорядился так, а не иначе? За что?.. Время

для него остановилось. Замерло гнетущими днями, ночами. Выхолащивающими душу голодными годами.

Их загнали за возвышающийся забор. Приказали занимать уже существующие места в обжитом лагере. Вечером вернулись с работы узники. Официально называемые «трудармейцами», они были настоящими зеками, лишенными всех прав, истязаемые физически и морально. А ведь в названном выше Указе говорилось: «... переселить все немецкое население в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах». Что не говори, а земли им хватало. Весь неосвоенный Север с лютыми морозами и ветрами принадлежал им. Заботу же лично о них государство выражало куда как скромнее.

-Глядя на возвращающихся с работы заключенных, я впервые услышал тогда слово «труддоходяга». Нас пригнали сюда, чтоб заменить вымирающих. - Продолжает свою грустную повесть Рудольф.

Конвейер работал с монотонной регулярностью, выбраковывая «доходяг» и поставляя новые силы, которые «силой» оставались совсем непродолжительное время. Истязал не труд. Хотя и его легким назвать было нельзя. Иван вместе с другими узниками работал на сплаве, вниз по течению над рекой находился мост стратегического значения. Сплавщики следили за тем, чтобы не повреждались лесом опоры, разбирали заторы из бревен, стояли в холод-

ной воде, простывали, болели. Но труд не пугал их, работа была генетической потребностью людей немецкой национальности. Изматывал голод. Питание было настолько скудным, что не только не прибавляло сил, а приводило к болезням. Диарея была всеобщим лагерным заболеванием, а как результат – инфекция и истощение. На 700 заключенных в лагере был один только фельдшер, практически не было никаких лекарств. Тех, кто от истощения уже не мог передвигаться, активировали, то есть выбраковывали, ставили на них, еще живых, крест.

Иван за год сильно похудел. Но еще держался на ногах. Летом было легче. Им разрешали собирать в лесу грибы и ягоды, что поддерживало силы, и продлеvalo невыносимое существование. Зимой же им казалось, что кровь застывает в ослабленных телах. Однажды, когда Иван по поручению начальства был отправлен за ворота зоны и не смог вернуться вовремя обратно, его посадили в карцер.

– Меня наказали за то, что я пролежал день у теплой печки. Набрел я на нее случайно. Свернулся калачиком и грелся. Иначе мне было обратно не дойти.

Узнав о таком проступке, его наказали. В карцере не давали причитающегося каждому из них кусочка хлеба. А в остальном – он ничем особо не отличался от барачков. Видимо, поэтому наказания были непродолжительными. Утром Ивана выпустили.

Иван Иванович поднял на меня глаза:

– *Страшное было время. За людей нас не считали. Как мы вынесли такие издевательства? Не все. Очень многие умерли. Сотни, тысячи. В чем мы были виноваты?.. Да-да, была система.*

Конечно, сегодня Иван Иванович и сам знает ответы на эти вопросы. И мучает его даже не собственная изломанная судьба, не те безвинно загубленные души, которые ушли в мир иной на его глазах. Не дает покоя мысль другая.

– *А надо ли об этом говорить сегодня? Молодежь ведь ничего не хочет о том времени знать, – горестно заключает он.*

Наверное, все же надо. С тем чтобы, зная подлинную историю страны и народов, мы могли бы предотвратить национальное кровопролитие сегодня. И потом, система не была, она существует всегда. И сегодня нельзя не учитывать роли личности в истории. А следовательно, нельзя отрицать возможности возникновения нового культа.

В 1943 году Иван истощал до предела, взрослый, молодой мужчина весил 48 килограммов, таким образом, и он попал в разряд «доходяг». Дальше государство заботиться о нем не считало нужным. Его списали, как вещь, как предмет, не имеющий больше ценности, и отправили на поселение в Казахстан. Старшая сестра, жившая в Караганде, брата не узнала. Перед ней стоял мужик не мужик, мальчик не мальчик, кто-то знакомый и неузнаваемый:

– *Иван ты ли это?*

Три месяца она ходила за братом, пока он не окреп.

Когда стало возможным, вернулся к отцу на Северный Урал. Война закончилась, разорив родные очаги не только немцев. Безжалостным огнем опалила западную часть страны. Возвращаться было некуда, да и нельзя. И все же с Победой пришла надежда. Совсем иными глазами смотрел теперь Иван на новые зоны, выросшие в Ивдельлаге в довоенное и военное время. Здесь уходила в никуда жизнь не только немцев. Собранные со всех уголков государства

гда мечтал о сельском труде. Иван пошел учительствовать в школу. На уроках географии он рассказывал ребятам о южных степях и северных морях, о теплых дальних странах и несметных богатствах полезных ископаемых родной земли. Государство тоже не забыло его. В 1947 году выходит новый Указ Президиума Верховного Совета СССР, ограничивающий немцев в правах, лишаящий их навсегда права выезда из мест поселения. Ивану Ивановичу зап-

Иван Иванович Рудольф со своей супругой

заклученные по 58 статье (политические) в одно мгновение и навсегда стали чужими в своей стране.

Отец, Иван Васильевич Рудольф, работал в подсобном хозяйстве, он все-

ретили работать в школе, отказали в восстановлении на учебу в институте.

– Мне 84 года, а я живу, – в его словах ни доли оптимизма. Скорее – недоумение: «Зачем?»

... Менялись времена и правительства. Двойное клеймо «из семьи раскулаченного» и «немца-трудолюбивца» постепенно потеряли свою остроту в жизни. Так ведь и жизнь прошла. Повзрослели внуки. На карте геолога Ивана Ивановича Рудольфа немало открытых северных месторождений.

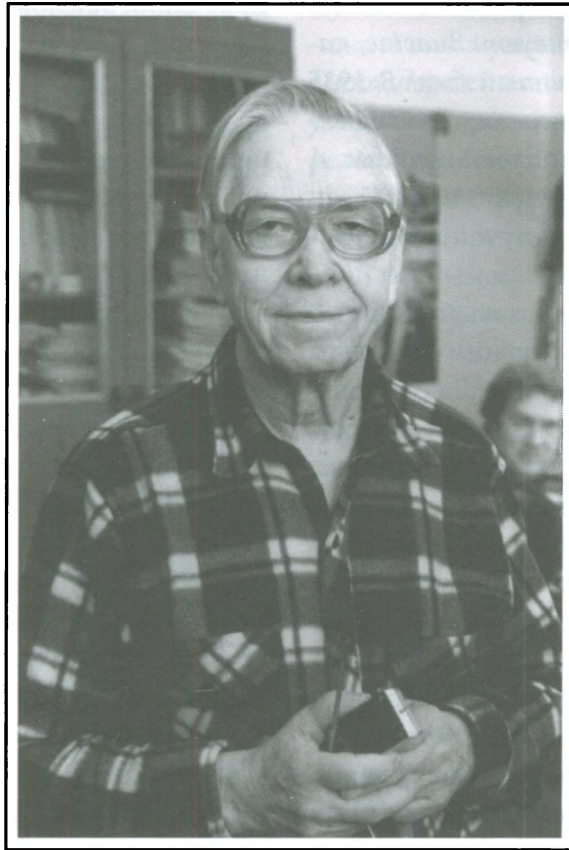
– Сначала работал в геологоразведке под Ивделем, – рассказывает он. – Открывал золотое месторождение в Марсятах, медь и железо в Красноуральском районе, никелевые запасы недалеко от Еловки Серовского района. Весь Северный Урал исхожен и изучен. Вот только дальние страны остались в мечтах.

2002 год

Ностальгия

Эдуарду Давидовичу Куфельду 80 лет. Возраст, о котором можно говорить с уважением. Однако этот человек вызывает чувство боль-

ния, умом. Но самое главное – интеллигентностью, – естественной, не наносной. Наверное, так бывает, когда идет она от корней, сформированная

шее - восхищение. Общаясь с ним, понимаешь, что подобных людей, встречаешь в жизни единицы. Он подкупает всем - внешностью, манерой обще-

где-то глубоко, и сохраненная поколениями. Он говорит о своей семье, родителях, об отеческом доме так, как будто только утром, уйдя на работу,

переступил его порог. И с особым чувством произносит:

– Знаете, какую ностальгию я испытываю по своему родному дому. Как хочется мне его увидеть, как хочется подойти к нему!

Он уверен, что дом до сих пор стоит в селе Ленинском Саратовской области. В прошлом, когда здесь была Немецкая Поволжская республика, оно называлось Швед.

– Я вам точно говорю, что дом остался, и село существует. Знаете, какой у нас колхоз богатый был! В 1935 году на Московской сельскохозяйственной выставке был признан лучшим. А председателя в то время машиной наградили! Это же был случай совершенно редкий!

В 35-м – самый богатый колхоз, а еще в 32–33-м – умирающий от голода. Отец Эдуарда Давидовича, Давид Александрович, когда колхоз создавался, туда не пошел. Чтобы избежать репрессий, отдал новоявленным колхозникам скот и сельскохозяйственную утварь, оставшись сам единоличником. Но в селе не остался, уехал в город и поступил на курсы дорожных мастеров. А в юности он учился в Санкт-Петербурге, приобретя специальность закройщика.

– У папы был огромный старинный альбом, еще из Санкт-Петербурга, с различными выкройками. Конечно, он не сохранился. Когда человек, так много переезжает, то из прошлого сохраняется мало. Мне очень жаль, что мы оставили в Энгельсе прекрасные книги, которых так много было у нас: тома Пуш-

кина, Лермонтова, замечательного писателя Загоскина. Я так завидую тем, кто из поколения в поколение живет на одном месте. Тогда на чердаке своего дома обычно хранятся вещи, уже ненужные, но которые жаль выбросить. А со временем среди них можно найти много интересного.

Им же пришлось оставить все. С маминим сундуком, в котором хранилось когда-то ее приданое, погрузиться в общий эшелон и покинуть Энгельс навсегда. В то, что навсегда, не верил никто.

...Война шла уже почти три месяца, путая планы выпускников о дальнейшей учебе. Эдуард, окончив десять классов, хотел поступать в автодорожный институт, но не успел. Лето они провели в колхозе, помогая убирать невиданный до 41 года урожай. Просто мистическая противоестественность времени – неубранный, брошенный на полях хлеб и тысячи людей, обреченных на голодное существование. Он очень любил свою школу. Построенное в 1936 году трехэтажное здание было украшением улицы города. Между вторым и третьим этажом фасада огромными немецкими «Die Schule» и русскими буквами значилось «Школа». В коридорах – паркет, по которому они, мальчишки, любили прокатиться, смело скользя по всему коридору. В классах – пол из широких половиц, много света и всегда тепло. Школа с собственной котельной – редкость в то время.

– Мы очень любили школу, – вспоминает Эдуард Давидович. – Многие

ведь в те годы не имели собственного жилья, семьи, особенно в городах, снимали комнаты и даже отдельные углы. Конечно, при таких бытовых условиях лучше всего было заниматься в школе. Мы пропадали в школе все время. В 1936 году проводились первые выборы в депутаты Верховного Совета, в Энгельсе голосование организовали в нашей школе. Мы при этом дежурили, чем ужасно гордились.

1 сентября 1941 года учителя составляли в школе расписание. Эдуард вошел в классы. Об Указе о депортации немцев уже знали. Знали, что их выселят тоже. Его удивило, что учителя по-прежнему готовились преподавать. Они объяснили:

-Приедем в ссылку, сразу в школу, расписание должно быть готово.

-Вряд ли, - засомневался выпускник, - думаю, что мы даже не найдем друга друга.

Десятилетнее образование в те годы было редкостью. Эдуард не только его получил, но и прекрасно владел русским языком, в семье говорили на немецком, но Пушкина он читал на русском. Русский язык знали хорошо и родители. Отец играл на всех музыкальных инструментах, прекрасно – на скрипке и фортепиано, одинаково хорошо – на балалайке, домре и мандолине. Кроме этого, Давид Александрович был мастером на все руки. Мог починить любые часы и различные механизмы, выпиливать лобзиком и мастерить игрушки.

-Когда я был совсем маленьким, папа сделал мне автобус, который при помощи часового механизма мог двигаться. Вся деревня сбежалась смотреть! Это же чудо было настоящее! Впрочем, свой первый детекторный приемник сам Эдуард собрал, став чуть постарше. Говорит, что специально папа его этому не учил, но, видимо, это и был тот самый дар, который передался от старшего Куфельда к младшему.

-А вот музыке я так и не научился. Папа переживал по этому поводу. И удивлялся, как я не слышу момент перехода, и не могу подыграть ему.

Много позже уже здесь, в Красноуральске, Эдуард Давидович соберет свой первый магнитофон и сможет через микрофон записать голоса родных. Услышав себя со стороны, они очень удивятся. А Давид Александрович удовлетворенно скажет: «Ну, хоть этому ты научился». Отец лукавил: за сына ему никогда не было стыдно.

Впереди их ждали испытания. Страшные, тяжелые. Но то, что было заложено в семье изначально, не могло не сказаться в последствии. Эдуард Давидович всегда следовал семейной заповеди - жить правильно. Ведь это так просто – все делать в соответствии с нормой. Жить в чистоте и поддерживать порядок - это правильно. И неважно, где ты при этом живешь, на свободе или в ссылке, на работу нужно ходить вовремя и опять же неважно, какую и где работу ты при этом выполняешь. Окружающих тебя людей ты должен

уважать и сам при этом не унижаться, в лагере ты при этом или на лесоповале. Ему нетрудно было все правильно делать в жизни. Он был так воспитан, он с этим жил. Голодная и вымирающая страна в 32-33 году - это было неправильно и достойно осуждения властей. А самый богатый его колхоз в 35-ом - это нормально, потому что во благо людей. И политика здесь ни при чем. Он помнил, как в школьные годы по радио бесконечно говорили о дорогом и любимом товарище Сталине. И понимал, что это противостоит природе. Это было унижительно для всего народа, и он думал о том, сможет ли дожить до времен иных? Ложь претила ему во всех проявлениях. Казалось, с таким отношением к действительности, ему ни за что не выжить. А он выжил. Может быть, благодаря именно тому, что всегда оставался человеком.

В 1986 году он последний раз прошел по улицам родного Энгельса. Поставил у школы. Обшарпанное, запущенное здание с вырванными сначала немецкими «Die Schule», а потом и русскими буквами «Школа» вызывало только грусть и сожаление.

В ССЫЛКЕ

Ехали они долго. Состав еле тащился по рельсам южного пути. Ехали в основном ночью. В вагоне были только нары. Есть ничего не давали. Продукты, наспех прихваченные из дома, за-

канчивались. Родные старались держаться вместе. Многие плохо говорили и понимали по-русски. Эдуард любил географию, помнил на память карту и комментировал путь, по которому двигался состав: «Скоро будет Аральское море». И оно появлялось. Попутчики с удивлением поглядывали на юного паренька: «Откуда ты знаешь?» Он любил жизнь и свою страну. Он любил учиться, открывать все новое или создавать это новое своими руками. У него не было ни на кого обиды, не было и представления о масштабах трагедии, случившейся с его народом, частью его страны. Было непонимание происходящего вокруг, несомненно, связанное с именем «дорогого» и «любимого» товарища Сталина.

Ехали почти месяц. Пока не добрались до места. Конечной для их семьи стала станция Ужур в Красноярском крае. Как и предполагал Эдуард, разъединяли не только знакомых, но и родных. Семью его дяди по матери оставили в городе, а их отправили в колхоз. Снова долго ехали. Теперь уже на подводах. Он, как старший из детей, толкал подводу сзади, когда она застревала среди рытвин лесной дороги. Уже холодало. Удивлял не только лес, плотно возвышающийся по краям дороги, но и заросли травы, как оказалось, крапивы. Дома, в родных Приволжских степях, все было другим.

Деревня оказалась глубоко в тайге. Ссылных распределяли по домам. Семью Куфельд определили в дом, состоящий из двух комнат. В первой осталась хозяйка с детьми, поросенком, который жил здесь же, в доме, и малень-

ким теленком, что новоявленным постояльцам показалось очень странным. В их деревнях было принято, чтобы скот жил в хлеву. В отведенной им комнате, засучив рукава, они стали наводить порядок. Женщины - мыть и чистить свой новый угол, Давид Александрович с сыном - думать, из чего смастерить хоть какую-нибудь мебель. Из тонких стволов молодых берез изготовили стол и стулья, кровать и топчан. В посвежее жилье через небольшое оконце просачивалось скудное сибирское солнце. Надо было жить. Жить правильно, как положено людям. По утрам бригадир колотил в деревянные ворота дворов, с криком и руганью собирая колхозников на работу. Ссылные приходили на работу вовремя, как это делали и раньше, как это нужно делать всегда.

ИСКУССТВО ЧЕРПАКА

В 1942 году по повестке военкомата Эдуард был призван в трудовую армию. Подобная перспектива внушала надежду - наконец-то и они внесут свой вклад в долгожданную победу.

Опять их долго везли. Буханка хлеба, которую он взял из дома, давно закончилась. В дороге их почти не кормили. Дней пять он вообще голодал. Чувство голода, противоестественное природе человека, вскоре стало неотъемлемой и постоянной частью их существования.

– Особенно тяжело переносили голод здоровые деревенские парни, привыкшие дома есть много. Как же они страдали! Не передать! - вспоминает Эдуард Давыдович. - Был у меня друг Генрих. Он все время хотел есть, в поисках хоть чего-нибудь съестного он и ночью бродил вокруг столовой. Я уговаривал его: «Генрих, Генрих, ну, не ходи ты там. Ну, что ты там найдешь, только себя изводишь».

Это было уже в зоне Вятлага, куда они прибыли весной 1942 года, которая, по всей видимости, называлась трудовой армией. Вышки, охранники, холодные бараки, пустая похлебка и изнуряющий труд, как правило, на лесоповале. Три зоны прошел Эдуард Давыдович и в каждую последующую переходил из-за того, что почти все заключенные умирали в предыдущей. Он выживал. Как? За счет чего? Может быть, потому что приучил свой организм жить без пищи, экономить силы, не паниковать и оставаться человеком. Это было непросто. Два раза он попадал в «трудодоходки», из которых путь чаще всего был один...

Бараки ОПП, отдела профилактической помощи, были слабой надеждой вернуть утраченное здоровье и восстановить подорванные силы. Между собой заключенные называли их отрядом постепенно подышающих.

В этом бараке все лежали на нарах в нижнем белье, видимо, на большее зона для этих «счастливиц» разориться не могла. Лекарств тоже не было.

– В медпункте от всех болезней было только одно лекарство – разведен-

ный марганец, - рассказывает Эдуард Давыдович. - Я мог передвигаться, а поэтому и в этом бараке мыл полы и раздавал похлебку с кашей. Это было настоящее искусство, которому научил меня повар. Представьте себе, десяти «доходяг», голодных, для которых все счастье заключается в этой постной еде, которые сползают со своих нар только для того, чтобы схватить пайку еды. Разве можно было представить, что кому-то не хватит каши, или одному похлебки достанется меньше, чем другому? А могло быть. Потому, что еды на кухне на всех уже не хватало. Поэтому, чтобы создалась видимость полного черпака при раздаче похлебки, надо было сначала умело повернуть черпак по часовой стрелке, а потом резко - против. С кашей была другая хитрость. Снизу черпак наполнялся воздухом, а сверху, создавая видимость полной пайки, висела в нем каша.

Вряд ли это можно назвать кощунством. Скорее, слабым успокоением проживающих свои дни людей. Вспоминаю при этом картину «Истощение» из серии «Вспоминая пережитое» другого трудармейца, отбывавшего свой срок в Карпинской зоне, сегодня члена Союза художников России, М.В. Дистергефта. Ее сопровождают слова автора: «Я часто задумывался, почему в зоне было так много дистрофиков - «доходяг»? В Ленинградской блокаде, люди, получая 125 мизерных граммов, все-таки выживали. Они были сильнее духом, у них была надежда».

Впрочем, в них тоже пытались пробудить искру жизни, используя при этом, самый «действенный» метод - выпуск стенгазеты.

- Представляете, - говорит опять Эдуард Давыдович, - мы находимся в зоне, за колючей проволокой, но и здесь действует комсомольская и партийная организация. Ну, не смешно ли?

Партия, приговорившая их к бессрочному заключению, вела среди своих врагов воспитательную работу. Эдуард, как самый грамотный и владеющий двумя языками, был назначен ответственным за выпуск газеты в ОПП. «Доходяги», которым уже не полагалось даже одежды, кроме нижнего белья, обязаны были читать стенгазету о достижениях партии и советского государства, о боях на фронтах войны. Вот уж чего они по истине ждали, так это Победы, которая обязательно принесет им освобождение. Тысячи из них не дождались ее. Другие - после закрытия зоны были выдворены на поселение, сначала определенное, как вечное.

Эдуарда направили в Челябинскую область. Жизнь не страшила его даже тогда, когда смертельно грозила туберкулезом. Он верил в себя, многое знал и умел. Своими руками он всегда мог заработать себе кусок хлеба и кружку молока, так необходимую при лечении болезни. Он мог содержать себя и семью, с пониманием относиться к рядом живущим людям и требовать ответного уважения к себе. Но что унижало по-настоящему, так это постоянный учет в комендатуре. Но и тут, тупой комендант,

а подбирали сюда именно таких, не мог наслаждаться властью в отношении с Куфельдом. Даже, пройдя зону, Эдуард не позволял глумиться над собою.

В ссылке под Челябинском он находился до тех пор пока его не вызвал к себе отец.

Давида Александровича Куфельда призвали в трудовую армию немногим позже сына и привезли на станцию Турьинские Рудники, в Богословлаг. Здесь его постигла участь многих других соотечественников немецкой национальности. Умирали они тысячами. Часто и без того тяжелое положение усугублялось незнанием языка. Давид Александрович знал русский. И кто бы мог подумать, что именно в зоне пригодится ему портняжеское ремесло. Шить рукавицы и другую рабочую одежду необходимо было и здесь.

Но с чем никак не мог смириться Давид Александрович, так это с разъединением семьи. После того, как их с сыном забрали в трудовую армию, его жену вместе с маленькими дочерьми отправили на Енисей ловить рыбу. Жили они в землянке, мерзли и страдали от болезней и голода, а Давид Александрович писал и писал во все инстанции, не останавливаясь ни перед НКВД, ни перед наказаниями и запугиванием. Он добивался воссоединения своей семьи. И добился. В Краснотурьинск к нему разрешили приехать сыну с поселения и жене с дочерьми из Сибири.

РАДИОЛЮБИТЕЛЬ

С Эдуардом Давидовичем мы говорим в мастерской медтехники центральной городской больницы Краснотурьинска. Здесь он работает уже 20 лет, после того как вышел на пенсию в «Жилстрое» треста «БАЗстрой», где он проработал, практически, всю свою жизнь. Эдуард Давидович – удивительный человек. Открытый в общении, безотказный там, где необходимо мастерство его рук, увлеченный, интересующийся всем, что происходит вокруг. Его знают в городе, любят в больнице, безгранично уважают в городском радиоклубе, членом которого он является уже полвека. Собственно, рядом с другими организаторами он его и создавал. Радио – это особая страсть, сохранившаяся с тех пор, как он еще совсем мальчишкой собрал первый детекторный приемник. Потом уже здесь, в Краснотурьинске, он соберет первый магнитофон, собственный телевизор, который потребует от него дотошного поиска и пытливости для настройки. До сих пор он умеет делать своими руками самую тонкую и точную работу, кажется, нет такого прибора, который не подчинился бы его мастерству. И в «Жилстрое» он был наладчиком электроприборов, хотя и другую работу выполнял замечательно. Но, как-то управляя башенным краном, отказался подчиниться приказу начальника, который вопреки технике безопасности, предписывал ему совершить недопустимый

маневр. Вызвали к начальнику предприятия, пытались обвинить в саботаже, но Эдуард Давидович и здесь смог отстоять свою точку зрения: «Я выполнил все правильно, согласно инструкции. А саботажем вы меня не пугайте. Прошли те времена». Здесь он, пожалуй, ошибался, «те времена» еще не скоро пройдут. Его немецкая национальность, трудармия оставались занозой, если не для него самого, то для бдительного КГБ. По этой причине и радиопозывной, как любителю, ему сначала не давали. А как ему без

радио? Без радио он себя уже не представлял.

И те экспонаты, которые сегодня находятся в городском музее, точные копии приборов А.С.Попова, тоже выполнены его руками. А сколько достижений на его счету в радиоклубе, сколько признания!

А еще он увлекался фотографией. Еще в школьные годы снимал и печатал снимки. Но они не сохранились. Когда человек так много переезжает в жизни, из прошлого сохраняется мало. Вот если только - ностальгия...

2003 год

А солнце было красное такое

Феодосии Ивановне Кених, жительнице Краснотурьинска, исполнилось 90 лет. Не так уж много сегодня таких долгожителей. Почти ровесница века Феодосия Ивановна, и жизнь свою долгую помнит так, как будто она вчера вся перед ней одной кинолентой пролетела. Рассказывает она о себе, будто песню поет, слово к слову складывает, с украинским мягким растягиванием. Живые глаза в такт словам огоньком светятся:

- Ой, милка моя, я тебе сейчас все обскажу, как жизнь моя обстояла. Родилась я на Украине, там замуж вышла, мужа, Александра, в Красную Армию проводила, обратно дождалась, двух сыновей родила, а потом война наступила. И тут оказалось, что муж мой немец, и куда-то его в вагоне отправляют. Потом и меня с детьми забрали, в Казахстан увезли, там с киргизами мы всю войну и пережили.

ДОМ РОДНОЙ

До мелочей помнит Феодосия Ивановна, как строили с мужем первый дом на станции Удачной Красноармейского района Донецкой области. Тогда у них уже первый сын был - Анатолий,

годика четыре в ту пору ему исполнилось. Дом строили заливной. А делали это так.

- Между двух горбылей заливали болтушку, - вспоминает Феодосия Ивановна, - а болтушку черпали из котлована ведром, а ведро-то в котлован журавель опускал. Это к столбу длинная толстая жердь прикреплялась. Опускалась она и поднималась, когда на нее с противоположного конца налегали.

Бабушка Феня очень подробно рассказывает про устройство «журавеля», а я сию «птицу» из детства помню, по такому принципу работал наш колодец в казахстанской деревне.

- Так вот, - продолжает Феодосия Ивановна, - между горбылей солому набивали, заливали туда болтушку из воды и глины, а мы, молодые женщины и дети, солому в болтушке утапывали.

Светило теплое украинское солнце, Феня, подогнув подол платья, молодыми сильными ногами мяла солому с глиной. Рядом топтался четырехлетний сын Толик, руководил стройкой дома муж Саша, и будущее их в этом жоме обещало быть теплым и сытым. Александр с юных лет работал на государственной мукомольной мельнице, огромной такой, в пятиэтажный дом. А Феня - на молочарке, молокозаводе зна-

чит. Ударницей была. Мужа она любила – статного кучерявого гармониста, до работы охочего, к жене заботливого.

Сначала встречались они на улицах родного местечка вблизи станции с многообещающим названием Удачная, гуляли вместе с другими местными девушками и парубками под переливы гармонии. А когда Александр, который был

отметили новоселье, разбили у дома сад. Не успели нарадоваться совместному счастью, как загрохотало, запылало на западе. Только тут Феня узнала, что ее муж, всегда говоривший по-русски, оказывается, немец.

– Места наши были шахтерские, – вспоминает Феодосия Ивановна, – на шахтах работали все вместе: украинцы, русские и немцы, никто никогда не

старше Фени на три года, позвал ее замуж, она и раздумывать не стала. И, согласно свидетельству о заключении брака от 11 апреля 1933 года, «громадянин» Кених Александр Густавович и «громадянка» Сивиринна Феодосия Ивановна «одружились», т.е. вступили в брак.

После женитьбы мужа забрали в Красную Армию, а по возвращении встречали его уже двое – жена и сын Толик. Дом они успели поставить до войны. В светлой убранной горнице

делился по нациям, молодежь вместе гуляла, и я никогда своего мужа как немца не воспринимала... Собрали мужчин быстро, мы даже проводить не смогли. Погрузили в эшелон и увезли, неведомо куда. А потом и нам с детьми приказали собираться, разрешили взять только вещи, которые можно унести в руках. И все. В эшелон нас грузили, грохот снарядов был слышен уже совсем близко.

Так она оставила свой дом, в котором счастью не суждено было состоять-

ся. Прощалась и со станцией Удачной, непонятно в чем обещающей ей везение. Может быть, в том, что отправляла ее подальше от войны, пообещав ей жизнь, оплаченную дорогой ценой.

А к дому своему она возвращалась потом не раз.

- До сих пор стоит он, - говорит Феодосия Ивановна, - только щербинки в стенах от пуль остались, даже снаряды, рвавшие вблизи, те стены не разрушили.

ДОРОГА В НИКУДА

В эшелоне были только женщины с детьми и совсем немощные старики. Куда их везут? Почему? Никто ничего не знал. Ничего не понимала и малограмотная Феня Кених. Она была украинкой, а муж, оказывается, немцем. Но ведь он служил в Красной Армии, работал честно, и она ударницей была. Она не понимала, что с ними происхо-

дит. Старалась не отпускать от себя Толика и прижимала к груди совсем еще маленького Колю.

Перед отправкой со станции, куда их привезли на машине, в гомоне плача, криков и надвигающихся раскатов снарядов Толик ринулся из толпы навстречу прибежавшему по следу псу.

- Собака у нас была хорошая такая, - продолжает Феодосия Ивановна, - с мужем на охоту ходила, он у меня охотник знатный был, зайцев много приносил, и собака с ним всегда охотилась. И нас по следу нашла. Воеет страшно так страшно! А Толик плачет, обнимает ее за шею. Оторвать его не могу. А собака простилась с нами и опять, завыв, побежала туда, где снаряды громыхали. Животные они-то вперед людей беду чувят.

- Детей много в эшелоне умирало. Как умрет дитя, конвойному сообщают, а на станции, как багаж покойников уносят. Эшелон, как станет, что делается, волосы дыбом поднимаются - столько детей мертвых выносят. Дети в войну погибали, как солдаты на фронте. Тиф их косил, голод и холод. Высадили нас на станции Качиры, в 25 километрах от Павлодара, в Казахстане. Там уже до Омска, до Сибири недалеко. А от станции еще куда-то в степь повезли, в аул киргизский.

Николай у меня маленький, такой хорошенький был, круглолицый, черненький. Киргизам сильно приглянулся, они его кызымочкой называли.

- Казахи, тетя Феня, - поправляю я собеседницу. - А кызымочка - это, девочка, по-казахски.

– Вот-вот, ты знаешь, раз там жила.

– Ну, вот привезли нас к киргизам, – продолжает бабушка Феня, – а там степь голимая, милка моя! А снегу сколько! Поселили нас в хибарку небольшую – землянка в снегу. Только устроились кое-как, у меня Толик заболел. Тиф в вагоне, знамо еще, привязался. Взяла я его на руки и понесла в Качиры, там больница была, это 25 километров по морозу идти надо было. Пошли мы вдвоем со знакомой из нашего эшелона, у нее семеро детей было, а к тому времени уже половина умерли. В больнице у меня Толика взяли, сказали, что тяжелый очень.

И пошли они обратно, теперь уже без детей. Уставшие от дороги, холода, голода и безнадёжности. Нема и глуха к их горю степь, как стол накрытая ровным толстым слоем снега. Господи, куда же идти? Кругом – ничего, только степь и снег. Шли долго, пока не поняли, что заблудились. В степи сбиться с дороги гораздо проще, чем в лесу. И надеяться здесь не на что и не на кого. Одно спасение – случайный стог соломы, он же и погибель для путника, обманутого покоем и временным теплом. Набрили на такой стог и Феня со спутницей, и та предложила:

– Давай отдохнем, сил нет идти далее.

– Нет, – ответила Феня, – замерзнем. Надо двигаться, идти.

Чудом набрили на какое-то жильё, выбившись из сил, пробрались сквозь снежные тоннели и пришли к людям.

Оказалось, что вышли к своему аулу.

А тут опять несчастье, младший сын Фени – Коленька заболел. Опять в больницу возвращаться надо. А сил нет, вновь пешком 25 километров топать. Бросилась она к казахам, со слезами просила, последнюю свою вещь, черный атласный костюм, в уплату предлагала, Христа ради, умоляла довести на лошади до больницы заболевшего сынишку. Но казахи отрицательно качали головой:

– Нет, ты – немка, ты – врага.

От горя и отчаяния в пору с ума сойти, но страх за жизнь сына, страх на уровне инстинкта, присущий только матери, придавал и силы. Завернула она Кольку в одеяло и опять в больницу пешком с ношей на руках тяжелой и бесценной отправилась. Как дошла, не помнила. В больнице ей сказали, что старшего сына уже нет. Взяли из ее рук второго. Сквозь слезы увидела она не больницу, а эшелон свой проклятый, как на остановках матери передавали тельца мертвых своих детей, с криком и плачем отрывая их от себя, не зная, где и как будет погребено родное дите. И тогда решила Феня, что и мертвого своего первенца не бросит, а по-христиански похоронит.

– Бог мне за мои страдания помогал, – дрожащим от слез голосом продолжает Феодосия Ивановна. – Коммуна была сельскохозяйственная в Качирах, а руководила ею женщина, сильная такая, орден у нее на груди был, а сама из немцев. А муж у нее русский, инвалид, по сапожному делу мастер хороший. По-

могла мне эта женщина, пусть земля ей будет пухом, нет уж, конечно, ее давно в живых. Спички в то время в больших деревянных коробках продавали, так вот из этих коробок сапожник гробик моему Толику сколотил. А сама женщина та, всю одежду выстирала, в какой он в больнице умер. В тот день должны были старичка одного хоронить, опять же женщина та попросила, чтобы моего Толика с ним вместе закопали. Так подошли сани к дому, на них гроб большой, и мы сверху маленький ставим. Господи, а солнце, какое было! - Феодосия Ивановна взволновано взмахивает сухонькими ручками, глаза ее и без того давно уже влажные, совсем теряются в слезах. - Солнце то, я как щас вижу, огромное красное солнце, белый снег и два гроба - большой и маленький...

Солнце казахстанское - это вселенная. Огромное небо, шатром раскинутое над безмолвной зимней степью, с перекатывающимся от одного до другого края земли солнцем, создают необыкновенное впечатление космоса, в котором жизнь человеческая - событие совсем незначительное. А для молодой женщины, еще недавно счастливой, а теперь отрешенной от всего внезапно происшедшего, именно солнце стало последним свидетелем пребывания на земле ее ненаглядного первенца.

Она не знала, жив ли ее муж, и если жив, то где он. Она не знала, что будет завтра с ней самой, и как долго бы она пребывала в этом состоянии отрешенности, если бы не все тот же материнский страх за жизнь второго сына.

- Не знаю, сколько прошло времени, когда моя тетка по мужу сказала мне, что надо идти за Колей, а потом выбираться отсюда. У нее оказались зашитыми в подкладке одежды 200 рублей. «Забирай сына, и уезжай отсюда к тетке Марусе, иначе погибнете вы тут оба».

- Я вернулась в Качиры, - продолжает свой горький рассказ Феодосия Ивановна, - а мне опять говорят, что сына в больнице нет, что его уже усыновили. Закричала я, заплакала: «Одного потеряла и этого не уберегла», сжалились надо мной и сказали, кто мальчика моего забрал. Оказалось, что врач из этой же больницы. Пришла я к ней домой, а Колька уже здоровый, хорошенький такой! Она и говорит: «Оставь мне его, пропадет он у тебя». А я вою: «Не жить мне без него».

Никакими словами не описать боль материнскую, никакими сравнениями не передать любовь ее и почти животное стремление спасти свое дитя. Долгим и опять же трудным был ее путь к Марии Моисеенко, родной тетке, жившей в пятидесяти километрах от станции Карасук Павлодарской области. Пока они с Колькой только до Карасука добрались, уже ни денег не осталось, ни черного атласного костюма, ни крошки хлеба, ни единой картошки. С откуда-то взявшейся неженской настойчивостью ходила она от одной подводы к другой, привозившей зерно на элеватор, твердя одни и те же слова: «Я племянница Маруси Моисеенко, возьмите меня с дитем до Веселовки,

только денег у меня нет». Один старичок сжалился: «Мальчонку повезу, а ты пешком за лошадью пойдешь».

-А я и тому рада, - рассказывает Феодосия Ивановна, - только на ногах у меня тоже почти ничего. Бурочки мои с калошиками, в которых выслана была, давно порвались, тряпок на ноги наматывать бы, но и тех нет. Посмотрел на меня возница, Колю в полушубок загорнул, и мне сказал: «Садись, пока лошади не устали, а там видно будет». У первой деревни на постояле накормил Колю и мне дал хлеба с салом и луком. Вот уж 90 лет живу, а вкус того сала, как сегодня помню, земля тебе пухом, добрый человек!

И на санях, и пешком за санями шла я, пока не добрались мы до тети Маруси.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

В Качирах, как только Феню высадили из вагона, так словно запомнили про нее. В комендатуре она на учете не состояла и ежедневно там не отмечалась. Словно забыли представители власти, зачем они ее сюда пригнали, оторвав от родного дома и близких. Тетя Маруся встретила племянницу по родственному, поплакала и приютила в маленьком домике, где своих детей орава – мал-мала меньше. В пакоти русской печи из березовых дрючков кро-

вать была излажена, кто-то спал здесь, кому место доставалось на самой печи, а кто и прямо на полу на одеялах спал. Старшая дочь Марии Моисеенко на фронте была, сама Мария свиначкой работала, потому подкормила в первое время племянницу с малышом:

- Принесет тетя Маруся пахты, нальет в большую миску, картошки наварит, намнет ее с пахтой, ложки деревянные выложит нам: «Ешьте, с Богом!» Ох, какая же это вкуснятина - картошка с пахтой! Я бы и сейчас той пахты попила! А ты, милая, знаешь, что такое пахта? - спрашивает меня бабушка Феня, словно не представляя, как можно не знать такого волшебного вкуса.

Пахты в Казахстане во все времена было много. На молоканках или заводах молочных из сливок масло перегоняют, а оставшиеся от перегона отходы пахтой называются. В мое детство ее бочками домой привозили для поила телятам и пороссятам. Помню, что и моя бабушка, пережившая войну, пахтой никогда не брезговала и нам, внукам, говорила: «Пейте, толще будете».

- Так и спасла нам жизнь тетя Маруся. И меня откормила, и Колюку. Только на шее у нее сидеть ведь стыдно, своих детей - семеро по лавкам, - продолжает свою повесть Феодосия Ивановна. - Решила я работу искать Надоумили меня съездить в МТС. Там трактористы, комбайнеры и специалисты всякие. Даже этот, как его, забыла, ну, знаешь, врач по хлебу.

– Агроном, - подсказываю я улыбаясь.

– Вот-вот, ты знаешь, – обрадовалась бабушка Феня. – Оказалось, что бухгалтер в МТС была высланной из Ленинграда, узнала она обо мне и сама пошла просить директора, чтоб на работу взял.

Но работы легкой для Фени не нашлось. Вот только конюхом если. Директор, ругаясь на бабье царство, спрашивал не столько бухгалтера, сколько себя самого: «Да разве же она управится? Двадцать четыре лошади, шесть быков! Не каждому мужику под силу с ними справиться». А где мужиков-то взять? Кто еще на фронте, другие уж никогда не вернутся.

– Оставайся! - в сердцах рявкнул директор, жалея то ли себя самого, то ли молодую бабу, в которой и весу-то никакого не наблюдалось.

А Феня довольнешенька! Рядом с конторой МТС, прямо в конюшне, в отдельной «хибарке», где размещалась разная конная утварь, жили теперь они вдвоем с Колькой. Чтобы заработать три килограмма муки и несколько картошин, Феня себя не жалела. И лошадей обихаживала, и воду носила им неслучайное количество ведер, и четырнадцать печей в боксах МТС топила.

– Вставала в три часа ночи и шла за километр в боксы печи топить, - вспоминает Феодосия Ивановна, - страшно, волки кругом воют, того и гляди, порвут тебя на части. К каждой печи еще днем по кубометру дров рас-

кладывала, пока истоплю, потом загребу уголья, домой только в обед прихожу. А все это время дума в голове только одна: «Как там сыночек мой? Не упал ли с печи русской? Ел ли чего?» И как же я рада была, когда видела дома на столе крошки хлебные! Это повариха МТСовская, значит, Колю покормила, перепечку ему принесла, лепешку такую. Посмотрю на сыночка чуток, и снова лошадей управлять. Как выведу жеребца, здорового такого, он ржет и как станет на меня цапками, на дыбы значит – страсть одна!

Но и жеребец свой гордый нрав смирял перед этой женщиной, силой духа и добром побеждавшей все тяготы на своем пути.

Хоть здесь и называли ее немкой, сердечных людей в Казахстане встретила она немало. Сама злом никому не отвечала, обиду в сердце не держала, только маялась неизвестностью о муже своем, которому все это время верной женой оставалась.

Как-то пришло письмо на МТС, Александр сам искал жену с детьми, сообщая, что находится в трудармии на Северном Урале. А там и войне конец подошел.

Феодосия Ивановна День Победы не помнит. До казахских степных аулов весть дошла не сразу. Только с первыми возвратившимися с войны победителями узнали об ее окончании. Старшая дочь тети Маруси, вернувшись с фронта, выхлопотала разрешение и для Фени вернуться на родную Украину.

ВОЗВРАЩЕНИЕ И СНОВА... ССЫЛКА

Никто не объяснил ей, «за что?». Никто не попросил прощения за доставленную боль, дни одиночества и отчаяния, за смерть сына, за пять загубленных лет жизни. Она подъезжала с Колей к той станции, от которой отправлялся их эшелон в начале войны. Сколько же чувств переполняло ее!

-Как же я волновалась, как плакала и радовалась! Милая моя, не передать тебе того, что я тогда испытала, - говорит Феодосия Ивановна, вытирая глаза.

А когда приехали они на Удачную, и совсем от счастья потерялась. Кто-то из знакомых увидел ее с сынишкой на станции и сообщил родным.

-Я к маминому дому бегу, а она навстречу. Вижу ее и кричу: «Мамочка моя!»

Девяносто лет прожила на свете Феодосия Ивановна, а в душе так и осталась маминей дочкой и молодой мамой, безутешно оплакивающей своего первенца и беззаветно любящей младших детей, Колю и Нелю, хотя те сами давно уже дедушка с бабушкой.

Хрупкая, ясноглазая, с нескрываемой статью даже в 90, бабушка Феня старается жить и сегодня.

-По утрам делаю зарядку - двадцать приседаний, гуляю. Хоть с палочкой, но пройду до того места, где стоял наш барак, копаюсь в огороде, хоть Неля меня и ругает, а я двигаться хочу. Жить стараюсь, знаешь, как я стара-

юсь, милка моя! Видимо, Бог и дает мне жизни за все мои страдания.

А страданий ей выпало немало, если всю судьбу Феодосии Ивановны подробно излагать, то получится не «тысяча и одна ночь», а повесть о тысячах ночей, проведенных ей в тревогах, раздумьях и заботах.

- Не обсказать тебе всего, что пережило, - машет она сухонькой ручкой.

А я слушаю, ее и словно воочую вижу другого дорогого мне человека, мою родную бабушку Улю. Не только внешне была похожа она на Феодосию Ивановну, не только так же, как она, войну в Казахстане пережила, работая в госпитале и колхозе. Главное в другом - в том внутреннем свете, который она так же излучала, согревая меня всю жизнь. Моей бабушке тоже было бы в этом году 90. Было бы... А может быть, это именно она спустилась с небес и привела меня к Феодосии Ивановне, чтобы еще раз согреть своим теплом.

После возвращения на Украину, Феня устроилась работать диспетчером на молочарку. Бидоны алюминиевые со сливками возила в райцентр Красноармейский, Коле в ту пору лет семь было. Сначала сынишка дома с мамой ее сидел, а потом уж и в школу пошел. Но недолго грелись они под родным солнцем. Снова Колю за ручку, снова в вагон, и вновь она едет теперь на неведомый ей Урал, где до сих пор в трудармии находился ее муж Александр.

Барак 14-го отряда трудармейцев стали первым их с Колькой пристани-

щем на Урале. В начале войны Александр Кених строил плотину Богословского пруда и до сих пор где-то грузил бутовый камень. Боже, сколько этого камня через его руки прошло, сколько под этим камнем сгинуло рядом стоявших. Днем Александр грузил камень, вечером еще подрабатывал, чтобы лишнюю горстку овса жене с сыном принести.

Быльем ничего не поросло. У плотины той, у бутового камня и скалы, крест всем погибшим трудармейцам поставлен, в том числе и Федору Кениху, брату Александра. Сам же он выкарабкался, выжил, вместе с женой и сыном позже в другой барак перебрался. Туда, где жили и другие поселенцы -

оплакивали свою судьбу, справляли праздники, вместе пели песни под гармонь Александра Густавовича. Подросший Николай любил свой барак, а вот школу, где его всегда обрекали и дразнили фашистом, терпеть не мог. И при случае обходил стороной. Дома отец за это его драл ремнем, в сердцах приговаривая: «Мать неграмотная, я - не ученый, а ты учиться будешь!» Но страх перед унижением, перед детской жестокостью был сильнее страха перед отцовским ремнем. Феня, тайком от мужа вытирала слезы, сердце от жалости к сыну рвалось в клочья: «В чем мои дети провинились? Перед кем?». Она всегда с трепетом и тревогой относилась к Николаю. Только силой материнской

немцы, татары, эстонцы, так что дружба народов была самой настоящей, а не понарошечной. Здесь, в семье Кених родилась младшая дочь Неля. Здесь они вместе с соседями растили детей, порой

любви спасла его в Казахстане, где он не раз был на волосок от смерти. После перенесенного тифа и говорить стал поздно, и науки ему с трудом всякие давались. А помощник ей был первый.

Сама Феня и в Краснотурьинске никакой работы не чуралась. Нянечкой в яслях работала, полы мыла в школе ФЗО:

– Вечерами приходилось работать, здание большое, вот Коля мне и помогал, – говорит Феодосия Ивановна. – Потом он каменщиком стал, хорошим каменщиком, пятого разряда. Отец его город строил, и он всю жизнь в тресте «БАЗстрой» проработал. Камень бутый клал, прости меня, Господи!

Неля была ребенком другого поколения. Ей в школе уже было легче, но, когда дочь в 17 лет устроилась на телеграф телеграммы разносить, то в самые отдаленные уголки города мама ходила с ней вместе, не считаясь ни со временем, ни с расстоянием. Большой трудовой стаж у Нелли Александровны в узле связи, звание заслуженного работника имеет, а коллеги нет-нет, да и

вспомнят, как она с мамой телеграммы разносила.

Слушая Феодосию Ивановну, сама не раз вытирая слезы с глаз, я восхищалась этой славной женщиной, всецело посвятившей себя детям, умеющей глубоко любить, прощать и жертвовать собой. Когда необходимо было бросить все и сидеть с внучкой-инвалидом, она, не колеблясь, сделала это. Девятнадцать лет посвятила больному ребенку и вот уже двадцать лет оплакивает ее безвременную смерть.

Нет у Феодосии Ивановны правительственных наград, нет официально признанных заслуг перед Отечеством. А мне хотелось ей низко поклониться. Женщине и матери, безропотно вынесшей на своих плечах все тяготы судьбы. Ведь на таких людях и держится Отечество.

2004 год

Сын подпольщика

У ГОСУДАРЕВОЙ ДОРОГИ

Наш уазик с трудом пробирается вперед. Как тут не вспомнить Николая Васильевича Гоголя, а вернее, его великое изречение о российских дорогах. Возможно, и несправедливы наши возмущения здесь в Богом и людьми забытом краю, на коротком отрезке, соединяющим два соседних района, Карпинский и Лялинский, Свердловской области, кабы не знать того, что пробираемся мы по бывшему Верхотурскому тракту, некогда Государевой дороге.

Верхотурский тракт многие десятилетия не только соединял Россию с Сибирью, здесь, на дороге государевой, располагалась царская таможня. По этому тракту отправлялись в ссылку декабристы, по нему плелись на каторгу в Сибирь, гремя кандалами, тысячи арестантов.

Свидетелем многих исторических событий стал на своем веку Верхотурский тракт. Не обошли его стороной и трагические 30-40-е годы XX столетия, когда все по этой же дороге, теперь уже по воле другого диктатора, возмнившего себя, не только царем, но «вождем и учителем» всех народов, отправля-

лись в эти глухие края на поселение раскулаченные крестьяне, «враги народа» из Крыма, с Украины и Поволжья.

СЫН ПОДПОЛЬЩИКА

Полное бездорожье, грязь и морозящий дождь... Увы, с погодой не повезло, но наша небольшая экспедиция не унывает. Сегодня нам предстоит интереснейшая поездка в посёлок Верхняя Лобва. Честно признаться, раньше я никогда не бывала в этой местности. И моё воображение рисовало лишь отдельные картинки.

Цель нашего путешествия состоит в том, что мы должны найти людей, которые когда-то были насильственно

высланы на Урал. Задача не из лёгких, очень трудно войти в доверие к незнакомому человеку, чтобы он рассказал о своей жизни, вспомнил моменты, которые оставили в душе незаживаемую рану.

Мотор гудит, колёса крутятся, машина рвется вперёд. Наконец дорога становится лучше, ровнее – значит приближаемся. Последний поворот – и перед нами предстает великолепная панорама уральского края.

С возвышенности, на которой мы находимся, открывается просто потрясающий вид. Кто-то воскликнул: «Можно фильмы снимать, никаких декораций не надо!» И это действительно так. Мы словно видим только что написанное художником полотно. Большие покосы, видно, что раньше здесь располагалось чьё-то жильё. Живописный всеячий мост соединяет поселок, расположившийся вдоль дороги по двум берегам реки Лобвы. Пара небольших улочек с покосившимися от старости домиками, совсем заброшенными, с почти обвалившейся крышей, забытые и уже никому ненужные. А когда-то они служили кровом, в них слышались голоса и горел огонь, а сейчас только ветер гуляет. Панораму дополняют великолепные скалы, величаво возвышающиеся слева над рекой. А могучие кедры, словно стражи, охраняют это забытое селенье. Возникает ощущение, что время не коснулось этого места, а цивилизация лишь краем задела посёлок.

Подходим к первому дому барачного типа, хозяин которого был выс-

лан сюда в 1944 году. Именно об этой беседе я хочу рассказать, раскрыть историю одной жизни.

Немного продрогшие, мы с радостью входим в дом, приятное тепло касается щёк и щекочет нос. Убранство дома – чисто в деревенском стиле. Большие окна, белёные стены и печь в углу. Осмотревшись, мы начинаем разговор.

Наш собеседник - Георгий Михайлович Кастанди. Был выслан вместе с семьёй на Урал в 1944 по национальному признаку. Он – грек. Родился Георгий Михайлович в Крыму, в деревне Чичменджи, в десяти километрах от Симферополя. Семья, состоящая из семи человек, жила в большом доме с садом. Однажды, в четыре утра, ворвались какие-то люди, спросили национальность, приказали собраться в течение пятнадцати минут. Кастанди не поверили, что семью высылают. За что? С собой ничего не разрешили взять.

Сначала их отвезли в Симферопль, там погрузили в вагоны и увезли далеко от родины без права возвращения.

- В пути почти не кормили. Раз в три дня наливали только баланду. Сначала нас привезли на станцию Лобва, где мы жили в бараках, - вспоминает Георгий Михайлович. – Потом приехали с гидролизного завода и с лесопунктов, так называемые «покупатели», и стали набирать себе рабочую силу.

При этих словах у меня в душе поднялась буря. С людьми обращались, как с товаром, делали с ними, что хотели. И после этого пытаются утверждать, что

в Советском Союзе не было рабства. В таком случае, как назвать подобное обращение с человеком? Заставить человека работать – это уже есть своеобразное рабство. И в Советском Союзе оно было, просто его хорошо скрывали, называли другими словами.

– Сначала всех привезли в посёлок Шайтанка, – продолжает Георгий Михайлович. – Все работали в лесу наизнос. Многие просто замерзли. Зимы уж очень холодные. А эти идолы от комендатуры жизни не давали.

Хочется заметить, что, вспоминая про комендатуру, Георгий Михайлович не сдерживает своих эмоций. Видно, глубокая рана осталась на сердце, с ожесточением вспоминает он тех, кто просто издевался над ними.

– Комендант даже имя мне насильственно изменил. В комендатуре хоть и знали всех наперечет, но каждый раз спрашивали имя и фамилию. Я отвечаю: «Юрий Кастанди». А кто-то из толпы обронил: «Да какой же он Юрий, он Георгий». Комендант, недолго думая, приказал: «Будешь Георгием!» Паспортов у нас не было. Комендант – вся власть.

Слушая, я думала, хоть и имеют два имени одно происхождение, но ведь Юрием сына называли родители при рождении. С этим именем он прожил 16 лет, а потом вдруг стал Георгием. В то время вообще о правах человека не приходилось говорить. Всегда кто-то решал за других.

Мы просим показать сохранившиеся фотографии, для этого проходим в

комнату. Опять всё тот же стиль. Посередине – русская печь, на стене – старое подвесное зеркало в деревянной раме, а на полу – множество вязаных половичков-кружочков. В свое время в селе это было признаком достатка.

Разговор продолжается. Я спрашиваю Георгия Михайловича: «А как вы себя чувствовали сразу после тёплого края, в холоде Урала?»

– Поначалу было очень тяжело. Работали на других, себе ничего не оставалось. На баланду и то талоны были. А идолы всё жизни не давали. Комендант сволочь был. Жена моя первая менингитом головы болела. Ее в больницу срочно надо было везти, до Карпинска ближе всего, но нам туда нельзя, он «за границей» – в другом районе. Как я не просил коменданта, он не разрешил. Так мы её полуживую в объезд везли по ухабам до Ляли. Умерла она. Ужас просто, как издевались над нами.

От таких мрачных разговоров становится страшно. И недоумеваешь: чего же стоила жизнь человека? И почему ей мог распоряжаться какой-то комендант? Невольно думаешь, а сколько смертей пна его совести? И неужели потом эти люди жили спокойно?!

В этот момент вошла хозяйка, Лидия, как представилась она, и пригласила к столу.

В чашках дымился чай, на столе стояли сладости и банка домашнего молока. Чувствовалось, что разговор становится откровенней. Было ощущение, что Георгий Михайлович выгова-

ривает всё, что у него накопилось в душе. Словно переживает всё заново.

– Более 50 лет отработал я водителем в леспромхозе. Часто приходилось забирать груз в поселке Каква, что

нуть эти края, после того, как комендатуру отменили?

– Я пытался вместе с родителями уехать на Кубань. Но как-то не смог там прижиться и вернулся обратно.

Верхняя Лобва

располагался на границе Лялинского и Карпинского районов. Но находился он все же со стороны Карпинска. А мне, как ссыльному, границу пересекать нельзя. И приказ выполнять надо, груз привести.

Какой абсурд! Наказывать подневольного человека за то, что он выполняет приказ вышестоящего!

– А вам никогда не хотелось поки-

Верхняя Лобва – старый уральский поселок, издавна стоявший у Верхотурского тракта, бывшей Государевой дороги. Ссылных здесь было мало, в основном – коренные жители. А вот всего в нескольких километрах вверх по Лобве находится поселок Шайтанка, куда и привозили спецпереселенцев. Недоброе место, как и само название. Это уже потом Георгий Михайлович

переехал в Верхнюю Лобву, а сначала тоже был привезен в Шайтанку, где находился большой в то время лесопункт.

- Обидно, - говорит он. - Ведь партизанам в Крыму помогли. Я мальчишкой был, а помню, как наш дом в оккупированном крае местом встречи партизан был. Рисковали все: и мать, и отец, и мы, пятеро детей. Помню, как мы с мамой ходили в какую-то столовую за буханками хлеба, в которых были спрятаны записки для партизан. Нам предстояло пройти не один пост гестапо. Страшная была служба. Гестаповцы были все рослые, высокие. На груди - орел на цепи. Смотрит на нас гестаповец сверху вниз, дескать, что там у вас в мешке? И сам достает свежую буханку, сминает ее в руке и бросает

обратно: «Шнель!». Русский бы Иван ни за что просто так булку не оставил, на кусочки бы все разломил. А нужно было всего лишь пополам ее сломать, и увидеть письмо для партизан. Не допер немец. Теперь я думаю, как же рисковала моя мама, молодая в то время женщина, своей и моей жизнью! А разломил тот хлеб гестаповец, страшно подумать, что с нами могло быть!

Часто в наш дом приходили ночью партизаны. Я спал на русской печке и видел сверху, как они о чем-то говорили с отцом. Иногда отец выступал проводником и по тайным тропам вел их в Симферопль. Перед высылкой нас из Крыма отца предупредил об этом один из партийных работников. Но отец не поверил, что нашу семью могут выслать: «Мы же вместе с партизанами против фашистов боролись». Напрасно не поверил. НКВДэшники даже не разговаривали с ним, только спросили: «Кто по национальности?». Он ответил: «Грек». Значит, враг. Пятнадцать минут на сборы. Обидно. Знаете, как обидно, до сих пор все вот тут, - приложил руку к груди Георгий Михайлович.

Слушая эту историю, я думала, сколько пришлось всего пережить людям. Выдержать такое не каждому под силу.

- А как вы узнали о смерти Сталина?

- Сообщили в Шайтанке в леспрохозе. И честно сказать, у многих ссыль-

ных на душе была радость, но открыто никто своих чувств не показывал. Ведь рядом были и такие, кто верил в Сталина.

...Из дома Георгия Михайловича мы выходим, задумавшись обо всем услышанном. Еще раз вглядываемся в поселок. Я представляю себе, что когда-то здесь была большая деревня с бега-

ющей ребятней, криками и смехом. И сколько еще здесь жило людей, и у каждого из них была своя судьба. Но их уже нет.

Солнышко выглянуло из-за туч и осветило поселок, он словно улыбнулся нам. Дальше дорога обещала быть хорошей. И мы двинулись на поиски новых историй.

*Екатерина Лукиных, 18 лет
Участник проекта Карпинский центр по сбору устной истории*

2003 год

Ниспосланная благодать

Встречи бывают самыми неожиданными. Через два дня мы со школьниками собирались ехать в очередную экспедицию по сбору устной истории в поселок Всеволодобла-

цы Урала и Санкт-Петербурга. Еще в программе конференции я прочитала имя Людмилы Борисовны Всеволожской, а на следующий день работы конференции специально пришла ее послушать.

Людмила Борисовна, педагог по профессии, ныне краевед, занимающийся поиском истории своей знаменитой семьи и делами Екатеринбургского дворянского собрания. И на конференции она рассказывала о своих исторических предках.

годатск Североуральского района. А накануне Красноуральский краеведческий музей проводил Федоровскую научную конференцию. Рассказать и послушать о знаменитом ученом, работавшем в Богословском горном округе в XVIII веке, собрались гости не только из соседних городов, но даже из столи-

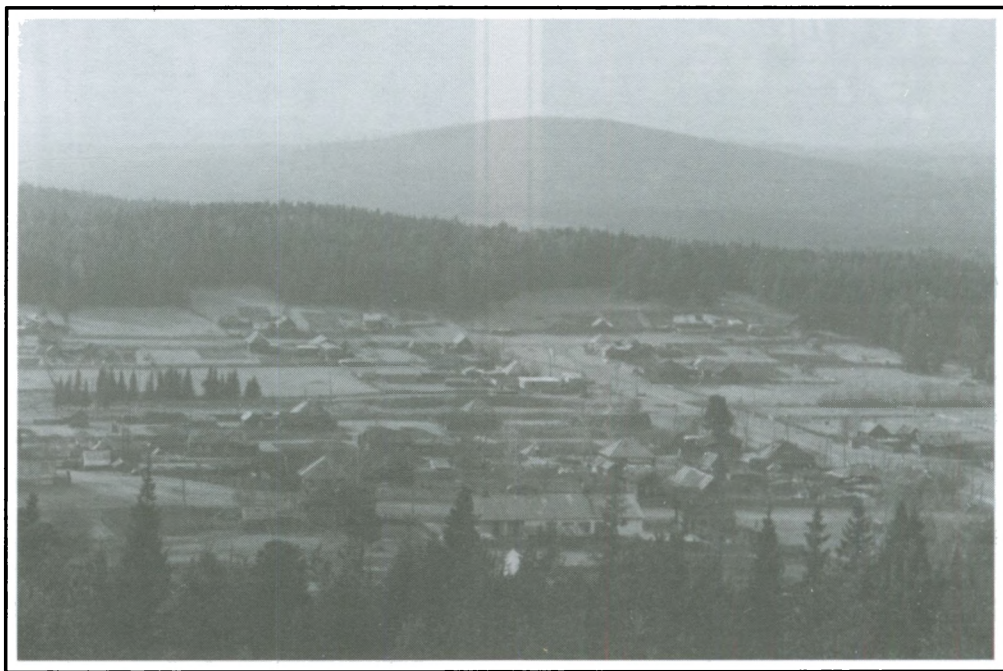

Элита российской знати, дворяне Всеволожские, пришли на Северный Урал вслед за основателем заводов Богословского горного округа Максимом Паходяшиным. А еще задолго до этого, в XV веке, царь Иван Грозный отдал дворянам Строгановым земли неподалеку от Петропавловского завода (ныне город Североуральск), со стороны Пермской губернии. После смерти владельца заводов его вдова продала земли дворянам Всеволожским, они в свою очередь прикупили еще Заозерскую дачу в самой близости Петропавловского завода. Долго Всеволожские не могли найти, как казалось бы, на обработанных участках полезные ископаемые, а, когда надежда пропала совсем, старатели в верховьях реки Лозьвы обнаружили золотой песок. С этого момента и обосновались в этих краях Все-

воложские.

Согласно легенде, сын Статского советника, члена Государственной Думы, церемонимейстера царского двора Всеволожского Всеволод, приехав в эти места, восхищенно глядя на открывшийся Денежкин камень, воскликнул: «Какая благодать!». Отсюда и пошло название поселка, возраст которого измеряется 180 годами. Нам повезло меньше, чем Всеволоду, Денежкин прятался в тумане, осенняя погода не обещала никакой благодати, хотя и грех было жаловаться на октябрь, почти весь простоявший золотым.

Вид на поселок с ближайшей возвышенности, где стоит сооруженная геодезистами деревянная вышка, наверное, немногим отличается от вековой давности. Деревянные дома с прилегающими хозяйственными пост-

ройками, разместились на небольшом пятачке, разрезанном редкими улочками и окруженном со всех сторон тайгой и горами. С трудом верится, что этот островок вообще подозревает о существовании большой земли. А тем не менее события здесь разворачивались самые что ни на есть, исторические. О том свидетельствует клуб на горе среди поселка, раннее бывший, конечно, церковью в возрасте 150 лет; центральная улица имени Кирова, где находится местная администрация, а напротив нее – заброшенный, полуразрушенный памятник, на треснутой табличке которого надпись: «Рядовым революции от благодарных потомков».

Потомки, между тем, ведут неторопливый образ жизни в таежном своем краю и вряд ли благодарят скромных героев революции. Во всяком случае, встретившиеся нам жители поселка на монумент сей местный взирали с равнодушием, до разговоров с нами особой охоты не проявляли, ссылаясь на единственного знающего в селе человека – библиотекаря Светлану Васильевну Сапегину. Не проявил к нам интереса и глава местной администрации, сославшись на нерабочий день и занятость на собственном подворье.

Спасибо Светлане Васильевне, а то бы весь день – впустую.

Светлана Васильевна встретила нас на широком подворье кражистого дома, расположившегося у самой дороги, он, как и его хозяйка, знает, конечно, немало, но предпочитает обо всем молчать: «Дескать, можете сколько

угодно догадываться, а я – «ни гу-гу». Знаю цену молчания в этом глухом краю». Светлана Васильевна собирается на работу, и мы вместе идем в библиотеку.

Людмила Борисовна Всеволожская на земле своих предков никогда не была. Собирается каждый год, да ведь путь совсем неблизкий. В этом благодатном краю Всеволожские основали свои золотиносные прииски, от Ивдельского месторождения шло их богатство. Мимо этого золота, далее, на север от Денежкиного камня, в Ивдельский район везли в ссылку потомков знатного дворянского рода в 30-х годах XX века.

– Мой родной дед в 1918 году умер от туберкулеза. А двоюродный – Николай Александрович Всеволожский, был личностью довольно известной, – рассказывает Людмила Борисовна.

Еще в 1915 году семья Всеволожских, переезжает на место жительства в Нижнюю Туру, по причине того, что глава семьи Георгий Александрович, инженер строитель железных дорог, страдал туберкулезом. Рекомендуемые курорты Швейцарии и Финляндии в это время были недоступны: в Европе шла первая мировая война. Экологически чистым районом в этот момент считался Урал, особенно Нижняя Тура, куда и переезжает мой дед со своей семьей. А в 1918 году здесь умирает. С развитием революционных событий трех его сыновей, в том числе и моего будущего отца, вследствие их буржуазного происхождения исключают из школы и

комсомола. По этому поводу братья пишут письмо Марии Ильиничне Ульяновой, и их восстанавливают. Но это была только временная отсрочка. Впоследствии моего отца, уже взрослым, направят на работу в управление Ивдельского ГУЛАГа, где арестуют, как чуждого элемента и отправят в лагерь на Печору.

Интересна судьба моего двоюродного деда Николая Александровича Всеволожского, который в 1920-26 годах был председателем моссоветовской секции охраны старины Кремля. Под его опекой был Собор Василия Блаженного и Свято-Троице-Сергиева Лавра. По заданию Ленина Николай Александрович производил реконструкцию обелиска, раннее сооруженного в честь 300-летия дома Романовых. Он же постарался сделать это так, чтобы сохранить исторический памятник. Только снял с обелиска герб России и стер имена особ свергнутой царской династии, взамен которых были высечены имена революционных вождей мирового и российского пролетариата. Благодаря настойчивости Николая Александровича, в 1922 году был спасен от разрушения и Храм Василия Блаженного. По решению Ленина, храм предлагалось взорвать и расчистить Красную площадь для парадов. Николай Александрович воспротивился этому решению, закрылся в храме и сказал, чтоб взрывали вместе с ним. После трех дней раздумий Ленин отменил свое решение.

Николай Александрович был художником и скульптором, и после спа-

сения собора его направили работать в мастерскую, которая изготавливала бюсты Ленина. А в 1933 году за недонесение о приезде к нему близкого родственника, что в Москве тогда преследовалось, осудили его на десять лет лагерей и отправили на строительство Беломорканала. В 1943 году выслали в поселок Полуночное Ивдельского района, на самый север Свердловской области, где Александр Николаевич был архитектором и проектировал все общественные здания. Полуночное называют поселком сказочных теремов, так отличается его архитектура от всех других, являвшихся местом ссылки.

Дом культуры в п. Полуночное,
архитектор Н.А. Всеволожский, 1947 год

О чем думал Николай Александрович, создавая шедевры в поселке, ставшем ему острогом, а некогда являвшемся вотчиной Никиты Всеволожского?! Об этом мы уже не узнаем.

Разумеется, не могла советская власть простить Всеволожским ни

дворянского происхождения, ни золотых приисков, ни близкого знакомства с русским гением – Пушкиным. А потому на долгие годы их прибежищем стал Северный Урал, теперь уже не россыпями золотыми их приковавший, а цепями ссыльных поселенцев.

В поселковой библиотеке жарко натоплена печь. После ветреного осеннего дня, тепло и уют обволакивают. Мы располагаемся в креслах и на стульях, не переставая удивляться яркости оформленных выставок. Детские рисунки родного края, фотовыставка заповедного уголка, Денежкина камня. Все сделано своими руками, самобытно, но с особой любовью. Первые встречные жители поселка не ошиблись, направляя нас в библиотеку. Светлана Васильевна увлеченно рассказывает:

– Всеволод Всеволожский разделил эти земли между своими сыновьями Александром и Никитой. Александру досталась эта вотчина, богатая золотом, а Никите отошел Ивдель. Граница между угодьями называлась большой гранью. Контора золотых приисков была во Всеволодоблагodatске. В 1836 году на пригорке построили церковь, а в ноябре 1852 она сгорела. До наших дней сохранилось описание того, как горела церковь. Ничего не удалось спасти. Люди с просьбой обратились к Александру Всеволожскому, чтобы снова построить церковь, и она была возведена за зиму 1853 года. Вот и стоит с тех пор, перестроенная в клуб.

Исторически поселок был связан с Ивделем, уже после Великой Отечественной войны его отнесли к Североуральскому району. Судя по типу построек, краеведы считают, что первые жители нашего поселка приехали сюда из Нижнего Новгорода.

Интересна судьба Никиты Всеволожского, который служил вместе с Пушкиным, вместе с ним создал общество «Зеленая лампа». Сохранилась легенда о том, что однажды великий поэт проиграл в карты Никите тетрадь рукописных стихов, но тот вернул ему ее обратно с одним условием, что при публикации она будет называться «Тетрадь Всеволожского». И Пушкин выполнил это условие. У Александра Сергеевича есть стихотворение, посвященное Всеволожскому. О храбром Всеволожском говорится и в «Истории Пугачевского бунта».

Но представителям рода Всеволожских, основавшим поселок, памятника во Всеволодоблагodatске нет. И не было никогда, как классово чуждым элементам. Как будто бы не им обязаны потомки местом своего существова-

ния. Вот только, если церковь, или клуб теперь, и есть сама память об основателях поселка. А еще дороги, сохранившиеся со времен Всеволожских, например, на Пермь, да старый амбар, где хранилось оборудование для медеплавильного завода, строительство которого так и не состоялось в связи с золотой лихорадкой.

Невольничью долю вместе с бывшими дворянами разделяли в этих краях и предки потомственных крестьян. В поселке Шегультан, расположенном в 12 километрах от Всеволодоблагодатска, раскулаченные и высланные крестьяне жили в страшной нищете, еще хуже - в поселке Шарп, так как из-за каменистой почвы здесь невозможно было выращивать овощи и картофель. Поэтому многие спецпереселенцы со временем перебрались в поселок Сосьва, расположенном в живописном месте, на берегу реки с одноименным названием.

Но, что оказалось неожиданным в рассказе Светланы Васильевны, так это то, что высылали в эти края и зырян с манси из Архангельской области и Ханты-Мансийского автономного округа, коих мы привыкли считать самыми что ни на есть коренными жителями. Оказывается, нет, представители и этих северных народностей подверглись раскулачиванию и ссылке. Здесь они продолжали вести образ жизни, унаследованный от предков. Уважали мороженую сырую оленину и свежую оленью кровь. При этом зыряне очень близко принимали христианскую веру, отмеча-

ли все религиозные праздники, на Пасху стреляли из ружей, чтобы бог дал им удачной охоты. Занимались оленеводством и ездили на нартах.

Эти края описывали многие географы и путешественники, часто в своих описаниях называя местные леса «королевскими дубравами». По приказам государства составляли карты этих мест, описывали торговые пути и полезные ископаемые. Но знание данного материала совсем не мешало государству сделать этот богатейший край местом ссылки, нищеты и разорения.

Одним из поселков, принявших в 30-х годах спецпереселенцев, был поселок Сосьва. Удивительно красивое место даже при нынешней заброшенности и отсутствии перспективы. Впрочем, какое дело природе до чаяний людских? Ленива осенью река Сосьва, прозрачна и чиста. Как в зеркале отражается в ней октябрьский лес.

Поселок на высоком берегу, длинная улица домов словно течет. О спецпоселенцах здесь говорят с неохотой:

– Идите-ка вы, к Марии Сухогузовой, она-то с Воскресенки будет, может, чего и расскажет. Дом ее – крайний на дороге.

Мария Сергеевна приглашает нас в дом. Вроде доброжелательно, но как-то осторожно. Тема разговора ей не по душе. А, увидя фотокорреспондента с наведенной на нее камерой и вовсе запотестовала:

– Да, не знаю я ничего, не помню.

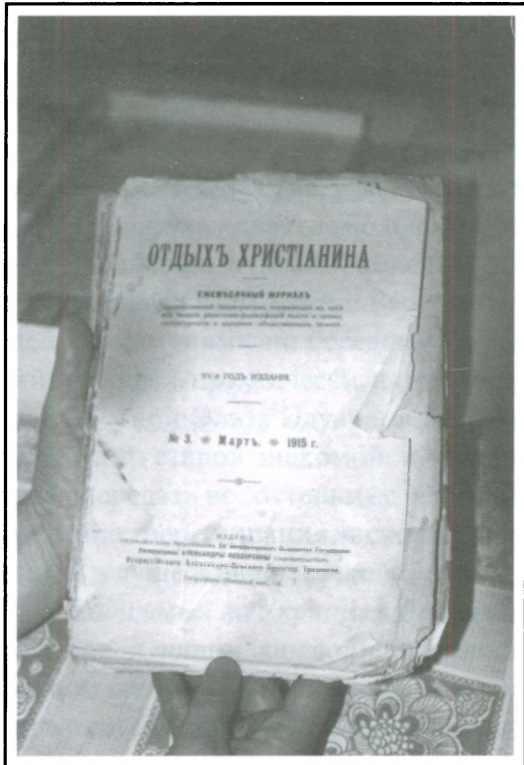
Только позже догадались мы, что фотограф наш был одет в камуфляж-

ную форму, вызывающую страх у этих людей до сих пор. Проводив, его во двор, похвалили с Марией Сергеевной нынешний урожай и теплую осень. Она выставила на стол банку с молоком, выложила только испеченные каральки, а потом, вытерев о передник руки, достала с полки картонную папку, полную старых газет:

– Я о нашем крае все собираю, что в газетах пишут или журнале каком. А еще вот какой журнал храню, доставшийся мне от бабушки.

Мать честная, «Отдых христианина. 1915 год!» И это она-то ничего не помнит.

Мария Сергеевна аккуратно разглаживает вырезки:

– Я сама не сосланная была, жила в Воскреснке, а там ссыльных-то много было: Киприяновы, Кожавины и другие. Воскресенка стояла в устье Шарна, сейчас рельеф стал иным, Сосьва изменила русло. Крестная мне рассказывала про Романова Василия, сосланного сюда в 11 лет. Фамилию ему, как ссыльному, поменяли, и стал он Киприяновым. Сосланных много было из Архангельска, кого-то присылали из Соликамска. Работали ссыльные на шахтах, где железную и медную руду добывали. Были и шахты, вертикальная и горизонтальная, сейчас их уже завалило. Золото, конечно, еще мыли. Помню, что вместо денег боны были, старатели их получали за намытое золото, некоторые очень даже зажиточно жили. Только не спецпреселенцы. Церкви в поселке не

было, крестить и венчаться во Всеволодовск ездили. Я потом замуж вышла, председателем Совета мой муж работал, в Сосьву мы переехали, когда здесь леспромхоз организовался, и спецпереселенцы потянулись сюда, в лесу работать. Теперь в живых уж нет никакого.

Мария Сергеевна кратка в рассказе, только странички газет и подшивки перебирает.

-Здесь написано все, почитайте. А я не помню больше ничего. Лучше пейте молочко, да сдобой угощайтесь.

Сдоба на самом деле отменна, и как ни сдерживает себя хозяйка, а вол-

нение нет-нет, да прорвется:

– Тяжело они жили, спецпоселенцы. Очень тяжело. Семьями вымирали, что вспоминать теперь!...

Понимая, что не вытянуть из нее больше ни слова, благодарим за сдобу и молоко. Покидая гостеприимный дом, выглядываем из автомобиля: рука в окошке осторожно опускает чуть приподнятую занавеску. Пожимаем плечами, явно чувствуя недосказанность.

Долго едем вдоль берега реки, даже Сосьва русло поменяла, а страх человеческий не изменен.

2003 год

Брали всех подряд

С Эльзой Эдуардовной Овсянниковой, знакомой нам уже по первой части сборника, мы встречаемся еще раз. Жена кулацкого сына и одновременно фронтовика, дошедшего по дорогам Великой Отечественной войны до Берлина, с детства узнавшая, как уводят родных по ночам, она в юности испытала жуткое дыхание войны и несправедливость, тяжким бременем свалившуюся на ее плечи вследствие немецкого происхождения.

Наверное, она была сильной и решительной. А еще она обладает удивительным внутренним чувством, присущим только женщине, если смогла в зрелом возрасте стать матерью взрослым детям своего мужа, родившимся в первом браке. Она сама, уже восьмидесятилетняя, ухаживает за больным супругом, смотрит за домом, конечно, доверившись во всем дочери Вере, живущей с родителями по соседству, и хозяйствующей, практически, на два дома.

Со мной Эльза Эдуардовна говорит, как со старой знакомой, и мне хочется передать все оттенки ее речи, интонацию, переживания, всколыхнувшиеся в душе нашей беседой.

-Родилась я на Украине в Донецкой области, а потом, как война началась, нас всех отправили рыть противотанковые рвы. Семья у нас была большая -

пятеро детей. Две сестры были замужем, а мы с братом еще жили дома. Отца забрали в 37-м году.

- Арестовали?

-Ну, как брали тогда всех подряд? И старшего брата так же забрали.

- А как вам объясняли, почему их забрали?

- Пришли, зашли в дом, сказали: «Вы арестованы».

- Днем пришли?

- Нет. Ночью. Приказали: «На улице никому не выходить, шторы закрыть, чтобы ничего не было видно!» У нас тогда длинные шторы были, мама закрыла их. А в доме - ни грамма хлеба не было. Еще вечером сели кушать, мама и говорит (а людей тогда уже по всему селу брали): «Вот если к нам придут, а у нас даже хлеба нет, чтобы с собой дать тем, кого из семьи заберут». Жили мы в селе Солнцево Старобешевского района Донецкой области. К тому времени уже многих, ой, многих арестовали! Каждую ночь заезжает в село машина без света, люди говорили: «Черный ворон приехал», и по порядку, вдоль улицы шли и брали всех. К нам пришел военный какой-то и председатель нашего сельсовета. Мать его просила, чтобы он меня выпустил пойти к соседке хоть булку хлеба занять. Он меня выпустил. Принесла я хлеба. Ну, и все у нас

переписали, обыски везде сделали. Все койки, все, что было, перевернули. А нашли заешь что? У нас был нож такой, свиной им кололи. Он лежал где-то на печке, красноармеец его и нашел. Вот, говорит, чем занимаешься – на отца. Нож забрал. И отца забрали. В селе одни немцы жили, редко русские были. Председатель колхоза – русский. Еще много греков было. Сторобешевск – это все греки. Шофера у нас своего в колхозе не было, нанимали. Так вот председатель, бухгалтер, шофер русскими были. Колхоз назывался имени Тельмана.

– Ваши родители состояли в колхозе?

– А как же, как же? Конечно, состояли. До последнего дня, отца-то в 37-м забрали, а мать до последнего дня там была. Брат пошел учиться на шофера, полуторка в колхозе была. Перед войной делали грейдерную дорогу, тогда не было города Донецка, а был Сталино, так вот, от него – и до Мариуполя. Каждому колхозу давали план на строительстве этой дороги. На свой участок выезжали в субботу и воскресенье. На лошадях, на машине. Нас и война застала в Старобешево. Как раз приехали туда, и как это было? Радио, черная тарелка. И вдруг Молотов объявляет по ней о том, что началась война. Это было 22 июня. А мы ничего не поняли, и что война, не поняли. По магазинам пошли. Потом сказали нам, чтоб вернулись домой, дескать, дорогу большие делать не будут. Домой приехали, а там уже отправляют на фронт. Всех

мужчин и лошадей хороших. А потом, в начале июля, нас, молодежь, всех, сколько было в колхозе, отправили рвы копать.

– Сколько вам тогда лет было?

– Я 1921 года рождения, значит, 20 лет. В середине шел трактор с плугом, пахал, а мы выкидывали землю. Ров был метров семь в высоту, четыре – в ширину. По-моему, так. Одна из сторон внаклон шла, а другая – ровно. Видимо, чтобы танк не смог выйти из рва. Мы копали до тех пор, пока немец уже не начал форсировать Днепр. И тогда нам сказали: «Спасайтесь, кто и как может!». Начальство наше скрылось, мы их и не видели больше. Мы утром, как всегда, пришли на место работы, опять достали свои лопаты, готовились копать. Вдруг говорят: «Спасайтесь, немец Днепр перешел!» А на Днепре так лошади кричали, по реке плоты шли, и чего только не везли на этих плотках!..

Нас 60 человек было из одной деревни. Мы старались держаться вместе. А в той деревне, куда нас привезли на рытье рвов и окопов, вообще уже никого не осталось. Одни собаки да коровы ходили. Коровы мычат. Доить их надо. А некому. Собаки лают, голодные все. И мы в последние дни уже голодные, как те собаки. У нас, какие продукты с собой были, варить их нельзя, чтобы дым не видно было. Неподалеку бахчу разыскали, арбузы, помидоры там росли. А рядом был большой колхозный сад. Кисти винограда тяжелые висели. Так вот мы виноград ели, морковки на поле нарвем, так и шли, с собой ничего не взяв. По-

шли куда? Конечно, на вокзал. Домой поедем. Ага, сейчас. А на вокзале не то, чтоб в вагон зайти невозможно, на крышу взобраться было некуда.

– Все людьми было забито?

– Это – страшное дело! И нас задержали. Какой-то военный в обмотках, видать, что не русский: «Вы откуда и куда?». Нас шесть человек вместе было. Привел он нас в комендатуру, приказал, чтобы мы никуда не ходили, говорит: «Я вас вечером на шоссеюную дорогу выведу, к Сталино!» Правда, вывел он на эту дорогу, и мы четыре дня шли. Шли домой. Пришли в свой район, а там опять нас задержали. Опять стоит красноармеец с ружьем, в обмотках и рапортует в комендатуру: «Вот задержал». Нас спрашивают: «Откуда вы, девчонки?». А нас, уже шестеро осталось, и как давай реветь все в голос! Они нам: «Не плачьте, не плачьте!» Голодные мы, есть хочется. Говорим, что домой нам надо, в колхоз Тельмана. А там неподалеку тракторная бригада стояла зачем-то, нам сказали, идите туда, может быть, вам поесть дадут. Мы пошли. И, правда, нас накормили, еще с собой такую большую булку хлеба дали.

А потом видим: стоит бричка, лошадь, запряженная, и мальчишка рядом. Говорят нам, что этот парень знает дорогу, знает, куда вас надо отвезти. Садитесь. И привез он нас на станцию Меньшугово, а там народу кишело просто! Оказывается, немцев уже свезли со всех районов. Мы там ночевали. А наутро состав подали. В этом составе

возили лошадей. Кто успел хоть немного после лошадей убраться, подмести, так ехали в убранном вагоне. А кто нет, так прямо среди лошадиного помета больше месяца ехали.

Никто не понимал, куда нас везут, зачем? Никто ведь нам ничего не сказал. На станции Миллерово в Ростовской области так бомбили, так бомбили, что одни прутики железные от задних вагонов остались! Фашисты думали, что евреев везут. Кто мог из вагонов выползти, тот еще спасся. Это был настоящий кошмар!..

Привезли нас в Казахстан в город Семипалатинск, а там перегрузили на пароход и по Иртышу повезли в Восточный Казахстан, на станцию Гусиная, где стояли уже телеги, телеги, лошади, телеги.

Одному колхозу распределяли по сто человек, другому – шестьдесят! Мы попали в колхоз под названием «Вторая пятилетка». Далеко от станции, а там дорога!... С горы на гору! Ой-е-ей! И привезли нас на Октябрьские праздники, 6 ноября, а на завтра, значит, 7 ноября. Всех высадили у клуба, дескать, ночуйте здесь, а потом уже всех по квартирам расселять будут. А утром (мужиков-то уже не было в деревне, одни бабы) учительница пришла, вынесли на улицу стол с патефоном, поставила она пластинки и поздравила всех с Днем 7 ноября. Радуйтесь, дескать, жизни. Ой-е-ей! Наташа, это кошмар, что было!

Это был ноябрь 1941 года. Зимовали мы в Казахстане. Нашу семью: мать,

меня, сестру с двумя детьми, другую с тремя детьми, поселили в дом, а хозяйка дома где-то в заключении была. Так что в том доме было? Скамейки деревянные, да кровать деревянная стояла. Больше ничего. И нас - туда. Пола нет. Топить нечем. Даже посудины никакой нет. Потом колхоз выдал быка и какого-то мальчика, за дровами поехали. Ой-е-ей! Потом собрание собрали, заставили писать заявление: «Примите нас в колхоз». В колхоз нас приняли. А весной дали участок под картошку, садите, сколько хотите. А, когда наших из дома увозили, разрешили по 200 кг картошки с собой грузить. А еще мать перины, подушки затолкала в мешки. А что, у Ольги ведь двое детей, у Марии - трое, кормить ведь всех чем-то надо, спать на чем-то. Ольга с Марией - это сестры мои старшие с 1915 и 1908 года. Светлана, племянница, родилась в мае, а через месяц - война, да потом в дороге ехали - месяц. Купать-то ребенка негде было. Так ведь красное мясо испревшее привезли, а не ребенка. Она ведь бедная орала день и ночь. Ой, Господи, Господи!

А в феврале на другой год нас забрали в трудармию. У Ольги в Казахстане сын умер, простыл и умер. Брали тех, у кого дети старше трех лет. Марию не забрали, а Ольгу забрали. Второй ее мальчик с бабушкой остался.

Опять повезли нас на лошадях, ни слова не сказав, куда. Привезли в Усть-Каменогорск, а там - опять в вагоны и дальше. Куда? Никто не знает. Ничего не говорят. И привезли нас тогда в Куйбышевскую область, сейчас Самарская.

И так же распределили: на лесозаготовку столько-то человек, на другие работы - еще сколько-то, а мы попали в ГОРТОП. И четыре года в лесу заготавливали дрова. На кордон нас привезли, там барак был большой, трехъярусные нары, заключенные раньше здесь жили. А мы лес-то никогда не видели, у нас на Украине леса-то не было. Ну, топор - в руки, пилу - в руки. Одни девчонки, ни одного мужчины не было! Один лишь старичок, он там и жил на кордоне еще со времен заключенных, вот он нам показывал, как пилу держать, как пилить, как сучья вырубать. А снегу много, как упадет дерево, ничего не видать, и надо ведь сучья обрубить, и надо ведь, чтобы норма была. Если двухметровые заготовки, то норма 4 кубометра, а, если метровые - то больше. Ой, мука, какая! Реву-то сколько было! Жили в этом бараке. Кто попал на верхние нары, тому - тепло, а внизу - холодина. Печка была, вокруг нее валенки сушили, а тепла от нее мало. И в таких условиях - четыре года!

Незадолго до окончания войны, лес в нашей лесосеке закончился, и нас с кордона отправили в село, жить по квартирам. Разместили у одной бабки, у нее дочь и зять были на фронте, она одна жила. И пошла она как-то, молоко пропускать, к соседке через улицу, а мы с девчонками на полу спали. И слышим, бабка наша ревет, так бабка ревет, что это с ней? Девки встали, пошли ее встречать, она идет и кричит: «Война кончилась!».

Волга от деревни в трех километрах была, и мост через Волгу, слышим, как поезда гудят, пароходы гудят, война кончилась! Упала бабка возле крыльца, кричит: «Девки, война кончилась!». Ну, думаем, все, завтра домой поедем, раз война кончилась. Еще, немного погодя, шофера едут на машинах, кричат: «С победой всех, с Победой!». Опять думаем: «Все, сейчас поедем домой». А пробыли в деревне еще до июня, а потом свезли опять всех пароходом в Сызрань.

- А ведь сколько, Наташа, мы работали, ни разу, ни копейки не получили! Когда в деревне жили, продукты получали по карточкам, Лапшу давали, мяса мы не видели, кости какие-то вместо мяса, где их собирали, черти знают.

- А во время войны доходила ли до вас какая-либо информация о ходе боев, о состоянии на фронте?

- Откуда?! В бараке, в лесу жили, там ни газет, ни радио не было. Да, и в деревне тоже. Так вот, из Сызрани нас опять пароходом довели по Каме до Перми. В Перми уже машины ждали, погрузили нас и привезли в Свердловскую область, в Нижне-Сергинский район. Там был какой-то военный завод «424», привезли нас туда, и опять кто в леспрмхоз попал, кто на подсобное хозяйство, Ольгу нашу на железную дорогу отправили, а меня - в цех. Никто нас не освободил. Там, в деревне, хоть комендатуры не было, бежать было некуда, а в Нижне-Сергинске каждый день надо было в комендатуре отмечаться. Ой, кошмар! И так мы работали. А

Лиля, моя племянница, попала сюда, в Карпинск. А когда разрешили семьям соединяться, привезли в Карпинск из Казахстана детей, которые еще живы остались, а многие уже с голоду умерли, мать нашу привезли, Ольгиного сына.

- Это было уже после 1947 года?

- Да! Я приехала сюда в 50-ом. Сколько еще ходила к коменданту, чтобы отпустил меня сюда, не разрешали мне уезжать.

- А здесь, как у вас судьба сложилась?

- Приехала сюда, хотела на разрез идти работать, но меня не пустили на разрез. Стала работать в профилактории техничкой, а потом 19 лет работала в пионерских лагерях завхозом. Лагерь был тогда на реке Антипке и Княсьпинском кордоне. Зимой подрабатывала на стадионе, на лыжной базе. А потом комендантом на хлопкопрядильной фабрике.

Когда я приехала сюда в 50-м году, мы ходили на отметку в комендатуру. Была улица Кирова, сейчас ее нет. Так вот, там находилась комендатура. Еще проволокой колючей место зоны было обнесено. Коменданта фамилию помню до сих пор - Худеев он был. И я, например, приду и говорю, что распишусь за маму, она плохо ходит. Он грубо так: «Нет! Сама!». Такой был! Не дай, Бог! Мы жили в бараке, в комнате №10, в длинном таком, в районе пятого магазина.

- Как ваша девичья фамилия?

- Клейн. Пока мать была жива, все письма писала, искала брата, который

шофером был. Он женился на учительнице, гречанке. Ей не разрешили с нашей семьей в ссылку ехать, и Федя, брат-то, потерялся, а когда вернулся домой, их вместе немцы угнали в Польшу. Оттуда - в Германию, где они попали к фермеру, у которого было восемь коров. Так вот Тане, жене брата, надо было доить этих коров, а она дома-то и одну выдоить не могла.

И те ребята, которые рыли с нами окопы, тоже были угнаны в Польшу, а после войны перебрались в Америку. И стали писать брату: «Приезжай сюда, здесь жить легче». И в 55-м году нам письмо пришло. Прихожу я домой, а мама плачет и говорит: «Ой, что у меня есть!» и показывает письмо от брата. Из Америки. У брата уже была дочь, названная в честь нашей мамы - Анной (мама - Анна Давидовна), в Америке у них родилась еще одна дочь. И фотокарточку прислали из самого Нью-Йорка.

Они сюда больше никогда не вернулись. А я им писала, и как только письмо придет, меня - в комендатуру! Страшное дело! А потом брат прислал мне вызов, чтобы я в гости к ним приехала. И что, пустили меня? Ни за что! Больше я никогда брата не видела. Они и сегодня живут там, у них уже три дочери, сейчас, конечно, уже все замужем. Я писала брату: «Приезжай домой!». Он ответил так: «Легко сказать, приезжай. Дети все говорят только по-английски и внуки тоже». И хоть меня вызывали в комендатуру, я все равно брату письма в Америку пи-

сала, а в комендатуру надо было ходить так, чтобы тебя никто не видел. И никому нельзя говорить, о чем там тебя спрашивают. А спрашивали, что в письмах брат пишет? Когда показала вызов, промолчали. Я успокоилась и даже пошла паспорт заграничный делать, но в паспортном столе мне сразу отказали.

- Эльза Эдуардовна, а про отца вы что-нибудь узнали?

- Нет, ничего. Хотя мать столько писала! Только 250 рублей компенсации за него выслали, из которых удержали за пересылку. И написали, что не сочтите, что мало, но самая большая зарплата сейчас в колхозе у тракториста, и то составляет 220 рублей. А вам, дескать, этого больше дали. Потом еще мать за брата старшего, которого забрали через месяц после отца, в 1937 году, такую компенсацию получила. Мама умерла в 1960-м году.

- Ой-е-ей, Наташа! Жизнь прошла, и ничего умного в ней не было.

Последние слова Эльзы Эдуардовны меня удивили точностью характеристики в отношении всего произошедшего с ней. Слушаешь человека и невольно думаешь о том, что в огромной стране творилось что-то такое, что не подвластно никакому разуму, словно и вовсе не было государственного руководства, а только всеобщее сумасшествие, враз поразившее всех. Театр абсурда в стране, строившей социализм.

Эпилог

Недавно я услышала мысль о том, что надо бы поставить памятник российскому народу, пережившему кровавый XX век. И вспомнила, что нечто подобное видела в квартире одного чудака, смело решившего писать о своих репрессированных земляках еще в 80-х годах ушедшего века, когда об этом говорить еще запрещали. А он писал и даже пытался публиковать в областных газетах. Порой, успешно. Побывав в его квартире-музее, я и увидела собирательный образ Российского государства, о котором лучше всего, расскажет сам автор.

Олег Николаевич Лузянинов – уроженец поселка Кытлым Карпинского района. «Пенсионер на вольных хлебах», как он сам себя отрекомендовывает, ранее работал корреспондентом газеты «Уральский рабочий», был актером Нижнетагильского драматического театра, занимался режиссурой в Качканарском народном театре.

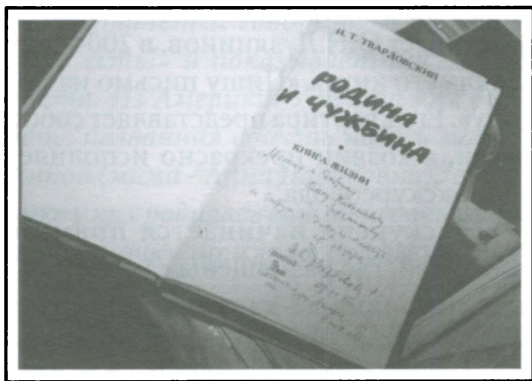
Много лет собирает предметы старины и пуговицы. В Нижнем Тагиле, где проживает О.Н.Лузянинов, в 2004 году вышла его книга «Пишу письмо на родину». Его квартира представляет собой музей, а хозяин прекрасно исполняет роль экскурсовода.

Экскурсия начинается прямо в прихожей, где размещены самые большие пуговичные картины «Времена года» и композиция, посвященная походу советского народа на демонстрацию.

-Это мы идем на демонстрацию, - начинает свой рассказ Олег Николаевич. – Помните, как мы раньше ходили на демонстрацию? Правда, результат этих походов, как и всей центральной политики государства, оказался плачевным. Вот эта композиция – собирательный образ Российского государства, которое едет строить коммунизм, но как видите рельсы кончились, ничего не построили, идея оказалась несостоятельной.

Вот композиция другая: на красной ткани парад цепей, кандалов, замков, ключей – символов несвободы. XX век войдет в историю земной цивилизации как век торжества неволи. Если распахнуть этот занавес, там можно найти страшную цифру. Только в СССР за один XX век в социально - политических катаклизмах погублено около 140 миллионов человек. Ни за что!

Вот здесь у меня на столе книга Ивана Твардовского. Был когда-то возле станции Старая Ляля поселок Парча. Там высланная семья Твардовских обитала. Большая часть жителей по-

селка в 30-х годах вымерла от голода и непосильного труда. Иван Трифонович Твардовский был свидетелем этого. Мы с ним были знакомы, много лет состояли в переписке, десятка два его писем у меня хранятся. Полтора года назад я послал ему свою книжку, но она вернулась с надписью на конверте «адресат умер».

...Тяжелейшая судьба человека. Он мне тоже свою книгу подарил, в которой написал: «Родина должна быть ро-

диной, а не чужеродиной». XX век всем нам преподнес урок, как нельзя жить, человек рождается не для мук. Посмотрите на его лицо. Выразительный портрет человека, замученного неволей. За что разорили семью Твардовских? Была великолепная, талантливая, крестьянская семья, из которой вышел известный поэт Александр Трифонович, написавший знаменитого «Теркина».

А вот на этой стене триптих, посвященный умирающей российской деревне. Была такая Русская Деревня, в которой до переворота 1917 года жило 82 процента населения всей страны и только 18 процентов обитали в городе. На деревне держалась российская национальная культура. Православие. А теперь – все наоборот. 80 процентов из нас живут в городах и только 20 - в спивающейся деревне. Кто этот процесс может остановить?..

- Вот тут - два портрета казаков. Они были казаками, их разжаловали, разгромили. Свердловск носил имя человека, по личному распоряжению которого в 1920 году на Северном Кавказе в Ставрополье и на Дону было уничтожено 200 тысяч казаков. За что? За то, что охраняли российские границы, за то, что были хлеборобами примерными?.. Как-то меня упрекнули: «Почему у вас безжизненная деревня?» А какую вы хотите ее видеть? Она и есть безжизненная, разоренная.

В продолжение деревенской темы - коллекция лаптей. Мне попал в руки лапоть, и он запел романс: «Слышен звон бубенцов издалека, это тройки

знакомый разбег». Коллекция лаптей размещена на стене над моей настоящей жилплощадью. Здесь я живу. Здесь два метра, как на кладбище. Места мало. Зато в душе много...

В душе Олега Николаевича места на самом деле много. Его хватает, чтобы искренне любить Россию. Это подтверждают строчки из его письма, адресованные мне после публикации первой книги «За колючей проволокой Урала».

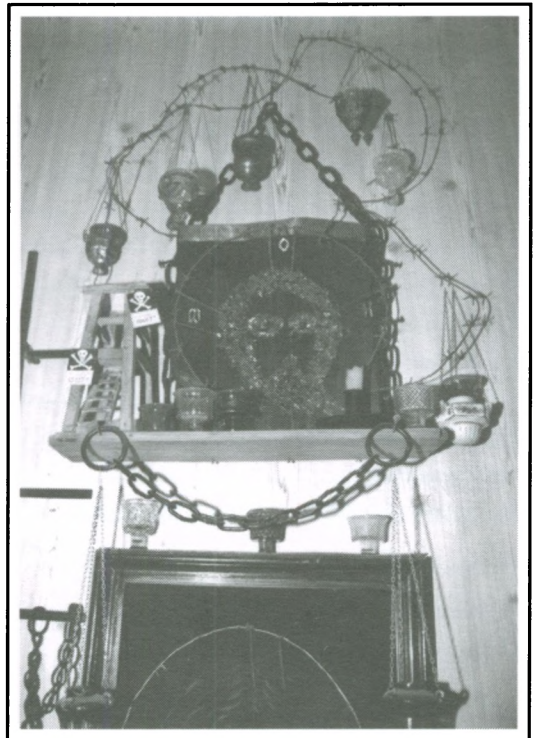
«Вашу книгу читал долго, внедрившись в те ужасающие обстоятельства. Сейчас подумалось – это надо читать с валерьянкой. Нет, и тут я не прав. Это надо читать, чтоб сердце щемило, чтоб прошибала слеза сострадания.

Не всякую боль сердечную надо унимать, иначе и скорбная память завалится хламом совершенно фальшивого благополучия.

Читая книгу, мне, кажется, я прожил тяжелую безнадегу той жизни, которую удалось не всем одолеть: они погибли от многих недугов – от обиды, отчаяния, физического и морального истощения, от опустошающей душу ностальгии, от безумия «свежей» социальной доктрины, ведущей на эшафот псевдокоммунизма».

Кто знает, чем закончится нынешний социальный застой, угрюмое молчание толпы. Упаси, Господи!

Но, послушутя, скажу, что нам, экскурсоводам по «светлому прошлому»

Эпилог

надо держать под рукой узелок с парой белья и хотя бы с книжечкой четырех Евангелий – в них вся мудрость, вся сердечная философия человечества. А сухарей брать с собой не надо. Они давно

припасены для людей с чистой совестью.

Вот видите, я как-то ненароком наговорил на 58-ю. Бог милостив...»

2004 год

В одном из писем художник Михаил Васильевич Дистергефт написал: «Почему правда.... всегда после, потом?». Но даже после она дается с трудом. История книги «За колючей проволокой Урала», как первой, так и второй, не проста, как правда, которую мне так хотелось донести до моих современников, в первую очередь тех, кто живет сегодня на Северном Урале. Именно здесь людьми, репрессированными по политическим мотивам в 30 - 40-е годы XX века, построены поселки, воздвигнуты города и промышленные объекты.

Средства на издание книги, как два года назад, так и сегодня, пришлось искать с трудом. Но, к счастью, есть еще люди, которые чувство гражданственности отождествляют с патриотизмом. Один из них - Сергей Иванович Пантелеев, директор Богословской ТЭЦ-филиала ОАО «ТГК-9», расположенной в городе Краснотурьинске. При его содействии была издана первая книга, при непосредственной помощи - вторая. Автор и герои очерков, а также все, кто с нетерпением ждет выхода второй книги, выражают Сергею Ивановичу Пантелееву искреннюю благодарность.

*Наталья Паэгле
март 2006 года*

Содержание

Вместо предисловия	3
Часть 1	9
Один из эшелона	11
Ивушка неплакучая	21
Тетя Тася	27
Я бы всю Тоту руками обняла.....	35
Я знала, что ты вернешься	45
Трактористка Анна	53
Жили-были «Соловьи», не тужили... ..	57
Килограмм колбасы за год отсидки	63
Господи, как нам повезло! Другие сгинули совсем.	71
Рукопись в тетради	79
Белый домик у рябины	95
Судьба шофера	99
Часть 2	107
Город - в наследство	109
Служу Советскому Союзу!	115
Свет погасшей звезды	124
Раскулачивание	128
Западный фронт. Первый месяц войны	133
Один из нас, который не стрелял... ..	135
Богословлаг: как это было	141
Рацпредложение	157
По ту сторону света	159
Прощай и прости.....	160
Цветы на лежневке	163
Трудное счастье мое	177
Приказ 1946 года	185
Замнаркома	187
Постоянный ток опасен для жизни	191
Уральский Вавилон в картинах художника	199
Хлебной корочки запах, зоны колючий забор.	209
В условиях прав и свобод	213
Камень для плотины	221

Часть 3	227
Поклонение и покаяние	228
Нас гоняли как собак	231
Ностальгия	239
А солнце было красное такое	247
Сын подпольщика	257
Ниспосланная благодать	263
Брали всех подряд	271
Эпилог	277

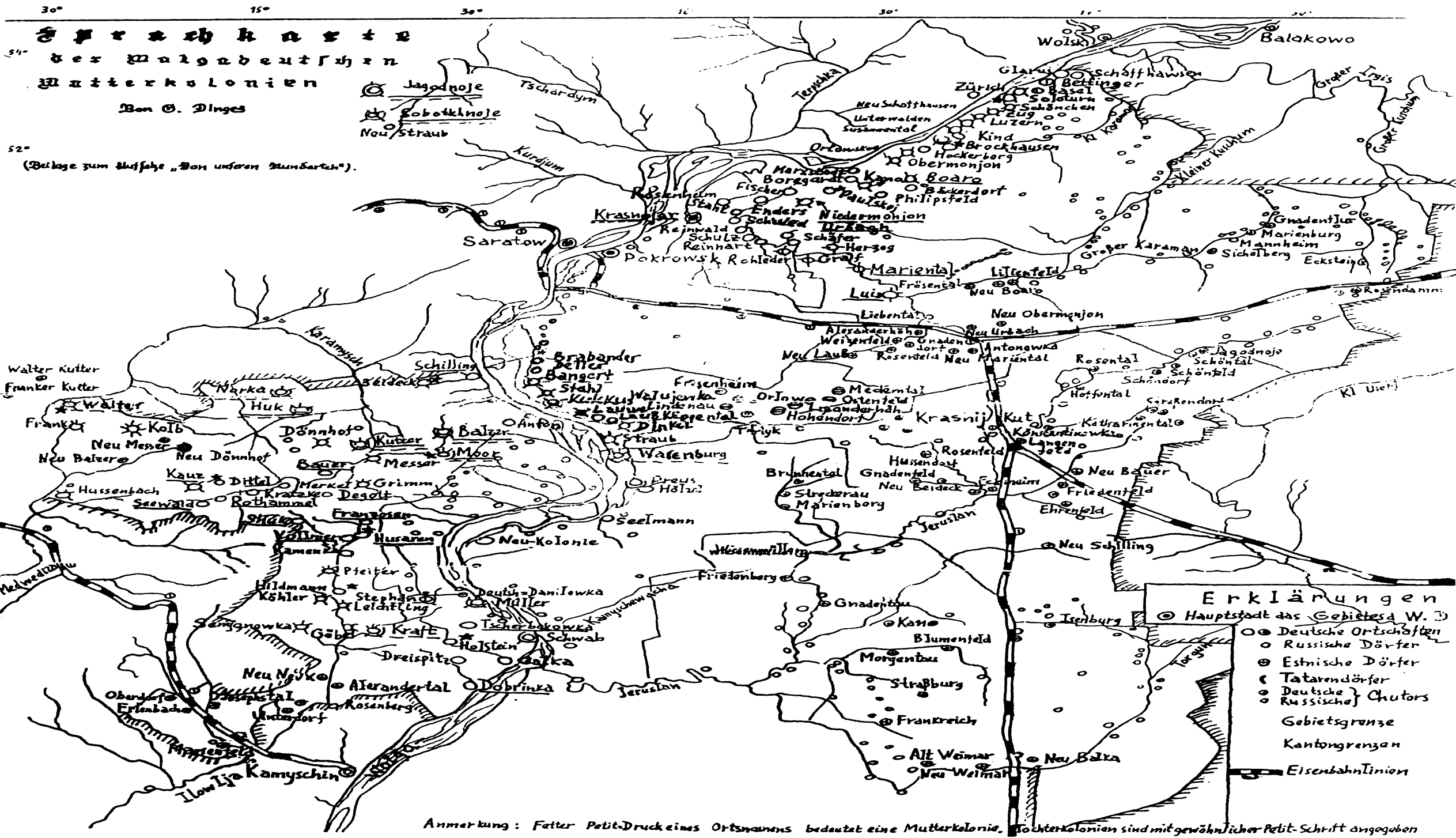
В книге использованы материалы из архива Богословской ТЭЦ, семейные фотографии героев очерков и материалы из домашнего архива Владимира Суворина.

Верстка Малашенко Ж.Е.
Дизайн обложки Успенская М.В.
Корректурa Аликина Н.А.
Фото Суворин В.В.

Издательство Чароид

Отпечатано в "Корпорации типографий "Циркон"
Свердловская обл., г.Реж, ул., Ломоносова 6.
Заказ № 3266. Тираж 600 экз.

Карта Поволжской Республики 1920 год

Средняя часть
 der Wolgadeutschen
 Mutterkolonien
 von G. Dinges

54°
 52°

(Beilage zum Blatte „Von unseren Mundarten“).

Anmerkung: Fetter Petit-Druck eines Ortsnamens bedeutet eine Mutterkolonie. Tochterkolonien sind mit gewöhnlicher Petit-Schrift angegeben.

Mapstab: 1 Zoll = 20 Werst.

Von Pulkowo 1920

У вас в руках, уважаемый читатель, вторая книга Натальи Михайловны Паэгле из серии «За колючей проволокой Урала». Первая книга вышла в марте 2004 года. Небольшой тираж ее, объясняемый только отсутствием средств на издание, не дал возможности получить ее многим, кто этого хотел.

Но в средствах массовой информации книга получила высокую оценку, а в обществе - резонанс, достойный и автора, и ее замысла. О Наталье Паэгле стали говорить так: «Журналист Паэгле - Событие в жизни всего Северного Урала».

Как же это произошло? Факультет журналистики в УрГУ она закончила в 1987 году. Работает специалистом по связям с общественностью на Богословской ТЭЦ, сотрудничала с газетой «Алюминщик» (ОАО БАЗ - филиал СУАЛ), публиковала свои очерки в краснотурьинской городской газете «Заря Урала», в «Карпинском рабочем», в «Областной газете». В 2002 году стала членом Союза журналистов России.

Свой замысел создать сборник о жертвах политических репрессий на Урале она реализует с 1998 года, публикуя в газетах очерки о спецпере-

селенцах, трудармейцах, политзаключенных Богословлага, одновременно сотрудничая с Екатеринбургским обществом «Мемориал», в котором является координатором школьных конкурсов по правам человека и «Человек в истории. Россия XX век». Каждый ее очерк отличается самой искренней заинтересованностью и подлинной ответственностью. Воспоминания людей оживают под ее пером, трогают ваше сердце, заставляют вас думать, сопереживать, делать свои личные выводы о жестокой судьбе земляков и жуткой философии террора. С поразительной для женщины эмоциональной стойкостью она выводит линии судеб своих героев, которые признают, как все, что «когда лес рубят, щепки летят», но знают не понаслышке, что «щепок» оказалось больше, чем «леса», и имеют право сказать теперь вместе со всеми, что «люди не щепки». Они хотели быть настоящими героями, потому что любили Родину. Но не все почувствовали себя таковыми даже после реабилитации.

Вклад журналиста Натальи Паэгле в их моральную реабилитацию просто не оценим. Ее книга - настоящий подарок не только самим реабилитированным, но и их детям и внукам, многие из которых до выхода книги не предполагали подлинного значения и трудового подвига своих отцов и дедов.

Для нас с вами вторая книга «За колючей проволокой Урала», написанная пером и сердцем Натальи Михайловны Паэгле, станет как бы еще одной широко развернутой экспозицией в первые создаваемого *народного музея*, который сохранит живую правду о прошлом.

Читая, вы ощутите полноту честного восприятия жизни, услышите голоса тех, кого уже нет с нами. Они станут близки вам, и вы почувствуете адекватность истории. Вы поймете: эта книга о ваших земляках и соотечественниках, которые достойны торжественного реквиема. Им стала эта книга.

Н.А. Аликина